

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

- Александрова О. В.*, д. филол. н., проф. (Россия, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский государственный университет)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Джумайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Ростов-на-Дону, Южный Федеральный университет)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)
Поссамаи Д., д-р, проф. (Италия, Падуанский университет)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, Тюменский государственный университет)
Фэр-Дюпэр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

- Новокрещенных И. А.* (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Русинова И. И. (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Арустамова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бурдина С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Дускаева Л. Р., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кондаков Б. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кушнина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Мишланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Мишланова С. Л., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Сидорова О. Г., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Шляхова С. С. д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта В. А. Бячкова.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 28.12.2018 – 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.03 – Славянские языки (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки), 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика (филологические науки); с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки).

Founder: Perm State University

Editorial Council

- Olga Aleksandrova* (Russia, Moscow State University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Olga Dzhumaylo (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Donatella Possamai (Italy, University of Padua)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Perm Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – Editor-in-Chief
(Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – Associate Editor
(Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – Associate Editor
(Saint Petersburg State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Svetlana Mishlanova</i> (Perm State University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Olga Sidorova</i> (Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	<i>Svetlana Shlyakhova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	
<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>

Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site V. A. Byachkova

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Анисимова Т. В., Чубай С. А. Особенности использования стилистических фигур в дискурсе социальной рекламы	5
Баталин С. В., Сороколетова Н. Ю. Зависимость степени коартикуляции согласного и гласного от типа ударения	15
Григорьева О. Н., Ли Силян. Лексические единицы, противопоставленные по признаку ‘холодный-теплый’, в дискурсе погоды в современном русском языке	24
Зверева Ю. В. Лексика крашения тканей в русских говорах Пермского края	34
Кун Чунья. Трудное для чтения слово: критерии выделения и типология (на материале русской речи носителей китайского языка)	46
Леонтьева М. О. К ареальной характеристике севернорусских названий внутренних органов животных	56
Чернышева Ю. С., Черных И. А. Терминология рекрутской обрядности в языке и фольклоре (на материалах XX–XXI вв.)	64
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	75
Горбенко А. Ю., Чекушин В. В. Журнал «Сибирские записки» как метатекст: система идеологических импликаций (1916–1917 гг.)	75
Зиннатуллина З. Р. «Внутренний» другой в творчестве Джона Фаулза	85
Мыслина Ю. Н. Джойсовская традиция романа В. Пелевина «Empire “V”»: от антисциентизма к изобретению нового персонажа	94
Николина Н. Н. Графический способ стилизации детской речи и моделирования детского мировосприятия в художественных произведениях (на примере романов “Room” Э. Донохью и “All the Lost Things” М. Сакс)	106
Ушакова О. М. Блоковские мотивы в поэме «Бесплодная земля» Т. С. Элиота	115
Халезина О. П. Концепт «дом» в очерках Ф. Зальтена «Новые люди на старой земле»	126
Шалимова Н. С. «Пугающе жуткая книга о детях...»: особенности поэтики романа Д. Тартт «Маленький друг»	134

CONTENTS

<i>LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY</i>	5
Anisimova T. V., Chubaj S. A. Figures of Speech as Used in Social Advertising Discourse	5
Batalin S. V., Sorokoletova N. Yu. The Impact of Prominence on CV Coarticulation	15
Grigorieva O. N., Li Xilian. Lexical Units Representing the Opposition ‘Cold-Warm’ in Weather Discourse in the Modern Russian Language	24
Zvereva Yu. V. Fabric Dyeing Vocabulary in Russian Dialects of the Perm Region	34
Kong Chunxia. Words Difficult to Read: Criteria, Typology, Corpus Statistics (based on the Russian speech of native Chinese speakers)	46
Leont’eva M. O. On Areal Characteristics of Northern Russian Names of Animals’ Internal Organs	56
Chernysheva Yu. S., Chernykh I. A. Russian Vocabulary of Recruit Rites in Language and Folklore (based on materials of the 20 th –21 st Centuries)	64
<i>LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT</i>	75
Gorbenko A. Yu., Chekushin V. V. ‘Siberian Notes’ Journal as a Metatext: the System of Ideological Implications (1916–1917)	75
Zinnatullina Z. R. The ‘Internal’ Other in John Fowles’s Works	85
Myslina Ju. N. The Joyce’s Tradition of V. Pelevin’s Novel «Empire ‘V’»: from Anti-Scientism to the Invention of a New Character	94
Nikolina N. N. Graphic Method of Stylization of Children’s Speech and Modeling a Child’s Perception of the World in Literary Fiction (a case study of the novels ‘Room’ by E. Donoghue and ‘All the Lost Things’ by M. Sacks)	106
Ushakova O. M. Alexander Blok’s Motifs in T. S. Eliot’s ‘The Waste Land’	115
Khalezina O. P. The Concept of ‘Home’ in the Essays by F. Salten ‘New People in the Old Land’	126
Shalimova N. S. ‘A frightening, scary book about children...’: the Poetics of the Novel ‘The Little Friend’ by D. Tartt	134

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 81'42:659.1

doi 10.17072/2073-6681-2022-4-5-14

Особенности использования стилистических фигур в дискурсе социальной рекламы

Татьяна Валентиновна Анисимова

д. филол. н., профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России
236006, Россия, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30. atvritor@yandex.ru

SPIN-код: 3483-6421

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1654-7783>

ResearcherID: A-6671-2017

Светлана Анатольевна Чубай

к. филол. н., доцент кафедры русской филологии и журналистики
Волгоградский государственный университет

400062, Россия, г. Волгоград, просп. Университетский, 100. chubaj77@mail.ru

SPIN-код: 5373-0166

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3660-8267>

Статья поступила в редакцию 05.06.2022

Одобрена после рецензирования 21.09.2022

Принята к публикации 05.10.2022

Информация для цитирования

Анисимова Т. В., Чубай С. А. Особенности использования стилистических фигур в дискурсе социальной рекламы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 5–14. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-5-14

Аннотация. Статья посвящена изучению стилистических фигур, принимающих участие в повышении эффективности социальной рекламы. В связи с этим целью исследования является описание тех стилистических фигур, которые наиболее часто используются в формировании аргументации посланий. Материал собирался из различных медиабанков сети Интернет методом сплошной выборки. Общий объем плакатов экологической социальной рекламы составляет более 4000 единиц. Стилистические фигуры по традиции разделяются на фигуры прибавления, убавления, размещения и сравнения. Фигуры прибавления в социальной рекламе представлены разнообразными формами повторов, причем наиболее активно используется анафора, с помощью которой автор текста подчеркивает основную мысль послания. Фигуры прибавления помогают уточнить сказанное, являются заметным средством усиления экспрессии текста. Фигуры убавления встречаются гораздо чаще. В этой группе представлены эллипсис, асиндетон, апосиопезис. Основная функция фигур размещения состоит в облегчении усвоения тезиса послания, поскольку с их помощью чаще всего расставляются требуемые для понимания тезиса послания логические ударения. Они подразделяются на симметричные (хиазм, инверсия, параллелизм) и асимметричные (парцелляция, параномазия). Фигуры сравнения составляют более трети всего объема найденных фигур, что показывает их высокую популярность на плакатах социальной рекламы. Они представлены в социальной рекламе тождеством (перифраза), контрастом (антитеза), алогизмом (амфиболия) и градацией. Именно в эту

группу входит антитеза – наиболее частотная и важная для социальной рекламы фигура, поскольку на ее основе строятся базовые альтернативы групп, кластеров, рубрик. Особая аргументативная ценность этой фигуры состоит в том, что она позволяет удвоить декларируемый признак: путем не только одобрения правильной модели поведения, но и одновременного осуждения неправильной. Именно поэтому в социальной рекламе представлены почти все формы построения антитезы: аллюзия, акротеза, парадистола и т. п.

Ключевые слова: социальная реклама; фигуры речи; эффективность социальной рекламы; средства выразительности; визуальные фигуры.

Актуальность исследования. Необходимость повышения эффективности взаимодействия с аудиторией требует привлечения не только соответствующих элементов содержания (убедительных аргументов), с помощью которых адресант воздействует на разум адресата, но и соответствующих элементов оформления текста, которые помогают организовать наиболее оптимальное восприятие послания. С этой целью чаще всего используются средства речевой экспрессии и выразительности, среди которых особенно популярны стилистические фигуры.

Несмотря на широкое распространение термина «стилистическая фигура», универсального определения этого явления не существует (см. об этом: [Боженкова, Каличкина, Пантелеева 2021]). Более того, нет и четкого (однозначного) понимания того, что относится к стилистическим приемам, а что – к стилистическим фигурам, и не следует ли последние называть риторическими фигурами.

Системный подход к решению этого вопроса показывает, что прием – более широкое (родовое) понятие, в то время как фигура является одной из его разновидностей. Что касается термина «риторическая фигура», то он в большой степени является порождением схоластической риторики, которая сводит все содержание этой науки к средствам украшения речи. Однако в наше время гораздо более продуктивным является «греческий» взгляд на назначение риторики. Так, Аристотель в своей «Риторике», как известно, определял эту дисциплину «как умение находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» [Аристотель 1978]. Таким образом, риторика отвечает за поиск и расположение в речи такого материала, который бы позволил достичь запланированной автором цели с максимальным для данной аудитории и в данной ситуации успехом. В деловой сфере общения использование экспрессивного синтаксиса может, конечно, иногда иметь некоторое значение, однако подобные приемы далеко не всегда уместны и совсем не обязательно улавливаются адресатом (и тем более воздействуют на него), поэтому в частных риториках деловой сферы (юридическая, управленческая, военная и т. п.), написанных профессионалами, стилистические

приемы могут упоминаться только как дополнительное и второстепенное средство улучшения качества готовой речи. Поэтому не случайно в качестве примеров использования стилистических приемов в словарях и научных статьях обычно приводят фрагменты из художественной литературы и реже из публицистики, не являющихся в узком смысле риторическими текстами.

Однако существует немало жанров, для которых яркие средства создания экспрессии и выразительности текста необходимы, и поэтому они входят в состав их жанрообразующих факторов. Одним из таких жанров является реклама. Здесь роль фигур весьма значительна, поскольку экспрессивность текста является важным стимулятором повышения коммуникативной эффективности послания. Именно при описании подобных жанров и сугубо риторический подход требует анализа состава и назначения всех приемов, способных усилить воздействующий потенциал текста (см.: [Борисова 2021; Верба, Нечипорук 2021; Маюк, Храмцевич 2021] и др.).

В связи с этим **целью** настоящего исследования является описание тех стилистических фигур, которые актуальны для дискурса социальной рекламы и принимают участие в формировании аргументации посланий.

Материал исследования. Для анализа были выбраны плакаты социальной рекламы, посвященные экологической тематике, т. е. призывающие беречь и охранять природу на Земле, не мусорить (в городе, на природе, в море), экономить природные ресурсы, охранять диких животных, гуманно относиться к кошкам и собакам и т. п. Материал собирался из различных медиабанков сети Интернет методом сплошной выборки. Совокупный объем материала составляет более 4000 единиц. В общем составе рубрик социальной рекламы экологическая социальная реклама занимает третье место по количеству плакатов (о принципах деления социальной рекламы на рубрики и оценке количества плакатов в каждой рубрике см.: [Анисимова, Чубай 2019]) после рубрик «Здоровье» и «Человек и закон».

В статье используются традиционные для лингвистики **методы:** описательный (основанный на анализе языкового материала), типологи-

ческий и сопоставительный, применявшиеся при классификации стилистических фигур.

В литературе стилистические фигуры чаще всего трактуются как устойчивые синтаксические образования («синтагматически типизируемый (относительно формализованный) стилистический прием» [Энциклопедический... 2011]), характеризующиеся как единицы экспрессивного синтаксиса. Важно отметить, что использование подобных фигур всегда является намеренным и целенаправленным. Соответственно, анализ примеров в таком случае показывает, с какой именно целью они были использованы и какой эффект в результате получен.

Интерес к изучению тропов и фигур появился еще в Античности. Так, Аристотель в своей «Поэтике» определяет фигуры как особого рода украшения речи. Однако истинным отцом теории фигур стал Цицерон, создавший их первую научную классификацию. Несмотря на то что она включала много таких позиций, которые с точки зрения современной науки не могут быть отнесены к фигурам (описания, призывы) или являются речевыми жанрами (просьба, обещание), его труды стали базой для дальнейших поисков в этом направлении.

В Советском Союзе отправной точкой роста интереса к полноценному изучению системы стилистических фигур можно считать идеи В. В. Виноградова, определившего экспрессивное в синтаксисе как особые речевые приемы. В дальнейшем большой вклад в уточнение списка фигур, их классификацию и описание внесли Э. М. Береговская, Г. А. Копнина, В. П. Москвин, И. В. Пекарская, А. П. Сковородников, Ю. М. Скребнев, Л. С. Ширина и др. Вместе с тем многие ученые отмечают, что, несмотря на разнообразие классификаций и большие достижения в изучении особенностей использования экспрессивного синтаксиса в различных видах дискурса, единого подхода к созданию теории фигур все еще не существует, что связано с их разнообразием и неоднородностью.

Поскольку в нашу задачу не входит исследование и оценка оснований для классификации стилистических фигур, за основу нами была взята концепция (включая отбор фигур и приемов для анализа), предложенная И. В. Пекарской. Выбор именно этой концепции объясняется тем, что она в наибольшей степени отражает особенности функционирования средств выразительности в социальной рекламе [Пекарская 2017: 92]. Автор предлагает следующую систему: фигуры убавления, построенные на экономии; фигуры прибавления, построенные на избыточности; фигуры размещения, построенные симметрично или асимметрично; фигуры сравнения. В резуль-

тате применения этой классификации имеем следующую структуру:

1. **Фигуры прибавления** (избыточность) составляют 10,8 % от общего числа найденных фигур. Они представлены в основном разнообразными формами повторов, которые являются одним из основных способов придания речи уверенности, стабильности. Они помогают уточнить сказанное, являются заметным средством усиления экспрессии текста.

– **Анафора** (повторение тождественных элементов в начале нескольких отрезков речи). В социальной рекламе чаще всего повторяется тот элемент послания, который несет основную смысловую нагрузку: *Лед тает не только в твоём коктейле! Помоги нам сохранить дом белого медведя! Помоги нам сохранить Арктику* (основной посыл: просьба о помощи); *Чистое будущее – в чистом настоящем* (основной посыл: необходимость соблюдать чистоту). На втором месте по частоте употребления стоит повтор местоимений, с помощью которых автор текста объединяется с адресатом: *Протяни руку планете, прекрати разрушать свой дом! Твой город! Твое решение! Ты выбираешь, каким будет твой город! Прими участие в проекте!; Наш город – наш дом! Не сорите в нём!*

Специфический вид анафоры, характерный именно для экологической рекламы, состоит в наделении таких конструкций дополнительным причинно-следственным оттенком значения: адресата призывают сохранять чистоту вокруг себя (в рамках микрообъекта), что явится залогом (следствие) чистоты в глобальном масштабе (в рамках макрообъекта): *Чистые машины – чистый город; Твой чистый двор – наш чистый город!; Чистый лес – чистый мир!*

Остальные формы повторов встречаются гораздо реже. Так, отдельными примерами представлены: **эпимона** (беспорядочный и неконтактный повтор): *Животные – прекрасные создания, и не бывает плохого или злого животного, пока его не сделает таким плохое с ним обращение человека, сознательное или бессознательное*; **гиперзевгма** (упорядоченное внутреннее неконтактное расположение повторяемых элементов): *Кто не любит природы, тот не любит и человека – тот плохой гражданин (Федор Достоевский)*; **гомеология** (повтор префиксов, суффиксов или окончаний): *Технологии на благо экологии*. Иногда повторяемые части слова включают не только суффиксы, но и часть корня, что обусловлено рифмой фрагментов: *Сдавай макулатуру – качай мускулатуру*; **геминация** (контактный повтор слова не менее трех раз). В социальной рекламе такой повтор, как представляется, невозможен, поскольку он

противоречит основной концепции этого дискурса, стремящегося наименьшим количеством слов передать максимально объемный смысл. В связи с этим и простой повтор одного слова в тексте воспринимается как явная избыточность, не свойственная стилистике социальной рекламы: *Никогда, никогда не вмешивайтесь в жизнь леса: у него и без вашего костра проблем хватает.*

Из других фигур прибавления, редко встречающихся в социальной рекламе, отметим **плеоназм** (наличие нескольких языковых форм, выражающих одно и то же значение, в пределах законченного отрезка речи): *Деревья, они уходят из наших городов. Остановите их!* Кроме того, в состав фигур, построенных на избыточности, может быть включен и **ассонанс** (прием звуковой организации текста: повторение гласных звуков). В социальной рекламе эта фигура не популярна, но встречается иногда в качестве дополнительного средства воздействия: *Кот Том и кошка Бом ищут свой уютный дом.*

Наши наблюдения показывают, что фигуры прибавления представлены наименьшим количеством примеров. Они в целом не очень характерны для плакатов социальной рекламы, поскольку основными принципами построения текста здесь являются принцип экономии речевых усилий и максимальная наглядность послания. Эта группа сводится в основном к анафоре, с помощью которой автор текста подчеркивает основную мысль послания.

2. **Фигуры убавления** (экономия), напротив, встречаются в экологической социальной рекламе довольно часто (31,1 % от общего числа найденных фигур).

– **Эллипсис** (стилистика значимый пропуск слова, который легко может быть восстановлен из контекста): *Красивый город своими руками* (пропущено: *создадим*); *Чтобы взять животное из приюта, нужно иметь сердце!* *Чтобы купить – деньги* (пропущено: *нужно иметь*). Чаще всего (как и обычно в речи) пропущенными оказываются глаголы «движения, перемещения в пространстве, глаголы энергичного физического воздействия, глаголы речи/мысли и др.» [Энциклопедический... 2011]: *В каждый дом – по питомцу; Малым рекам – полноводность и чистоту.* Среди всех описанных нами фигур эллипсис по частоте занимает второе место после антитезы. С его помощью тексту придается дополнительная энергичность, напряженность или стремительность – свойства текста, в наибольшей степени характерные для дискурса социальной рекламы.

– **Асиндетон** (намеренный пропуск союзов в сочинительных синтаксических конструкциях):

Живи по совести, соблюдай чистоту, стремись к высоким идеалам, совершенствуй мир вокруг себя. Будь человеком!; Контактный зоопарк. Незаконно. Жестоко. Опасно. Эта фигура, как и предыдущая, делает речь более энергичной и краткой, придает динамизм тексту. Как указывает А. П. Сквородников, «наибольшая степень экспрессивности присуща А. в сочетании с другими фигурами, усиливающими его действие, – парцелляцией, эллипсисом, повтором, синтаксическим параллелизмом» [там же]. Это утверждение справедливо и для плакатов социальной рекламы. Так, в первом из приведенных примеров асиндетон сопровождается параллелизмом используемых конструкций, а во втором – парцелляцией.

– **Апосиопезис** (стилистика фигура, состоящая в намеренном усечении, прерывании высказывания): *Если можно играть в песочнице... Омск – чистый город; Когда цветов много-много..., и просиопезис (опущение отрезка речи, предшествующего высказыванию): *...и даже лапу никто не пожмет* (о бездомной собаке); *...а дома лучше* (о бездомном котенке). Здесь фигуры убавления совмещаются с умолчанием – приемом, состоящим в переводе части смысла в подтекст и намек: какой должна быть детская площадка, чтобы детям было безопасно играть на ней, и что чувствует собака, которой не с кем пообщаться, должен домыслить сам адресат.*

– **Контаминация** – «объединение в речевом потоке структурных элементов двух языковых единиц на базе структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости» [Лингвистический... 1990: 269]. Этот прием в последнее время получил широкое распространение – не только в рекламе, где он использовался и раньше (ср.: магазин свежего пива «Веержа» – Веер (пиво) + биржа; «Шиндорадо» – шина + Эльдорадо и т. п.), но и в русском языке в целом, причем не только в разговорной речи (*стрекозел, апофигей*), но и в других стилях (*вебинар, брендализм* (бренд + вандализм – британский проект, направленный на борьбу с известными политиками и брендами, способствующими загрязнению земли и атмосферы) и т. д.). Такие новообразования обладают ореолом новизны, что эффективно способствует достижению основной задачи послания – привлечению внимания целевого адресата. Этот прием активно используется во всех рубриках социальной рекламы: *Сидway* (изображение аллеи кладбища); *Пивождение. Несовместимые слова; Мысли презВО!* (изображение руки с поднятым вверх большим пальцем) и т. п. (Более подробно о способах контаминации в социальной рекламе см.: [Анисимова, Чубай, Пригарина 2022].)

В экологической социальной рекламе тоже встречаются подобные контаминации: *Экологично? Если природа ответит нам тем же...* Выделение жирным шрифтом части слова приводит к двоякому пониманию слогана: 1) *Логично, если природа ответит нам тем же*; 2) *Такое поведение не экологично* (вопросительный знак в данном случае служит для формирования значения упрека). На другом плакате: *Их жизнь – свобода! Скажи НЕТ циркам и зоопаркам* (изображение тигра в лесу). Выделение цветом и шрифтом последнего слога первого предложения позволяет составить базовую альтернативу этого кластера: *Свободе – да, зоопаркам – нет!*

Во всех подобных примерах важную роль в повышении степени воздействия текста на адресата играет эффект, названный Р. Бартом «удовольствие декодирования» (см. об этом: [Wiseman 2016: 98]): если адресат расшифровывает послание, то испытывает особый вид удовольствия, что способствует переносу положительных эмоций и на идею рекламного текста. В этом смысле создание необычных слов с помощью контаминации (как и игра слов в целом) является весьма мощным средством воздействия хотя бы вследствие большей запоминаемости текстов, содержащих подобные слова.

3. **Фигуры размещения** определяют порядок расположения языковых единиц в тексте и составляют 23,6 % от общего количества найденных фигур.

Симметричное расположение может быть основано на перестановке (хиазм, инверсия) и параллелизме (изоколон, параллелизм).

– **Хиазм** – «риторическая фигура, заключающаяся в крестообразном изменении последовательности элементов в двух параллельных рядах слов» [Энциклопедический... 2011]. В социальной рекламе встречается не часто: *Необязательно, чтобы в каждом доме была собака, важно, чтобы у каждой собаки был свой дом.*

– **Инверсия** (изменение естественного порядка слов) используется в социальной рекламе для того, чтобы переставленный элемент оказался интонационно выделенным и привлек к себе дополнительное внимание. Чаще всего он переставляется в конец слогана: *Храни в природе чистоту* (ср.: Храни чистоту в природе); *В чистом городе хотят жить все! Выбор за каждым!* (ср.: Все хотят жить в чистом городе). На некоторых плакатах переставленное слово дополнительно выделяется цветом или шрифтом: *Любовь заслуживает **каждый*** (о животных-инвалидах; последнее слово выделено цветом); *Лампы накаливания **Замените!** на энергосберегающие лампы* (рис. 1).

– **Параллелизм** – прием, состоящий в копировании структуры одного предложения (или его части) в структуре другого предложения (или его части), в результате чего в смежных частях текста наблюдается идентичное или схожее расположение речевых элементов [Booij 2017: 277]. Параллелизм часто сочетается с анафорой или ассонансом и придает тексту ритмическую организацию: *Большинство людей никогда не придут в уют. Большинство животных не выйдут оттуда никогда...; Чистое небо, чистая совесть, чистый город.*

В социальной рекламе параллелизм может использоваться для сопоставления признаков, характеристик и т. п. двух предметов, явлений, действий и т. п. для того, чтобы выявить сходства и различия между ними или подчеркнуть особенности одного предмета путем сопоставления с другим. В таком случае он обязательно сочетается с антитезой: *Ты уезжаешь? Я остаюсь... Ты будешь жить – я умру от голода* (о собаке, оставленной на зиму на даче).

Рис. 1. Инверсия
Fig. 1. Inversion

Рис. 2. Паронимасия
Fig. 2. Paronomasia

Асимметричное расположение в социальной рекламе может быть представлено расчлененностью (парцелляция) и заменой (парономасия).

– **Парцелляция** – «членение предложения на сегменты, связанные интонационно, семантически и графически» [Borchers 2018: 109]. С помощью этого приема легко выделить в тексте наиболее важные части, на которые автор хочет обратить особое внимание адресата. Кроме того, такому тексту придается дополнительная экспрессивная окраска. Самая частотная в социальной рекламе модель с использованием парцелляции состоит в том, что часть послания, содержащая призыв (явно выраженный или скрытый) к адресату, отделяется от остальной части, в которой формулируется предмет обсуждения: *От вас зависит! В каком дворе будут играть Ваши дети.*

– **Парономасия** в социальной рекламе выглядит как языковая игра, с помощью которой делается более яркой и запоминающейся базовая альтернатива кластера. Типичным примером использования паронимов может служить плакат *Хочешь поддержать?* (изображение людей, которые держат на вытянутых руках земной шар). В слоган вставлена буква Д, что приводит к сопоставлению двух вариантов: *поддержать* (земной шар в руках) и *поддержать* (людей, которые делают добрые дела).

В ситуации сопоставления неродственных слов следует говорить о парономасии: *Хам бросает в лесу хлам*. Если в социальной рекламе используются разнообразные дополнительные графические приемы, в качестве паронимов могут выступать весьма далекие как по значению, так и по написанию языковые единицы. Так, на плакате *Песочница / пепельница?* (рис. 2) изображены песочные куличики с окурками. Плакат призывает не курить и не мусорить на детских площадках с тем, чтобы *песочница* не превращалась в *пепельницу*. Аналогично на плакате против использования меха животных для одежды в слогане *Носишь мех* в слове *мех* проделана дыра, что позволяет увидеть написанное на следующем листе слово *грех*. В результате применения этого приема послание получает дополнительный смысл: если ты носишь меховое изделие, то становишься соучастником убийства животного, что является смертным грехом.

Все фигуры размещения способствуют более легкому усвоению содержания послания, поскольку с их помощью чаще всего расставляются требуемые для понимания тезиса послания логические ударения.

4. **Сравнение** (34,5 %) может быть представлено тождеством (перифраза), контрастом (антитеза), алогизмом (амфиболия) и градацией.

– **Перифраза**, как известно, активно используется в товарной рекламе «для называния потребителей продукта или для создания эмоционального отношения к товару» [Скнарев 2014: 2307]. В социальной рекламе частотность этого приема существенно ниже. В отличие от других сфер общения, где обычно употребляются частотные (избитые) перифразы (*Белый дом* вместо Правительство США, *царь зверей* вместо лев и т. п.), в социальной рекламе чаще всего используются перифразы-окказионализмы. Так, призывая адресата взять из приюта собаку или кошку, авторы используют такие описательные наименования этих животных: *специалист по обнимашкам, организатор улыбки, архитектор счастья*. Ср. также: *Отдадим любовь в хорошие руки; Впустите в дом пушистый праздник!* Таким образом, практически все перифразы имеют эвфемистический характер, т. е. служат для создания положительной характеристики объекта. Причем в отличие от обычной практики употребления эвфемизмов с целью избежать употребления обидных слов (или из политкорректности), в социальной рекламе, как видно из примеров, перифразой заменяют вполне обычные нейтральные слова. Такие обороты позволяют, во-первых, совместить наименование предмета с его оценкой (что соответствует закону экономии средств воздействия, характерному для плакатов социальной рекламы и требующему с помощью меньшего количества средств выражения передавать больший объем содержания), а во-вторых, придать посланию дополнительную эмоциональность.

– **Антитеза** – наиболее частотная и важная для социальной рекламы фигура, поскольку на ее основе строятся базовые альтернативы групп, кластеров, рубрик. Особая аргументативная ценность этой фигуры состоит в том, что она позволяет удвоить декларируемый признак: путем не только одобрения правильной модели поведения, но и одновременного осуждения неправильной.

Чаще всего антитеза создается словами со значением универсальной или прагматической оценки: хороший / плохой, большой / маленький, жизнь / смерть, здоровье / болезнь и т. п.: *Стерилизации – да! Живодерням – нет!*; *Учись любить, а не губить* (о животных); *Выбор вегетарианцев – жизнь, выбор мясоедов – смерть*. Употребление таких пар всегда эффективно, наглядно и выразительно, поскольку четко представляет как положительный, так и отрицательный компоненты альтернативы (более подробно см. об этом: [Анисимова, Чубай 2021]). Другая весьма распространенная модель построения антитезы состоит в предоставлении выбора адресата

ту между типичным и рекомендуемым вариантом поведения людей: *Твой трофей или моя жизнь* (об охоте); *Убери за собой – или я убери за тобой* (Земля сбрасывает человека в урну); *Ему жизнь или вам шуба?*

Вместе с тем антитеза не обязательно напрямую отражает идею базовой альтернативы кластера. Иногда с ее помощью передаются дополнительные (или косвенные) смыслы: *Ты большой природы маленькая часть*; *Управлять природой можно лишь подчиняясь ей*.

Большое распространение в социальной рекламе имеет употребление контекстуальных антонимов: *Все гордятся родной природой, сохраняют – 1 % россиян* (противопоставляется пассивное (таких людей много) / активное (таких людей мало) отношение к сохранению родной природы); *Мусор или спортивный самолет?* (противопоставляется традиционный и раздельный сбор мусора). Такие антитезы часто сочетаются с умолчанием: *Здесь не только отдыхают, но и живут* (изображение медведя, несущего урну). Адресат сам должен домыслить ситуацию: туристы, отдыхающие на природе, оставляют после себя много мусора, что не нравится диким зверям, которые живут в лесу (чисто / грязно). *Заменить можно, вернуть нельзя* (рис. 3). Этот плакат агитирует за вегетарианство, что, однако, прямо не формулируется. Как и все подобные послания, напоминает о ценности жизни животного и призывает не убивать животных и не использовать их мясо (жизнь / смерть животного). Таким образом, во всех случаях употребления контекстуальных антонимов можно говорить только о необычной, привлекающей внимание форме антитезы, в то время как содержание все равно всегда четко соотносится с базовой альтернативой кластера (и рубрики в целом).

Что касается построения антитезы, то на плакатах можно наблюдать большую часть ее традиционных форм. Вместе с тем выглядят они далеко не всегда так, как описано в словарях риторических приемов, черпающих примеры из художественной литературы.

Аллоюзис – развернутое сопоставление двух характеристик предмета. В социальной рекламе в полной форме невозможно из-за ограниченного объема текста. Мы относим в эту группу любые случаи, когда построение антитезы сопровождается какими-либо пояснениями: *Опомнитесь, звери, – вы же люди! Их жизнь не стоит вашей шубы. Их кровь будет на ваших руках. Не покупайте мех!* **Акротеза** – утверждение одного из признаков предмета или явления за счет отрицания противоположного: *Убивать собак нельзя! Не враги мы, а друзья!* **Парадиастола** – противопоставление синонимов. В художественном

тексте используется чаще всего для подчеркивания различий близких по значению слов: *Врача пригласить, а фельдшера позвать* (А. Чехов). Однако в социальной рекламе синонимы обычно противопоставляются на общих основаниях: *Берегите не губите природу* (рис. 4). **Синкрисис** – антитеза, состоящая из двух симметрично построенных словосочетаний: *Все меньше окружающей природы, все больше окружающей среды*.

Рис. 3. Антитеза + умолчание
Fig. 3. Antithesis + Aposiopesis

Рис. 4. Парадиастола
Fig. 4. Paradiastole

– **Амфиболия** – постановка слова в такой контекст, в котором оно одновременно реализует два разных значения. Это довольно распространенный прием, позволяющий актуализировать предлагаемый слоган с помощью явного нарушения закона тождества, гласящего, что «в процессе определенного рассуждения всякое понятие и суждение должны быть тождественны самим себе» [Гетманова 2011: 92]: *Заткнись! Автомобиль без катализатора загрязняет воздух* (изображена задняя часть автомобиля, выхлопная труба заткнута тряпкой). Здесь совмещается два значения слова *заткнуться*: 1) стать заткнутым, закупориться (реализуется визуальной составляющей плаката); 2) перестать говорить, кричать (прост, пренебр.) (реа-

лизуется пояснением к слогану: поскольку автомобиль загрязняет воздух, его следует заставить замолчать).

– **Градация** – «стилистическая фигура, состоящая из ряда словесных компонентов (не менее трех): слов, словосочетаний, частей предложения, предложений, изобразительно-выразительных средств языка, расположенных в порядке их возрастающей, или (реже) убывающей семантической и/или эмоциональной значимости» [Энциклопедический... 2011].

В социальной рекламе градация, выраженная лексически, встречается крайне редко. Она используется для того, чтобы постепенно подвести адресата к необходимому тезису, уменьшить его сопротивление: *Один ребенок – это счастье, два – вдвойне. Планируйте не менее трех, и будете действительно счастливы!*

В экологической рекламе встречаются ситуации, когда действия одного человека по наведению порядка в микросреде позиционируются как вклад в наведение порядка в макросреде: *Чистый двор – чистый город – чистый мир!*

Фигуры сравнения составляют более 1/3 всего объема найденных фигур, что показывает их высокую популярность на плакатах социальной рекламы. Наиболее частотной здесь является антитеза, поскольку принцип контрастности лежит в основе всей концепции социорекламного дискурса, построенной на противопоставлении правильной и неправильной моделей поведения людей.

Выводы. Использование стилистических фигур и приемов в текстах социальной рекламы позволяет повысить эффективность посланий. Во-первых, фигуры способствуют более четкой и грамотной структуризации текста, что позволяет быстрее и точнее понять содержание плакатов. Кроме того, фигуры дают возможность выделить наиболее значимые части послания, а также расставить логические ударения в тексте. Во-вторых, использование фигур позволяет усилить воздействующий потенциал послания, поскольку многие из них сочетаются с метафорами и элементами языковой игры. Самыми частотными оказываются те фигуры, которые делают текст более кратким в результате его синтаксической компрессии.

Список литературы

Анисимова Т. В., Чубай С. А. Риторика социальной рекламы: монография. Волгоград, 2019. 138 с. URL: <http://scipro.ru/conf/rhetoric.pdf> (дата обращения: 04.06.2022).

Анисимова Т. В., Чубай С. А. Роль контраста в дискурсе социальной рекламы // Наука, технологии, инновации в мире глобальных трансформаций: материалы IX Международной научно-

практической конференции (21 апреля 2021 г.): в 2 ч. Ч. 1. Ростов н/Д: Изд-во Юж. ун-та ИУБиП, 2021. С. 181–192.

Анисимова Т. В., Чубай С. А., Пригарина Н. К. Блендинг как прием повышения эффективности социальной рекламы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. № 1. С. 30–43. doi <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.1.3>

Аристотель. Риторика // Античные риторики / под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 3–164.

Боженкова Н. А., Каличкина Т. И., Пантелева А. П. Тропофигуры как новые реалии текстов современной политической коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20, № 2. С. 57–73. doi <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.6>

Борисова И. В. Реализация стилистического потенциала англоязычных рекламных слоганов в интернет-дискурсе // Litera. 2021. № 9. С. 66–81. doi [10.25136/2409-8698.2021.9.36239](https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.9.36239)

Верба М. А., Нечипорук Т. В. Повтор как приём экспрессивного синтаксиса в немецких рекламных текстах // Филологический аспект. 2021. № 5(73). С. 18–25. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/povtor-kak-priyom-ekspressivnogo-sintaksisa-v-nemetskikh-reklamnykh-tekstakh.html> (дата обращения 03.06.2022)

Гетманова А. Д. Учебник логики. Со сборником задач. 8-е изд. М.: КНОРУС, 2011. 368 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.

Маюк Е. П., Храпцевич А. И. Коммуникативная роль стилистических средств в репрезентации эстетического образа // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2021. № 26–2. С. 146–149.

Пекарская И. В. О существующих типологиях стилистических фигур (аналитический обзор) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2017. № 3(21) С. 83–95.

Скнарев Д. С. Языковые средства создания образа товаров для животных в рекламном дискурсе // Фундаментальные исследования. 2014. № 11, ч. 10. С. 2304–2308.

Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. 3-е изд. М.: ФЛИНТА, 2011. 480 с.

Booij G., Audring J. Construction Morphology and the Parallel Architecture of Grammar // Cognitive science. 2017. № 41. P. 277–302.

Borchers T., Hundley H. Rhetorical Theory: an Introduction. Long Grove, IL: Waveland Press, 2018. 360 p.

Wiseman M. B. *The Ecstasies of Roland Barthes*. London, UK: Routledge, 2016. 220 p.

References

Anisimova T. V., Chubaj S. A. *Ritorika sotsial'noy reklamy* [The Rhetoric of Social Advertising: Monograph]. Volgograd, 2019. 138 p. Available at: <http://scipro.ru/conf/rhetoric.pdf> (accessed 4 Jun 2022). (In Russ.)

Anisimova T. V., Chubaj S. A. Rol' kontrasta v diskurse sotsial'noy reklamy [The role of contrast in the social advertising discourse]. *Nauka, tekhnologii, innovatsii v mire global'nykh transformatsiy: materialy IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (21 aprelya 2021 g.)* [Science, Technology, Innovation in the World of Global Transformations: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference (April 21, 2021): in 2 pts.]. Rostov-on-Don, Southern University (IMBL) Press, 2021, pt. 1, pp. 181–192. (In Russ.)

Anisimova T. V., Chubaj S. A., Prigarina N. K. Blending kak priem povysheniya effektivnosti sotsial'noy reklamy [Blending as a mode of ensuring efficiency in social advertisement]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 2022, issue 1, pp. 30–43. doi <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.1.3>. (In Russ.)

Aristotle. *Ritorika* [Rhetoric]. *Antichnye ritoriki* [Ancient Rhetorics]. Ed. by A. A. Takho-Godi. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1978, pp. 3–164. (In Russ.)

Bozhenkova N. A., Kalichkina T. I., Panteleva A. P. Tropofigury kak novye realii tekstov sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Tropofigures as new realities of texts of modern political communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 2021, vol. 20, issue 2, pp. 57–73. doi <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.6>. (In Russ.)

Borisova I. V. Realizatsiya stilisticheskogo potentsiala angloyazychnykh reklamnykh sloganov v internet-diskurse [Fulfillment of stylistic potential of the English-language advertising slogans in the Internet discourse]. *Litera*, 2021, issue 9, pp. 66–81. doi [10.25136/2409-8698.2021.9.36239](https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.9.36239). (In Russ.)

Verba M. A., Nechiporuk T. V. Povtor kak priem ekspressivnogo sintaksisa v nemetskikh reklamnykh

tekstakh [Repetition as a device of expressive syntax in German advertising texts]. *Filologicheskii aspekt* [Philological Aspect], 2021, issue 5 (73), pp. 18–25. Available at: <https://scipress.ru/philology/articles/povtor-kak-priyom-ekspressivnogo-sintaksisa-v-nemetskikh-reklamnykh-tekstakh.html> (accessed 3 Jun 2022). (In Russ.)

Getmanova A. D. *Uchebnik logiki. So sbornikom zadach* [Logic Textbook with a Collection of Exercises]. 8th ed. Moscow, KNORUS Publ., 2011. 368 p. (In Russ.)

Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 685 p. (In Russ.)

Mayuk E. P., Khramtsevich A. I. Kommunikativnaya rol' stilisticheskikh sredstv v reprezentatsii esteticheskogo obraza [The Communicative role of stylistic devices in the aesthetic image representation]. *Lingvovitoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Linguistic Paradigm: Theoretical and Applied Aspects], 2021, issue 26–2, pp. 146–149. (In Russ.)

Pekarskaya I. V. O sushchestvuyushchikh tipologiyakh stilisticheskikh figur (analiticheskiy obzor) [On the existing typologies of stylistic figures (analytical review)]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova* [Bulletin of Khakassian State University named after N. F. Katanov], 2017, issue 3(21), pp. 83–95. (In Russ.)

Sknarev D. S. Yazykovye sredstva sozdaniya obraza tovarov dlya zhivotnykh v reklamnom diskurse [Linguistic devices of creating an image of pet supplies in advertising discourse]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2014, issue 11, pt. 10, pp. 2304–2308. (In Russ.)

Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety [Encyclopedic Reference Dictionary. Expressive Means of the Russian Language, Speech Errors and Shortcomings]. Ed. by A. P. Skovorodnikov. 3rd ed. Moscow, FLINTA Publ., 2011. 480 p. (In Russ.)

Booij G., Audring J. Construction morphology and the parallel architecture of grammar. *Cognitive Science*, 2017, issue 41, pp. 277–302. (In Eng.)

Borchers T., Hundley H. *Rhetorical Theory: An Introduction*. Long Grove, IL, Waveland Press, 2018. 360 p. (In Eng.)

Wiseman M. B. *The Ecstasies of Roland Barthes*. London, UK, Routledge, 2016. 220 p. (In Eng.)

Figures of Speech as Used in Social Advertising Discourse

Tatiana V. Anisimova

Professor in the Department of Socio-Economic Disciplines and Humanities

Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University

under the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

30, Generala Galitskogo st., Kaliningrad, 236006, Russian Federation. atvritor@yandex.ru

SPIN-code: 3483-6421

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1654-7783>

ResearcherID: A-6671-2017

Svetlana A. Chubaj

Associate Professor in the Department of Russian Philology and Journalism

Volgograd State University

100, prospekt Universitetskij, Volgograd, 400062, Russian Federation. chubaj77@mail.ru

SPIN-code: 5373-0166

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3660-8267>

Submitted 05 Jun 2022

Revised 21 Sep 2022

Accepted 05 Oct 2022

For citation

Anisimova T. V., Chubaj S. A. Osobennosti ispol'zovaniya stilisticheskikh figur v diskurse sotsial'noy reklamy [Figures of Speech as Used in Social Advertising Discourse]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 5–14. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-5-14 (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to the study of stylistic figures employed to increase the effectiveness of social advertising. The purpose was to describe the figures of speech that are most often used when developing the argumentation of messages. The material was collected from various media banks on the Internet by a continuous sampling method. We have analyzed environmental social advertising posters, more than 4,000 units in total. Stylistic figures are traditionally classified into the figures of addition, omission, transposition, and comparison. The figures of addition in social advertising are represented by various forms of repetitions; the most actively used is anaphora, which helps the author of the text to emphasize the main idea of the message. The figures of addition clarify what has been said, they are a noticeable means of enhancing the expression of the text. Omission figures are much more common. This group includes ellipsis (the most frequent of all the described figures), asyndeton, aposiopesis. The main function of transposition figures is to facilitate assimilation of the thesis of the message: they are mainly employed to place logical accents, required for understanding the thesis of the message. They are divided into symmetrical (chiasm, inversion, parallelism) and asymmetric (parcellation, paronomasia). Comparison figures constitute more than a third of the total number of the figures found, which shows their high popularity on social advertising posters. They are represented in social advertising by identity (periphrasis), contrast (antithesis), alogism (amphiboly), and gradation. This group includes antithesis, which is considered the most frequent and important figure for social advertising since basic alternatives of groups, clusters, rubrics are based on antithesis. The special argumentative value of this figure is that antithesis makes it possible to double the declared attribute, by not only approving the correct behavior model but also simultaneously condemning the wrong one. That is why almost all forms of the antithesis construction are presented in social advertising: alloyosis, acrothesis, paradiastole, etc.

Key words: social advertising; figures of speech; social advertising effectiveness; means of expression; visual figures.

УДК 811.161.1.34

doi 10.17072/2073-6681-2022-4-15-23

Зависимость степени коартикуляции согласного и гласного от типа ударения

Сергей Васильевич Баталин

к. филол. н., доцент кафедры «Иностранные языки»

Волгоградский государственный технический университет

400005, Россия, г. Волгоград, просп. Ленина, 28. sbat_2009@mail.ru

SPIN-код: 5161-4516

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3435-9797>

ResearcherID: M-7747-2019

Наталья Юрьевна Сороколетова

к. филол. н., доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики

Волгоградский государственный университет

400062, Россия, г. Волгоград, просп. Университетский, 100. sorokoletovanat@volsu.ru

SPIN-код: 2768-7665

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-0911>

ResearcherID: W-2164-2017

*Статья поступила в редакцию 06.04.2022**Одобрена после рецензирования 12.09.2022**Принята к публикации 21.09.2022***Информация для цитирования**

Баталин С. В., Сороколетова Н. Ю. Зависимость степени коартикуляции согласного и гласного от типа ударения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 15–23. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-15-23

Аннотация. Анализируется влияние типа ударения (нейтральное vs эмфатическое) на степень коартикуляции согласного и последующего гласного. Актуальность работы обусловлена практическими задачами синтеза и распознавания звучащей речи, при этом существующий объем исследований на материале русского языка недостаточен. Количественная оценка коартикуляции выполнена с использованием метода локус-уравнений. Экспериментальный материал представлен псевдословами со структурой СГСГ с ударением на первом слоге, при этом согласные и гласные реализовывались одним и тем же звуком. В качестве согласных выступали губно-губной, переднеязычный и заднеязычный звонкие смычные согласные – соответственно [b], [d] и [g]; в качестве гласных – непалатализованные гласные [ɛ], [ɑ] и [u]. В роли информантов было привлечено 6 мужчин; акустический анализ выполнен с использованием программы Praat методами быстрого преобразования Фурье и линейного предиктивного кодирования. Установлено, что в зависимости от места образования согласного уравнения линейной регрессии для СГ-перехода различаются по точке пересечения с осью Y и по углу наклона регрессионной прямой в случае гласных, произнесенных как с нейтральным, так и с эмфатическим ударением. Сопоставление линейных уравнений для СГ-переходов согласных одинакового места образования выявило количественные различия в степени коартикуляции губно-губного и переднеязычного согласных, выраженные как в сдвиге регрессионной прямой по оси Y, так и в угле наклона линии регрессии. В случае заднеязычного согласного наблюдалось различие в уравнениях регрессии по величине свободного члена и совпадение по углу наклона регрессионных прямых. Полученные результаты интерпретированы на основе сопоставления с имеющимися в литературе данными.

Ключевые слова: форманта; формантные треки; формантные переходы; линейная регрессия; локус; локус-уравнение; коартикуляция.

Вступление

Как известно, артикуляция звуков в потоке речи в значительной степени определяется процессами ассимиляции и аккомодации, обусловленными влиянием фонетического контекста. Описание качественных и количественных характеристик этих процессов является актуальной задачей для решения проблем распознавания и синтеза речи. В качестве одного из аналитических способов выявления места образования согласного (МОБР) используется описание соотношения значений частоты форманты F2 на переходном и целевом участках гласного в СГ-словах. Данный метод был предложен Б. Линдбломом, выявившим наличие линейной зависимости между значениями частоты F2 безударных гласных на участке перехода от согласного к гласному и значениями F2 этого же гласного при достижении им целевой артикуляции [Lindblom 1963: 1777]. Было установлено, что согласные с различными МОБР отличаются как степенью наклона регрессионной прямой, так и значениями коэффициента свободного члена, описывающего сдвиг регрессионной прямой по оси Y. Само уравнение получило название локус-уравнения и может быть представлено в следующем виде:

$$F2_{\text{начальн}} = \alpha F2_{\text{целев}} + c,$$

где F2_{начальн} – значение второй форманты на участке перехода гласного от предшествующего согласного;

F2_{целев} – значение второй форманты гласного на целевом участке; α – угол наклона регрессионной прямой;

c – точка пересечения линии регрессии с осью Y (*Y-intercept*);

α – коэффициент регрессии.

Величина α характеризует степень коартикуляции МОБР согласного с последующим гласным: при угле наклона, равном нулю, значение F2 на начальном участке гласного не зависит от значения F2 на целевом участке и степень коартикуляции согласного и гласного отсутствует. Если значение угла наклона α равно 1, то коартикуляция согласного с гласным максимальна.

Необходимо отметить перцептивную значимость локус-уравнений, построенных на основе экспериментальных данных: установлено, что степень коартикуляции согласных с различным МОБР по-разному воспринимается в речи нормально слышащих и лиц с потерей слуха. По наблюдениям Х. Моррисон, в СГ-словах степень регрессивной аккомодации у дикторов с потерей слуха может превышать или, наоборот, быть

меньше аналогичных значений по сравнению с речью дикторов с нормальным слухом. Нарушение коартикуляции приводит к перекрытию акустических пространств, занимаемых согласными с различным МОБР и, соответственно, неразборчивости речи [Morrison 2008]. Кроме того, Дж. Берри и Г. Вейсмер отмечают, что сохранение одинаковой степени коартикуляции в слогах, произнесенных с замедленным и нормальным темпом, хотя и не приводит к неразборчивости высказывания, звучит неестественно [Berry, Weismer 2013].

Поскольку локус-уравнения описывают количественный аспект коартикуляции, естественно, что количественные показатели зависят от факторов, определяющих качественные аспекты коартикуляции. Основная часть исследований локус-уравнений выполнена на материале согласных /b/, /d/ и /g/, представляющих различные классы согласных с точки зрения места образования преграды (губные, переднеязычные и велярные). Локус-уравнения могут эффективно описывать коартикуляцию с другими типами постпалатальных согласных (фарингальными, увулярными и гортанными), используемыми, например, в арабском языке [Bouferroum, Boudraa 2015]. При этом, согласно общепринятой точке зрения, гласные наиболее легко коартикулируют с заднеязычными согласными, а степень коартикуляции с переднеязычными минимальна. Кроме того, В. Б. Кузнецов отмечает, что способ образования согласных в ударных и безударных слогах не играет существенной роли в формировании F2 перехода: уравнения регрессии фрикативных согласных не отличаются от соответствующих взрывных [Кузнецов 2018: 27]. Тем не менее К. Фаулер выявила, что наклон линии регрессии для щелевых несколько превышает наклон прямой для смычных, и объяснила этот факт более строгими артикуляционными требованиями к артикуляции щелевых по сравнению со смычными [Fowler 1994: 600].

Наиболее распространенной теорией, объясняющей различие в степени коартикуляции гласных и согласных с различными МОБР, является сопротивляемость согласного звука коартикуляции. Данный термин был предложен Д. Рекасенсом, который определял степень коартикуляционного сопротивления через стандартное отклонение начального участка F2. Меньшее значение стандартного отклонения начального участка F2 соответствовало большему сопротивлению коартикуляции в результате ограничений, накладываемых артикуляцией согласного [Recasens 1985: 102]. Другими словами, степень со-

противления коартикуляционного жеста согласного влиянию соседних движений является инвариантной для всех гласных и определяется только МОБР согласного. Исходя из данного тезиса, исследователи часто проводят усреднение данных по гласным независимо от их качества. Тем не менее имеющиеся данные позволяют поставить под сомнение вышесказанное допущение. Так, Дж. Берри и Г. Вейсмер установили, что локус-уравнения при усреднении значений в группе кратких гласных, а также гласных высокого подъема совпадают с локус-уравнениями, полученными при усреднении значений для 10 гласных. При усреднении значений в группе гласных низкого подъема наблюдалось увеличение наклона регрессионной прямой, а в группе гласных заднего ряда наклон прямой был наименьшим [Berry, Weismer 2013: 475]. Отмечаются статистически достоверные различия по углу наклона регрессионной прямой и значению свободного члена при сочетании одного и того же согласного с долгими и краткими гласными [Abuoudeh, Crouzet 2014]. Кроме того, выявлены различия в уравнениях регрессии гласных переднего vs заднего ряда в сочетании с заднеязычным /g/ [Sussmann, McCaffrey, Matthews 1991; Lindblom et al. 2007; Berry, Weismer 2013].

Необходимо отметить, что для русского языка влияния МОБР палатализованного согласного на начальное значение F2 перехода в сочетании с последующим гласным выявлено не было [Бондарко 1977: 85; Кузнецов 2018]. Что касается мягких переднеязычных [tʲ, sʲ] и заднеязычных согласных [kʲ, xʲ], то локус-уравнения для них статистически достоверно не различаются и могут быть противопоставлены только мягким губным [Кузнецов, Бобров 2019].

В роли одного из важных факторов, определяющих степень наложения артикуляционных жестов, выступает ударение: общепринятой является точка зрения, согласно которой большая выделенность гласного сопровождается меньшей степенью коартикуляции с соседним согласным [Zellou 2012: 2686], что, в свою очередь, определяется длительностью смычки [Lindblom, Sussman, Agwuele 2009]. В случае с локус-уравнениями угол наклона регрессионной прямой ударного гласного должен сопровождаться меньшим значением по сравнению с гласными, произнесенными с меньшей степенью выделенности или без ударения. Однако имеющиеся экспериментальные данные противоречивы. Так, Б. Линдблом выявил, что в случае с /d/, произнесенным с эмфатическим ударением, наклон регрессионной прямой становится меньше по сравнению с обычным ударением,

в случае с /b/ изменения угла наклона пренебрежительно малы для гласных, произнесенных с различной степенью выделенности, а в случае с /g/ изменение угла наклона регрессионной прямой может быть обусловлено междикторскими различиями [Lindblom et al. 2007: 3807]. Данные, полученные В. Б. Кузнецовым на материале мягких согласных русского языка, показывают, что значение углового коэффициента больше для мягких согласных в безударном слоге по сравнению с ударными слогами, и локус-уравнения имеют следующий вид:

– мягкие согласные в ударном слоге:
 $Y = 0,45x + 1118,2$ ($R^2 = 0,63$);

– мягкие согласные в безударном слоге:
 $Y = 0,74x + 511,5$ ($R^2 = 0,71$) [Кузнецов, Бобров 2019].

Таким образом, значительный разброс имеющихся в литературе экспериментальных данных свидетельствует о необходимости проведения дополнительных исследований в области функционирования локус-уравнений. При этом представляется логичным исходить из предположения, что локус-уравнения не только должны отражать различную степень влияния МОБР согласного на степень коартикуляции с последующим гласным, но и будут определяться типом ударения (нейтральное vs эмфатическое), с которым произносится гласный.

Методика организации и проведения эксперимента

Анализ выполнен на материале гласных [ε], [α] и [u], входящих в состав квазислов со структурой СГСГ и ударением на первом слоге; в качестве консонантного контекста выступали непалатализованные согласные [b], [g] и [d]. Оба согласных и гласных реализовывались одним и тем же звуком, например «баба». Квазислова были включены во фразы идентичного звукового состава «Вырос СГСГ сильным» и объединены в группы, в каждой из которых анализируемое слово представляло последовательное сочетание каждого гласного с каждым из согласных. Из групп по принципу латинского квадрата были сформированы серии, каждая из которых озвучивалась по 9 раз сначала с нейтральным, а затем с эмфатическим ударением. Материал был озвучен 6 дикторами – мужчинами, обладающими стандартным русским произношением; средний возраст информантов составил 37 лет. Общее количество реализаций составило 972 единицы. Перед чтением дикторам предъявлялись образцы звучания фраз с нейтральным и эмфатическим ударением на анализируемом слове во всех по-

зициях в составе фразы с использованием следующего микродиалога:

– Вырос баба сильным (ИК-1).

– Кто? Папа?

– Нет, вырос **баба** сильным (с эфатическим ударением).

Запись производилась в безэховой студии на микрофон RODE NT1-A и рекордером ZOOM-HS, оцифровывающим аналоговый сигнал с частотой 44 100 Гц; для проведения измерений частота дискретизации была снижена до 11 025 Гц, 16 бит. Точки измерения частоты F2 определялись по спектрограмме и осциллограмме. Спектр F2 на СГ-границе измерялся на интервале первого полноценного периода колебаний голосовых связок, целевое значение F2 определялось на интервале полного периода колебаний голосовых связок в середине стабилизированного участка

траектории F2, в случае повышения или понижения траектории – в середине гласного, в случае выпуклой или вогнутой траектории – в точке перелома траектории, т. е. максимального или минимального значения.

Для акустического анализа были использованы метод быстрого преобразования Фурье (БПФ) и метод линейного предиктивного кодирования (ЛПК) в программе Praat. Использовался метод автокорреляции, порядок предсказания был выбран равным 24. Для расчета регрессионных прямых использовалось среднее значение, полученное на основе измерений обоими способами; в случае расхождения более чем на 20 % результаты исключались. Коэффициент корреляции измерений, полученных методами БПФ и ЛПК, составил 0,89. На рис. 1 представлен пример измерения данных с использованием обоих методов.

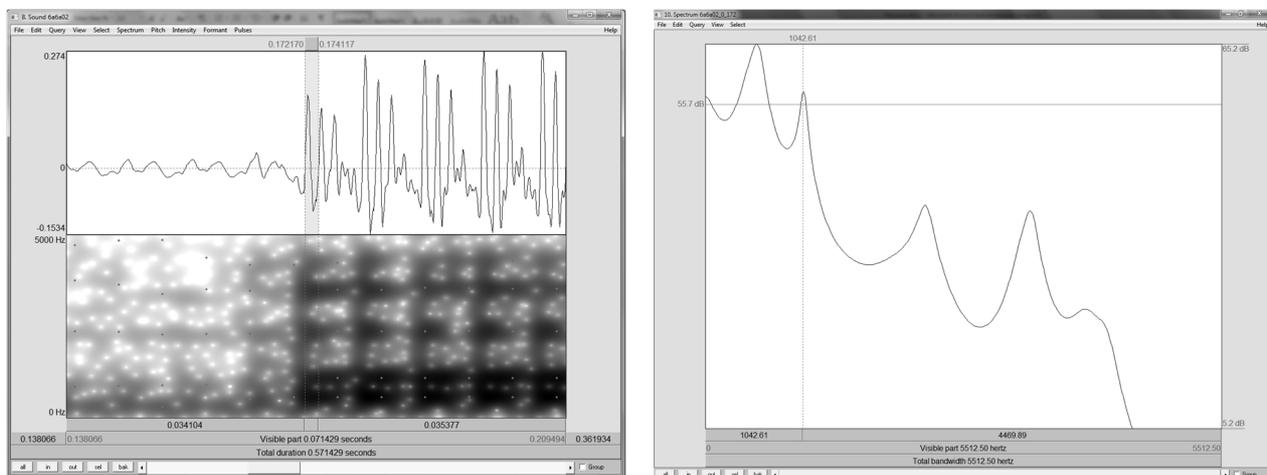

Рис. 1. Измерение значения F2 на переходном участке СГ слова «баба» методами быстрого преобразования Фурье и линейного предиктивного кодирования

Fig. 1. Measuring F2 Values at the CV Transition of the Word ‘Baba’ with FFT and LPC Methods

Результаты и обсуждение

На рис. 2, а представлены графики регрессионных прямых для гласных, произнесенных с нейтральным ударением в сочетании с предшествующими согласными различного МОБР.

Все уравнения статистически значимы при $\alpha = 0,05$; все их коэффициенты статистически достоверно отличны от нуля. Также необходимо отметить высокое качество построенных графиков: полученные уравнения регрессии объясняют 79 % вариативности начального участка F2 для /б/, соответствующие значения R^2 для /д/ составляют 83 % и для /г/ – 91 %.

Полученные уравнения линейной регрессии отличаются в зависимости от МОБР согласного как по углу наклона, так и по значению пересечения линии регрессии с осью Y. Наклон регрессионной прямой максимален в случае сочетания гласного с заднеязычным согласным и минимален в случае переднеязычного согласного, а сами уравнения имеют следующий вид:

$$\begin{aligned} \text{для /б/: } Y &= 0,520x + 420,5; \\ \text{для /д/: } Y &= 0,491x + 723,4; \\ \text{для /г/: } Y &= 0,990x + 112,0. \end{aligned}$$

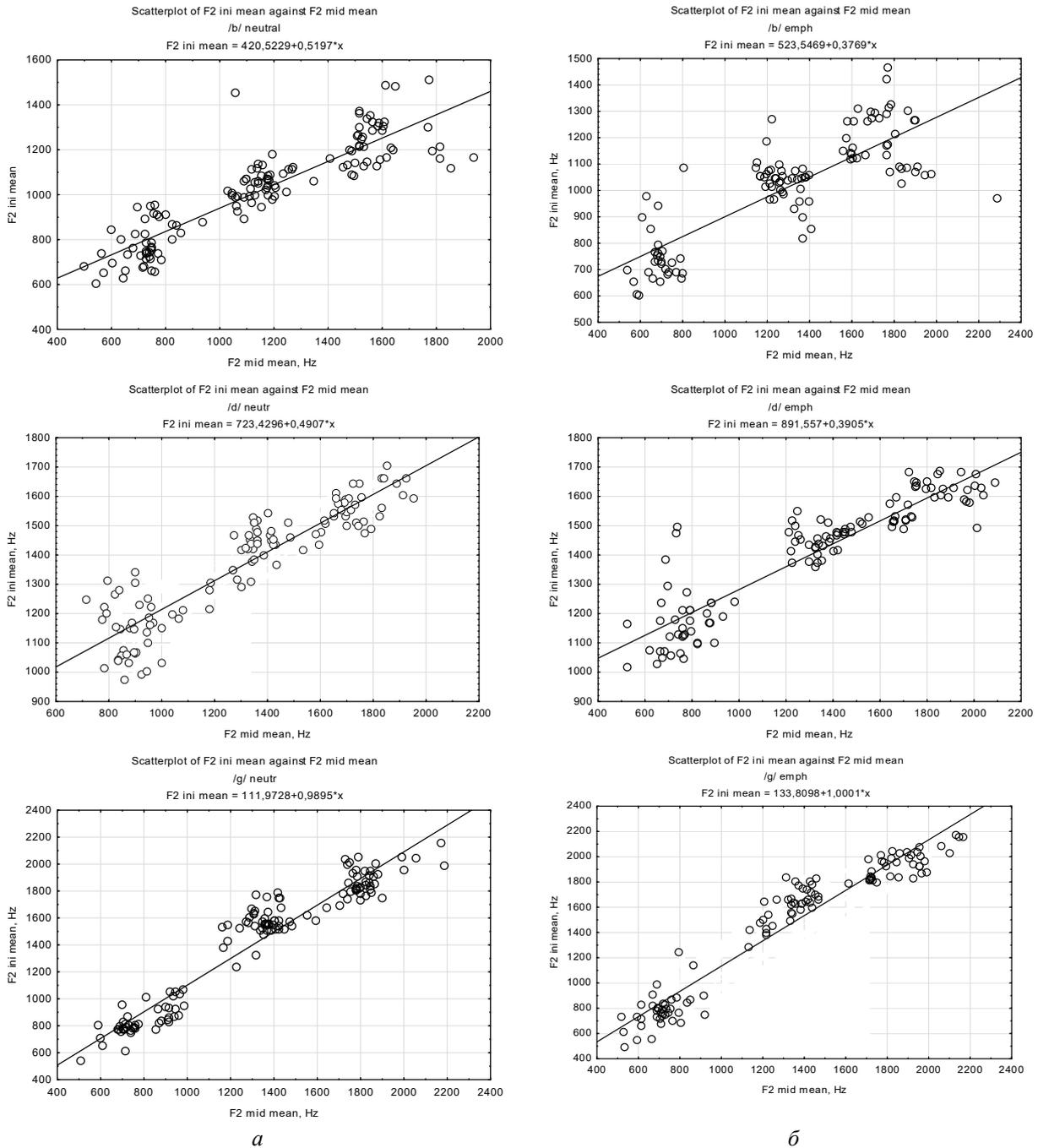

Рис. 2. Графики и локус-уравнения гласных. Произнесенных с нейтральным (а) и эмфатическим (б) ударением
 Fig. 2. Scatterplots and Locus Equations for the Vowels Uttered with Neutral (a) and Emphatic (b) Stress

Таким образом, полученные результаты подтверждают имеющиеся в литературе данные о противопоставлении гласных по F2 переходу для согласных различного места образования. Рассмотрим количественные параметры полученных уравнений. Как следует из экспериментальных данных, максимальный наклон регрессионной прямой наблюдается для заднеязычного согласного /g/, что вполне согласуется с положением о наименьшем сопротивлении коартикуляции заднеязычных согласных. Что касается /b/, то наклон регрессионной прямой несколько превышает аналогичное значение для /d/ и также со-

гласуется с результатами, полученными на материале других языков [Boufferoum, Boudraa 2015; Sussman, McCaffrey, Matthews 1991; Baillargeon et al. 2002]. С другой стороны, при сопоставлении с результатами, полученными В. Б. Кузнецовым, уравнение для губно-губного /p/ имеет следующий вид: $Y = 0,36x + 0,497$, т. е. наклон регрессионной прямой минимален [Кузнецов 2018]. При этом все авторы отмечают минимальную коартикуляцию губных согласных с последующим гласным, что обусловлено использованием разных артикуляторов: губ и языка. Указанные выше противоречия в полученных дан-

ных можно объяснить, если учесть артикуляцию звука, предшествующего губному согласному. Так, в работах О. Буфферума и Г. Суссмана использовался стандартный контекст «Say CVC again» [Boufferoum, Boudraa 2015; Sussman, McCaffrey, Matthews 1991], т. е. в случае с [b] положение языка могло определяться его артикуляцией звука [ei], в нашем эксперименте – коартикуляцией с согласным /s/. В эксперименте В. Б. Кузнецова в качестве гласного, предшествующего [p], выступал безударный вариант последующего ударного гласного, т. е. степень коартикуляции обоих гласных была максимальной, что и обусловило минимальный наклон регрессионной прямой в этом случае [Кузнецов 2018]. Что касается сочетания гласных со звуками /d/ и /g/, то сопоставление значений коэффициентов наклона регрессионной прямой показывает, что в этом случае значения близки для разных языков.

Графики линейной регрессии локус-уравнений для гласных, произнесенных с эмфатическим ударением, представлены на рис. 2, б. Как следует из графиков, МОБР согласного также оказывает влияние на F2 переход гласного в слу-

чае произнесения гласных с большей выделенностью. При этом различия в уравнениях регрессии наблюдаются как по величине Y-пересечения, так и по углу наклона регрессионной прямой, а сами локус-уравнения имеют следующий вид:

$$\begin{aligned} \text{для /b/: } Y &= 0,377x + 523,5; R^2 = 0,66; \\ \text{для /d/: } Y &= 0,391x + 891,6; R^2 = 0,83; \\ \text{для /g/: } Y &= 1,00x + 133,8; R^2 = 0,92. \end{aligned}$$

Как следует из полученных уравнений, угол наклона регрессионной прямой в случае с /b/ несколько ниже, чем в случае с /d/, а угол наклона прямой для /g/ является максимальным. Таким образом, и в этом случае степень коартикуляции заднеязычного с гласным является максимальной. Аналогичные результаты получены Б. Линдбломом и для гласных заднего ряда. Что касается губно-губного и переднеязычного согласных, автор отмечает, что угол наклона прямой для /b/ значительно превышает угол наклона для /d/ [Lindblom et al. 2007: 3808].

Графики с результатами сопоставления регрессионных прямых для гласных с нейтральным и эмфатическим ударением представлены на рис. 3.

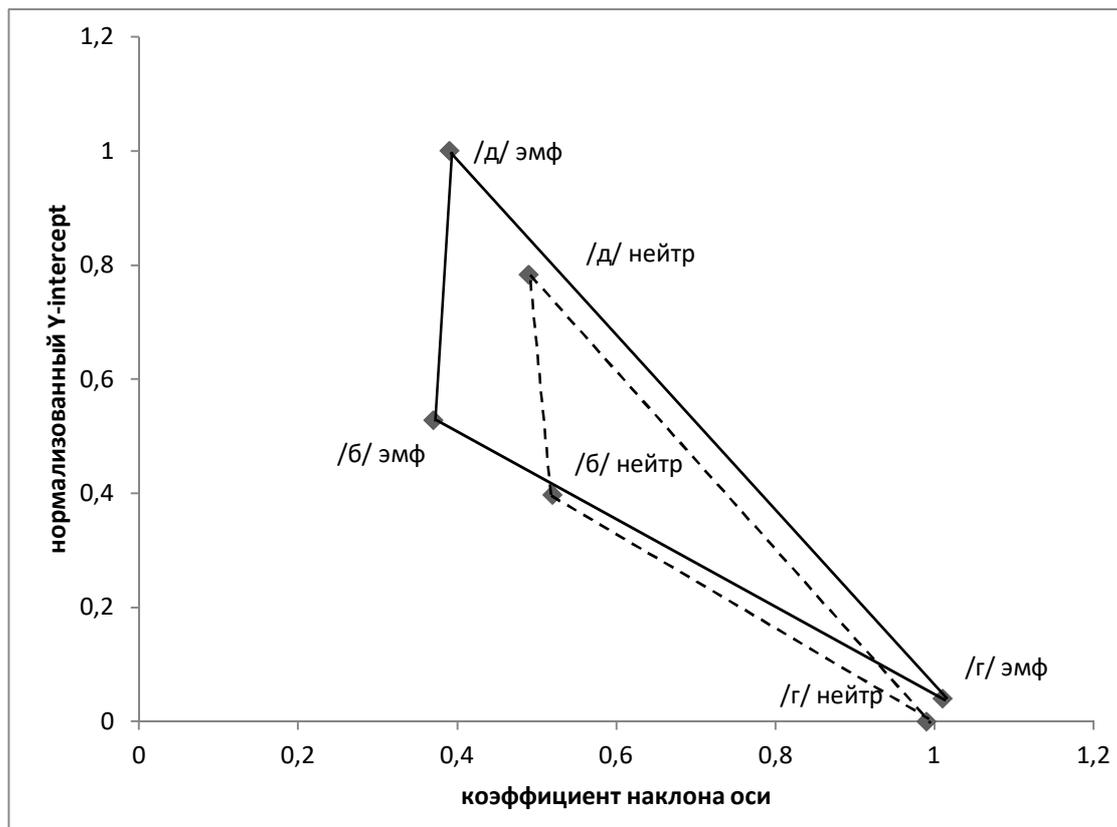

Рис. 3. Коэффициенты наклона регрессионных прямых и нормализованные значения Y-интерсепт, усредненные для шести дикторов в CV-слогах с нейтральным (сплошная линия) и эмфатическим (пунктирная линия) ударением

Fig. 3. Slopes and Normalized Y-Intercepts Averaged for 6 Speakers in CV-Syllables with Neutral (Solid Line) and Emphatic Stress (Dotted Line)

Как следует из приведенных данных, тип ударения оказывает влияние как на величину Y -пересечения, так и на угол наклона регрессионных прямых, при этом направление изменений значений можно охарактеризовать как единообразное. Так, при произнесении гласных с эмфатическим ударением наблюдается уменьшение значения угла наклона с 0,52 до 0,37 в случае с /b/ и с 0,49 до 0,39 в случае с /d/. Полученные данные хорошо согласуются с общепринятым представлением об уменьшении коартикуляции при произнесении звуков с большей ударностью. Что касается заднеязычного согласного, то наблюдается некоторое увеличение значения – с 0,99 до 1,00. Данный факт можно объяснить методикой организации нашего эксперимента, при котором проводилось усреднение значений гласных переднего, среднего и заднего ряда. Б. Линдблом в своем эксперименте анализировал гласные переднего и заднего рядов отдельно и зафиксировал увеличение значения коэффициента наклона регрессионной прямой до 1,11–1,38 в случае с гласными заднего ряда и, наоборот, его уменьшение до 0,37–0,42 в случае гласных переднего ряда, произнесенных с эмфатическим ударением. Кроме того, отметим увеличение значения Y -пересечения в случае уравниваний с эмфатическим ударением по сравнению с нейтральным, что также совпадает с результатами эксперимента Б. Линдблома [Lindblom et al. 2007: 3808]. Таким образом, метод locus-уравнений позволяет дать количественную оценку коартикуляции СГ-структур в зависимости от МОБР согласного, а также степени ударности гласного.

Выводы

1. Лocus-уравнения позволяют выполнить количественную оценку степени коартикуляции согласного с последующим ударным гласным в зависимости от МОБР согласного – губно-губного, переднеязычного или заднеязычного.

2. В зависимости от МОБР согласного степень коартикуляции возрастает в следующем порядке: губно-губной – переднеязычный – заднеязычный.

3. Тип ударения – нейтральное или эмфатическое – оказывает влияние на степень коартикуляции согласного с последующим гласным вне зависимости от МОБР согласного.

4. Усиление выделенности гласного сопровождается ослаблением коартикуляции на участке СГ-перехода.

5. Ослабление коартикуляции отражается в locus-уравнениях как уменьшением значения коэффициента наклона регрессионной прямой, так и увеличением значений Y -пересечения.

6. Сопоставление полученных экспериментальных данных с имеющимися в литературе результатами позволяет предположить чувствительность метода locus-уравнений как к левому фонетическому контексту, так и к типу гласного в СГ-переходе.

Список литературы

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977. 175 с.

Кузнецов В. Б. СГ-коартикуляция и место образования согласного в русском языке. Данные locus уравнений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 6 (797). С. 21–28.

Кузнецов В. Б., Бобров Н. В. Место образования мягких согласных и формантные переходы F2 вокалического окружения в русской речи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 11(827). С. 69–74.

Abuoudeh M, Crouzet M. Vowel Length Impact on Locus Equation Parameters: An Investigation on Jordanian Arabic // 15th Annual Conference of the International Speech Communication (ISCA). Singapore, 2014. P. 184–188.

Baillargeon M. Preservation of Second Formant Transitions During Simultaneous Communication: a Locus Equation Perspective / M. Baillargeon, A. McLeod, D. E. Metz, N. Schiavetti, R. L. Whitehead // Journal of Communication Disorders. 2002. Vol. 35(1). P. 51–62.

Berry J., Weismer G. Speaking Rate Effects on Locus Equation Slope // Journal of Phonetics. 2013. Vol. 41. P. 468–478.

Bouferroum O., Boudraa M. CV Coarticulation, Locus and Locus Equation Perspective on the Invariance Issue Involving Algerian Arabic Consonants // Journal of Phonetics. 2015. Vol. 50. P. 120–135.

Fowler C. A. Invariants, Specifiers, Cues: An Investigation of Locus Equations as Information for Place of Articulation // Perception & Psychophysics. 1994. Vol. 55(6). P. 597–610.

Lindblom B. Spectrographic Study of Vowel Reduction // Journal of the Acoustical Society of America. 1963. Vol. 35. P. 1773–1781.

Lindblom B. The effect of emphatic stress on consonant vowel coarticulation / B. Lindblom, A. Agwuele, H. M. Sussman, E. E. Cortes // The Journal of the Acoustical Society of America. 2007. Vol. 121(6). P. 3802–3813.

Lindblom B., Sussman H.M., Agwuele A. A Duration-dependent Account of Coarticulation for Hyper- and Hypoarticulation // Phonetica. 2009. Vol. 66(3). P. 188–195.

Morrison H. The Locus Equation as an Index of Coarticulation in Syllables Produced by Speakers

with Profound Hearing Loss // *Clinical Linguistics & Phonetics*. 2008. Vol. 22(9). P. 726–740.

Recasens D. Coarticulatory Patterns and Degrees of Coarticulatory Resistance in Catalan CV Sequences // *Language and Speech*. 1985. Vol. 28. P. 97–114.

Sussman H. M., McCaffrey H. A., Matthews S. A. An Investigation of Locus Equations as a Source of Relational Invariance for Stop Place Categorization // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1991. Vol. 90. P. 1309–1325.

Zellou G., Scarborough R. Nasal Coarticulation and Contrastive Stress // *INTERSPEECH 2012 ISCA's 13th Annual Conference*. September 9–13. 2012. Portland, OR, USA. P. 2686–2689. URL: https://www.researchgate.net/publication/281322013_Nasal_Coarticulation_and_Contrastive_Stress (дата обращения: 21.03.2022).

References

Bondarko L. V. *Zvukovoy stroy sovremennogo russkogo yazyka* [The Phonetic System of the Modern Russian Language]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1977. 175 p. (In Russ.)

Kuznetsov V. B. SG-koartikulyatsiya i mesto obrazovaniya soglasnogo v russkom yazyke. Dannye lokus uravneniy [CV-coarticulation and consonant place of articulation in Russian. Locus equation data]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], 2018, issue 6 (797), pp. 21–28. (In Russ.)

Kuznetsov V. B., Bobrov N. V. Mesto obrazovaniya myagkikh soglasnykh i formantnye perekhody F2 vokalicheskogo okruzheniya v russkoy rechi [Articulation place of palatalized consonants and f2 formant transitions of surrounding vowels in Russian speech]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], 2019, issue 11(827), pp. 69–74. (In Russ.)

Abuoudeh M., Crouzet M. Vowel length impact on locus equation parameters: An investigation on Jordanian Arabic. *15th Annual Conference of the International Speech Communication (ISCA)*. Singapore, 2014, pp. 184–188. (In Eng.)

Baillargeon M., McLeod A., Metz D. E., Schia-

vetti N., Whitehead R. L. Preservation of second formant transitions during simultaneous communication: A locus equation perspective. *Journal of Communication Disorders*, 2002, vol. 35(1), pp. 51–62. (In Eng.)

Berry J., Weismer G. Speaking rate effects on locus equation slope. *Journal of Phonetics*, 2013, vol. 41, pp. 468–478. (In Eng.)

Bouferroum O., Boudraa M. CV coarticulation, locus and locus equation perspective on the invariance issue involving Algerian Arabic consonants. *Journal of Phonetics*, 2015, vol. 50, pp. 120–135. (In Eng.)

Fowler C. A. Invariants, specifiers, cues: An investigation of locus equations as information for place of articulation. *Perception & Psychophysics*, 1994, vol. 55(6), pp. 597–610. (In Eng.)

Lindblom B. Spectrographic study of vowel reduction. *Journal of the Acoustical Society of America*, 1963, vol. 35, pp. 1773–1781. (In Eng.)

Lindblom B., Agwuele A., Sussman H. M., Cortes E. E. The effect of emphatic stress on consonant vowel coarticulation. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 2007, vol. 121(6), pp. 3802–3813. (In Eng.)

Lindblom B., Sussman H. M., Agwuele A. A duration-dependent account of coarticulation for hyper- and hypoarticulation. *Phonetica*, 2009, vol. 66(3), pp. 188–195. (In Eng.)

Morrison H. The locus equation as an index of coarticulation in syllables produced by speakers with profound hearing loss. *Clinical Linguistics & Phonetics*, 2008, vol. 22(9), pp. 726–740. (In Eng.)

Recasens D. Coarticulatory patterns and degrees of coarticulatory resistance in Catalan CV sequences. *Language and Speech*, 1985, vol. 28, pp. 97–114. (In Eng.)

Sussman H. M., McCaffrey H. A., Matthews S. A. An investigation of locus equations as a source of relational invariance for stop place categorization. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 1991, vol. 90, pp. 1309–1325. (In Eng.)

Zellou G., Scarborough R. Nasal coarticulation and contrastive stress. *INTERSPEECH 2012 ISCA's 13th Annual Conference*. Portland, OR, USA, 2012, pp. 2686–2689. Available at: https://www.researchgate.net/publication/281322013_Nasal_Coarticulation_and_Contrastive_Stress (accessed 21 Mar 2022). (In Eng.)

The Impact of Prominence on CV Coarticulation

Sergey V. Batalin

Associate Professor in the Department of Foreign Languages

Volgograd State Technical University

28, prospekt Lenina, Volgograd, 400005, Russian Federation. sbat_2009@mail.ru

SPIN-code: 5161-4516

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3435-9797>

ResearcherID: M-7747-2019

Natalya Yu. Sorokoletova

Associate Professor in the Department of Theory and Practice

of Translation and Linguistics

Volgograd State University

100, prospekt Universitetsky, Volgograd, 400062, Russian Federation. sorokoletovanat@volsu.ru

SPIN-code: 2768-7665

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-0911>

ResearcherID: W-2164-2017

Submitted 06 Apr 2022

Revised 12 Sep 2022

Accepted 21 Sep 2022

For citation

Batalin S. V., Sorokoletova N. Yu. Zavisimost' stepeni koartikulyatsii soglasnogo i glasnogo ot tipa udareniya [The Impact of Prominence on CV Coarticulation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 15–23. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-15-23 (In Russ.)

Abstract. The paper evaluates the quantitative impact of prominence (neutral vs emphatic stress) in CV sequences. The study serves the practical needs of speech synthesis and recognition and attempts to fill an important gap as there is insufficient research in the field with regard to the Russian language. We used the locus equation method to assess the degree of CV coarticulation. The experiment was performed on CVCV nonsense words imbedded in the middle position of a carrier phrase. The first syllable of the target words was made prominent both with neutral and emphatic stress. The consonants and vowels were presented by the same consonant and vowel sounds. Russian voiced occlusive bilabial, forelingual and backlingual consonants [b], [d] and [g] were combined with Russian non-palatal vowels [ɛ], [ɑ] and [u] occupying cardinal positions in the Fant triangle. Six male speakers were recorded in a sound attenuated studio using high-quality recording equipment. The total number of tokens $N = 486$. Praat software was used to measure formant frequencies by means of fast Fourier transformation and linear predictive coding. The experiment showed that linear regression slopes differed both in the Y-intercepts and slope coefficients for the vowels uttered with emphatic and neutral stress. We compared locus equation slopes for CV transitions of the consonants of similar place of obstruction combined with the vowels pronounced with neutral and emphatic stress, which revealed a quantitative difference in the degree of coarticulation of the bilabial and forelingual consonants both in the Y-intercept values and slope coefficients. In case of the backlingual consonant, locus equations differed only in the Y-intercept value, while the slope coefficients were practically the same. The results obtained were interpreted on the basis of existing experimental data for the Russian, English, and Arabic languages.

Key words: formant; formant tracks; formant transitions; linear regression; locus; locus equation; coarticulation.

УДК 81'37

doi 10.17072/2073-6681-2022-4-24-33

Лексические единицы, противопоставленные по признаку 'холодный-теплый', в дискурсе погоды в современном русском языке

Ольга Николаевна Григорьева

к. филол. н., доцент кафедры русского языка

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. lonogrig@yandex.ru

SPIN-код: 3166-6740

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6097-0880>

IstinaResearcherID: 3452813

Ли Силян

аспирант кафедры русского языка

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. lixilian527@gmail.com

SPIN-код: 5510-0317

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0326-5384>

IstinaResearcherID: 87055773

*Статья поступила в редакцию 18.07.2022**Одобрена после рецензирования 23.08.2022**Принята к публикации 15.09.2022***Информация для цитирования**

Григорьева О. Н., Ли Силян. Лексические единицы, противопоставленные по признаку 'холодный-теплый', в дискурсе погоды в современном русском языке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 24–33. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-24-33

Аннотация. В статье рассматриваются слова, реализующие семантическую оппозицию 'холодный-теплый' в современном русском языке и отражающие восприятие человеком температуры, что зависит от многих условий, в числе которых географическое местоположение и особенности климата. Выступая как одно из средств описания погоды, температурные лексемы составляют неотъемлемую часть словарной системы русского языка. Данная группа слов исследуется с точки зрения лексического значения, отнесенности к тематической группе, сочетаемости, а также употребления в текстах различных функциональных стилей. В результате исследования авторы приходят к заключению о том, что уникальность семантической оппозиции 'холодный-теплый', относящейся к дискурсу погоды, проявляется во многих метафорических выражениях, отражающих своеобразие русской культуры и особенности ментальности русского народа. Большинство слов, реализующих данную оппозицию, являются антонимами, некоторые из них выражают противоположные значения в составе устойчивых словосочетаний. Обнаружено, что иногда в составе таких словосочетаний изменяется их исходное значение. Отмечается, что лексические единицы, которые реализуют семантическую оппозицию 'холодный-теплый' и употребляются в современном русском языке в переносном значении, могут приобретать символический смысл. Делается вывод о том, что в текстах масс-медиа эти лексические единицы позволяют выразить авторскую оценку не только погодных явлений, но и политических событий. Настоящую статью можно использовать как основу для дальнейших исследований по данной тематике.

Ключевые слова: температурная лексика; семантическая оппозиция; символическое значение; антонимы; метафора; дискурс погоды.

Температура является не только объективным показателем состояния природы, но и субъективным ощущением человека. Хотя в основном физическая организация человека одинакова, холод и тепло воспринимаются им по-разному в зависимости от географического положения и климатических условий, в которых он живет. Особенности восприятия холода и тепла отражаются в лексике современного русского языка и имеют большое значение для понимания ментальности русского народа.

Исследование проводится в рамках семантического, прагматического, лингвокультурологического и функционально-стилистического направлений. Семантическая оппозиция 'холодный-теплый' рассматривается не только в лингвистическом, но и в социально-культурном аспекте, что необходимо для понимания особенностей передачи информации о погоде в публицистических текстах.

Целью статьи является описание антонимических пар, реализующих семантическую оппозицию 'холодный-теплый', с точки зрения семантики и стилистики, а также выявление особенностей их употребления в дискурсе погоды в современном русском языке.

Объектом исследования являются слова и устойчивые словосочетания, имеющие семантический компонент 'холодный' или 'теплый'.

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней впервые проводится функциональный анализ лексических единиц, противопоставленных по признаку 'холодный-теплый', в дискурсе погоды, который понимается нами как область человеческого опыта, знаний, связанных с погодными явлениями и отраженных в языке.

Температурная лексика русского языка неоднократно становилась предметом лингвистических исследований. Это работы В. А. Калугиной [2006], Т. В. Крыловой [2009], Ж. А. Бубыревой [2012], Е. А. Дегальцевой [2012], А. А. Быковой [2014], Т. В. Григорьевой [2014] и мн. др.

В ходе исследования необходимо было решить ряд задач: 1) отобрать базовые антонимические пары, реализующие семантическую оппозицию 'холодный-теплый', и выявить лингвистические средства их выражения; 2) рассмотреть исследуемые пары антонимов в следующих аспектах: лексикографическая характеристика по разным толковым словарям, словообразовательные связи, участие в создании фразеологизмов; 3) определить различие в значении слов, реализующих семантическую оппозицию 'холодный-теплый'; 4) проанализировать лексические единицы в функциональном аспекте на материале

публицистических и художественных текстов, тематически связанных с погодой.

Теоретической основой статьи являются работы М. А. Кронгауза, Л. А. Новикова и М. Р. Львова. Антонимы определяются М. А. Кронгаузом в книге «Семантика» как «слова, относящиеся к одной части речи и имеющие противоположные значения» [Кронгауз 2005: 146]. Л. А. Новиков дает более подробное толкование, указывая на то, что «противоположность, лежащая в основе антонимии, есть различие внутри одной и той же сущности (качества, свойства, отношения, движения, состояния и т. п.), крайние противостоящие проявления такой сущности, их полярные определения» [Новиков 1982: 244].

В Словаре антонимов русского языка отмечается, что есть антонимы, которые противопоставлены по качественному признаку. Эти слова реализуют так называемую контрарную противоположность и образуют ступенчатые оппозиции, показывающие изменение признака. «Антонимичные слова, выражающие крайние проявления качества, обнаруживают симметричные отношения и отстоят друг от друга в парадигме на одинаковом расстоянии от точки отсчета. Например, *холодный – прохладный – [нормальной температуры] – теплый – горячий*» [Львов 1984: 15]. Важнейшая задача словаря антонимов – раскрыть семантические, стилистические и другие функции, которые они выполняют в языке. «Преимущественно контактное употребление антонимов в тексте (речи) позволяет реализовать их основные семантические функции в определенных “диагностических” контекстах антонимии» [там же: 22].

В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка под редакцией Ю. Д. Апресяна отмечается, что есть слова, которые «принадлежат к классу существительных, описывающих состояние – и, в частности, температуру – воздуха. В него входят две группы слов: связанные с идеей высокой температуры (*жара, жар, жарница, зной, тепло, теплынь* и т. д.) и связанные с идеей низкой температуры (*холод, стужа, мороз, прохлада, холодок* и др.). Эти группы устроены во многом симметрично» [Апресян 2003: 1240]. Следует отметить, что автором словарных статей, посвященных лексемам «жара, зной», а также «холод, стужа, мороз, холода», является И. Б. Левонтина.

В ходе настоящего исследования использованы метод сплошной выборки, описательный метод и контекстуальный анализ. Материалом для анализа послужили лексеммы, отобранные из ряда лексикографических источников, включаю-

щих толковые, синонимические и антонимические словари современного русского языка, а также данные Национального корпуса русского языка.

В русском языке имеется большое количество пар слов, связанных с дискурсом погоды, которые содержат семантическую оппозицию 'холодный-теплый'. Нами были выявлены 180 пар антонимов, в их числе 104 пары существительных: 100 пар представлены всеми возможными комбинациями лексем *холод*, *хлад*, *холодина*, *холодрыга*, *прохлада*, *свежесть*, *мороз*, *морозец*, *морозище*, *стужа* и *тепло*, *тепльнь*, *жар*, *жара*, *жарища*, *жарынь*, *зной*, *пекло*, *духота*, *духотища*; 4 пары являются уникальными: *холода* – *жара*, *похолодание* – *потепление*, *заморозки* – *оттепель*, *замерзание* – *таяние*. Прилагательные *холодный*, *хладный*, *прохладный*, *нежаркий*, *свежий*, *морозный*, *студеный* и *теплый*, *жаркий*, *знойный*, *горячий*, *душный* образуют 35 пар антонимов; 16 глаголов образуют 12 пар антонимов: *морозить* может быть противопоставлен глаголам *греть*, *жарить*, *парить*, *печь*, *палить* и *теплеть*, остальные лексемы представлены единичными парами: *холодать* – *теплеть*, *похолодать* – *потеплеть*, *посвежить* – *потеплеть*, *подморозить* – *растеплиться*, *подморозивать* – *припекать*, *замерзать* – *таять*. Наконец, слова категории состояния *холодно*, *прохладно*, *нежарко*, *свежо*, *морозно*, *студено* и *тепло*, *жарко*, *знойно*, *душно* образуют 24 пары антонимов.

Антонимические отношения в данных парах неоднородны и по семантике, и по стилистической окраске, и по словообразовательной характеристике, и по синтаксической сочетаемости. Можно говорить о нейтральных, симметричных парах антонимов, таких как существительные *холод* – *тепло*, *прохлада* – *духота*, *мороз* – *жара*, *похолодание* – *потепление*, *заморозки* – *оттепель*, *замерзание* – *таяние*; прилагательные *холодный* – *теплый*, *прохладный* – *душный*, *морозный* – *жаркий*, глаголы *холодать* – *теплеть*, *похолодать* – *потеплеть*, слова категории состояния *холодно* – *тепло*, *прохладно* – *душно*, *морозно* – *жарко*.

Некоторые пары антонимов имеют разный объем семантического значения. Среди них *холод* – *жара*, *прохлада* – *жара*, *холодный* – *жаркий*, *прохладный* – *жаркий*, *холодно* – *жарко*, *прохладно* – *жарко*. Семантический признак 'сильное проявление качества' присущ второму члену оппозиции. В парах *холод* – *духота*, *прохлада* – *духота*, *мороз* – *духота*, *стужа* – *духота*, *холодный* – *душный*, *прохладный* – *душный*,

морозный – *душный*, *студеный* – *душный*, *прохладно* – *душно* второй член оппозиции имеет дополнительный признак 'влажный'.

Несколько антонимических лексем близки по стилистической характеристике: *хлад* – *зной*, *хладный* – *знойный* (книжные), *стужа* – *пекло*, *стужа* – *тепльнь*, *холодрыга* – *тепльнь*, *холодина* – *жарища* (разговорные).

Прилагательные *нежаркий* – *жаркий*, *нежаркий* – *знойный*, *нежаркий* – *горячий*, *нежаркий* – *душный* являются словообразовательными антонимами.

Конечно, в рамках одной статьи невозможно охватить все многообразие антонимических отношений температурной лексики в ее функциональном аспекте. Поэтому ограничимся наиболее характерными и наиболее выразительными примерами.

Относительно свободными по сочетаемости можно считать прилагательные *холодный* и *теплый*. Слово *холодный* в интересующем нас значении в Малом академическом словаре толкуется как имеющий низкую температуру, с низкой или относительно низкой температурой (воздуха, воды и т. п.). *Холодный ветер*. *Холодный день* || С сильными, устойчивыми холодами. *Холодная осень*. Прилагательное *теплый* определяется как дающий, источающий тепло. *Теплое солнце* || Слегка нагретый, с повышенной температурой. *Теплый дождь*. *Теплый воздух* || С повышенной температурой воздуха, без холодов (о погоде, времени года, суток). *Теплая погода*. *Теплая весна* || только полная форма. С высокой среднегодовой температурой воздуха (о местности, климате). *Теплые страны*. *Теплый климат*. Учитывая эти толкования, можно отметить, что слова *холодный* и *теплый* могут противопоставляться в таких словосочетаниях, как *холодная погода* – *теплая погода*, *холодный ветер* – *теплый ветер*, *холодный дождь* – *теплый дождь*, *холодный воздух* – *теплый воздух* и др. В русской художественной литературе при описании погоды нередко можно встретить совместное употребление этих прилагательных. Например: *На все лето устанавливается промозглая, холодная погода, и добро, если в глубине острова случится несколько теплых дней – над побережьем так и будут висеть дождь и туман.* [Василий Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий (2002)] [НКРЯ].

Когда указывается на погоду в какое-то время года, прилагательное *холодный* чаще выступает в сочетаниях *холодная осень* и *холодная зима*. Со словом *теплый* обычно сочетаются слова *весна* и *лето*: *теплая весна*, *теплое лето*. Следует отме-

тить, что прилагательное *теплый* в русском языке имеет положительную оценочную коннотацию, поскольку тепло вызывает у человека приятное ощущение и создает для него благоприятные условия. *Холодный* же, напротив, вызывает негативные ассоциации. Это подтверждает пример из рассказа Н. С. Лескова, в котором слово *теплый* используется вместе с прилагательными *милый* и *благоприятный*, а слово *холодный* стоит рядом с прилагательным *противный*: *Она поедет на юг – на милый, теплый юг с этого противного холодного севера.* [Н. С. Лесков. Дама и фефела (1894)].

Описание холодной погоды в художественном тексте часто сопровождается определениями *ненастный, сумрачный, нудный* и т. д. *На всем пути преследовала нас ненастная и холодная погода...* [Д. А. Милютин. Дневник (1877)]; *Я думаю, что этому приливу способствовала сумрачная, холодная погода, напоминавшая мне ту осень* [В. П. Катаев. Юношеский роман (1980–1981)]. *Потом снова нудная холодная погода...* [Анатолий Гладили. Прогноз на завтра (1972)] [НКРЯ].

Существительное *холод* в прямом значении – «низкая температура воздуха (обычно ниже 0 градусов по Цельсию); погода с такой температурой». *Тепло* в одном из значений – «тёплое время года, суток; тёплая погода. Температура воздуха – пять градусов тепла (выше нуля)» [БТСРЯ]. В Словаре Ю. Д. Апресяна говорится, что «*холод*, в отличие от остальных синонимов, не обязательно предполагает, что температура действительно очень низкая. Представление о холоде относительно субъективно. Если, например, человек рассчитывал на тридцатиградусную жару, то о температуре в 10 градусов он может сказать *Ну и холод!*» [Апресян 2003: 1242].

Антонимы *холод – жара* часто применяются для сопоставления погодных условий. Приведем характерный пример из журнального текста: *Животные отлично себя чувствуют на открытом воздухе и в австралийскую жару, и в канадский холод* [Анна Романова. Бычка за рога // «Огонек», 2015]. Данный отрывок интересен тем, что прилагательные, производные от топонимов, названий стран, фактически приобретают обобщающий характер. Подобные случаи словоупотребления не единичны. Так, типичным является сочетание *русский мороз*, слово *жара* «часто сочетается с прилагательным *африканская*. *Притом жара африканская, редкая в наших широтах* (Б. Пастернак, Доктор Живаго) [Апресян 2003: 334]. Для обозначения очень сильного хо-

лода и мороза употребляется разговорное экспрессивное слово *холодрыга*, которому противопоставлено существительное *тепльня*. Антонимичность этих лексем усиливается их стилистической однородностью. Можно встретить такое употребление в публицистическом тексте: *Впервые попасть с российской холодрыги в израильскую тепльню – чувство удивительное* [Аргументы и факты, 2000.03].

Некоторые топонимы могут переходить в нарицательные существительные и обозначать в разговорной речи или жару (*африка, ташкент*), или сильный холод (*северный полюс*).

Вернемся к слову *тепльня*, которое обозначает очень теплую погоду и имеет положительную оценочную коннотацию. Приведем пример из известного советского фильма «Девчата» (1961): – *Ой, девочки, тепльня на улице. – Пряма весна.* По замечанию И. Б. Левонтиной, «обычно *тепльня* подразумевает неожиданное потепление, или необычно высокую для данного времени года температуру, или контраст с погодой в другом месте: *Неужели октябрь? Такая тепльня* (Саша Соколов, Между собакой и волком)» [Апресян 2003: 332].

Интересно, что оценочные коннотации, присущие слову какой-либо части речи, у соответствующих слов других частей речи могут отсутствовать. Так, существительное *прохлада* – это «умеренный холод, свежесть воздуха, обычно вызывающие приятное ощущение. *После дождя чувствовалась приятная прохлада.* (Степанов, Порт-Артур)» [МАС]. В Словаре Ю. Д. Апресяна читаем: «Существительное *прохлада*, почти всегда предполагающее приятные ощущения, в этом отношении отличается от наречия *прохладно*, которое такой идеи не выражает. Например, *Не хочется гулять, сегодня что-то прохладно*» [там же: 1241].

В группе погодной температурной лексики есть слова с более узким и конкретным значением, такие как *оттепель* и *заморозки*. *Оттепель* – это непродолжительное увеличение температуры выше нуля, когда тает снег. Не утрачивают своего современного звучания знаменитые строки Пушкина: *Скучна мне оттепель; вонь, грязь – весной я болен; Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены* [А. С. Пушкин. Осень (Отрывок): «Октябрь уж наступил» (1833)]. *Заморозки* – понижение температуры ниже нуля, которое продолжается недолго, иногда несколько часов. Обращает на себя внимание то, что слова *оттепель* и *заморозки* часто воспринимаются в негативном ключе. *Но очень скоро первые заморозки заберут*

это тепло [Вячеслав Стефаненко. Город // «Дальний Восток», 2019]. Вот и природа повернулась к нам спиной. В третьей декаде мая ударили заморозки [Пора пары пахать (2003) // «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), 07.06.2003]

Существительные *мороз*, *стужа*, *зной*, *жара* и соответствующие прилагательные, глаголы и слова категории состояния включают общий семантический компонент ‘с трудом переносимая температура, вызывающая неприятные ощущения’. В данную группу входит целый ряд антонимических пар: *мороз – жара*, *мороз – зной*, *морозный – жаркий*, *морозный – знойный*, *морозно – жарко*, *морозно – знойно*, *морозить – жарить*, *стужа – жара*, *стужа – зной*, *студеный – жаркий*, *студеный – знойный*, *студено – жарко*, *студено – знойно* и др.

Антонимы *мороз – жара* сочетаются с прилагательными, которые указывают на их высокую степень или эмоциональное восприятие, на то, что человек плохо переносит низкую или высокую температуру воздуха. Это такие прилагательные, как *сильный*, *ужасный*, *нестерпимый*, *невыносимый*, *смертный*, *смертельный*, *убийственный* и т. п. В качестве примеров можно привести тексты из масс-медиа: *Это место находится глубоко в Сибири, поэтому здесь бывают невыносимые морозы* [Радио SPUTNIK, 2020.07.05]; *Погодные аномалии фиксируются по всему миру уже несколько лет подряд. ...В первую очередь неожиданные заморозки или невыносимая жара сказываются не только на состоянии обычных людей, но и на урожае* [Российское Информационное Агентство, 2022.04.06]. Аналогичное употребление можно встретить в примере из МАС: *Эти 10 верст нас совершенно измучили. Жара была смертная, больше 35 °С в тени, и ни малейшего ветерка.* (Гаршин, Аясларское дело) [МАС].

Существительное *мороз* интересно тем, что природному явлению, которое оно обозначает, «часто приписывается характерный запах» [Апресян 2003: 1243]. В качестве примера можно отрывок из рассказа Ю. П. Казакова: *Стекла в одной половине наружных дверей не было, на площадке разгуливал холодный ветер, – резко пахло морозом, железом* (Ю. П. Казаков. Двое в декабре).

В дискурсе погоды слова *мороз*, *жара* и *зной*, как правило, сочетаются с прилагательными, указывающими соответственно на холодное или теплое время года, а также на наиболее холодный или теплый месяц: *январский мороз – июльская жара*. Однако в русском языке можно встретить употребление необычных антонимических словосочетаний: *январский зной – июльский*

мороз. В средних широтах южного полушария июльский мороз и январский летний зной – обычные явления [Перельман 1958: 27].

От существительного *мороз* образуются уменьшительные варианты – *морозец* и *морозик* (небольшой, слабый мороз) и увеличительный – *морозище* [БТСРЯ]. Слова *жара* также имеет разговорные экспрессивные варианты *жарища* и *жарынь*. *А, должно быть, в этой самой Эфиопии теперь жарища!..* [Сергей Бурлаченко. Сорвиголова // «Дальний Восток», 2019]; *Да, там забавные такие людишки шастают: мужики в лапсердаках и с пейсами, бабы в париках и чулках, в самую жарынь...* [Дина Рубина. Монологи (2000)].

От слов *мороз* и *жара* образуются прилагательные *морозный* и *жаркий*. «Помимо источников тепла, *жаркий* может описывать и проводники тепла (*жаркий воздух / ветер*) и периоды времени (*жаркий день / июль / год*)» [Рахилина 2008: 217]. То же можно отнести и к прилагательному *морозный*. Соответственно можно зафиксировать следующие антонимические пары атрибутивных словосочетаний: *морозный воздух – жаркий воздух*, *морозное утро – жаркое утро*, *морозный день – жаркий день*.

Не все существительные исследуемой группы имеют антонимы. Примером может служить слово *утренник* – «утренний мороз до восхода солнца, бывающий весной и осенью» [МАС]. «Небольшой утренний мороз, особенно в сельской местности осенью, обозначается также уходящим словом *утренник*; *Первый ветер осени стряхивает с деревьев листья, и по утрам стекла окон в доме запотели снаружи от утренников, и солнце все слабее и бледнее освещает лужайки* (В. Лидин. Сентябрь – месяц осени); *Вокруг него был жестяной, хрусткий от утренника, синий и солнечный день позднего октября* (Ю. Нагибин, Зеленая птица с краской головой)» [Апресян 2003: 1244].

Большинство из 16 приведенных глаголов являются безличными или употребляются в безличном значении для описания состояния природы. От приставочных глаголов *похолодать* – *потеплеть*, которые указывают на изменение погоды, сопровождающееся понижением или повышением температуры, образуются существительные *похолодание* и *потепление*. Можно привести интересный пример их употребления в научной беседе о климате Марса: *Сегодня более влажная погода, завтра более сухая; сегодня потепление, завтра похолодание* [На Марсе очень неуютно... // «Кот Шредингера», 2016.12.04].

Важно также отметить, что безличный глагол *морозить* может использоваться в безличном

предложении как синоним к слову *холодать*, при описании состояния природы. В значении «становиться морознее» глагол *морозить* отмечен в произведении Ивана Бунина: *Морозило, и за снежными полями, на западе, тускло просвечивая сквозь тучи, желтела заря* (Бунин. Танька).

Антонимы являются основным лексическим средством создания антитезы. «Иногда антитеза является приемом образного раскрытия переносного значения слов» [Львов 1984: 25]. *Жизнь моя – праздник. Всегда беспокойный. Сегодня он знойный, А завтра – морозный. А все-таки праздник, Великий и грозный* [Л. Мартынов. Праздник]. Здесь *знойный* значит ‘веселый, счастливый’, а *морозный* – ‘грустный, печальный’.

Метафорическое использование погодной температурной лексики особенно характерно для текстов политического содержания. Здесь выработана своя терминология (*оттепель, холодная война, горячая точка, потепление в международных отношениях*).

Интересен исторический термин *оттепель*, который восходит к одноименному названию повести И. Г. Эренбурга (1954). Для периода «оттепели» характерно определенное смягчение политического режима в СССР. <...> Обычно «оттепель» называют хрущёвской, поскольку и по времени, и идеологически она связана с деятельностью Н. С. Хрущёва, находившегося в то время во главе советского государства [Лингвострановедческий словарь «Россия» <https://ls.pushkin-institute.ru/lsslovar/index.php>].

Однако достоверно известно, что «Тютчев первый обозначил словом “оттепель” смягчение политического режима. Это произошло после смерти Николая I. Вот вам слово Ф. И. Тютчева о современном положении: он называет его оттепелью» (Из письма И. С. Аксакова С. Т. Аксакову, 8 апреля 1855 года) [Полит.ру 2014.12].

На антонимических парах *тепло – холодно, жарко – холодно* построены фразеологические выражения *ни тепло ни холодно (кому-либо от чего-либо)* и как вариант *ни жарко ни холодно* – «совершенно безразлично, несколько не волнует» [БТСРЯ]. В качестве примера можно привести отрывок из газеты: *Только вот «широкой» экономике от этих эффектов ни жарко ни холодно, а почва для нового финансового кризиса (или очередной волны старого) вполне сформирована* [lenta.ru, 2016.05]. Обратим внимание на то, что в китайском языке есть словосочетание *不冷不热 bù lěng bù rè*, которое имеет полное совпадение по значению и употреблению с фразеологизмом *ни жарко ни холодно*.

Значимость дискурса погоды, в частности температурной лексики, подтверждается текстами СМИ. В первую очередь это касается жанра «прогноз погоды». В публицистических текстах, в сообщениях о погоде, антонимические пары, реализующие семантическую оппозицию ‘холодный-теплый’, выполняют не только коммуникативную, но и когнитивную функцию. Авторы метеотекстов нередко ссылаются на народный календарь: *Народный календарь увязывает это событие с днем Петра и Павла Рябинников (23 сентября). К этому времени в лесах и садах поспевают рябина, которая после первых заморозков становится красной и менее горькой. ... На Руси по рябине судили о предстоящей зиме. Считалось, что хороший урожай предвещает суровые холода.* (<http://www.gismeteo.ru> 2013.09).

Например, в газете «Коммерсант» передается информация о бабьем лете: *Бабье лето – это период комфортный, теплый, с солнечной погодой после затяжного ненастья* [Коммерсант, 2020.09]. Здесь соотнесены, противопоставлены два состояния природы, причем выражено это при помощи словосочетаний.

Следует отметить, что семантическая оппозиция ‘холодный-теплый’ реализуется в антонимических глаголах *холодать – теплеть*, выражающих противоположные изменения температуры: «*холодать* – о наступлении холодной погоды», «*теплеть* – о наступлении теплой погоды» [Ефремова 2000]. Оба глагола являются безличными и обозначают состояние природы: *Такие температуры будут наблюдаться в первой половине дня, далее к вечеру будет постепенно холодать...* [РИА Новости, 2020.12]; *Специалист указал, что значительно теплеть будет в Сибири, жители региона могут этого даже не заметить* [Известия, 2020.03].

Слова *прохладный* и *теплый* противопоставляются друг другу в таких сочетаниях, как *прохладная погода – теплая погода, прохладный воздух – теплый воздух*. Например: *Синоптик отметила, что подобная майская жара «не бывает устойчивой» и на смену этого очень теплового периода «приходит волна прохладного воздуха»* [Парламентская газета, 2021.05]. Слово *прохладный* может иметь положительную оценочную коннотацию при описании погоды, особенно когда речь идет о комфортной и умеренной температуре: *В понедельник будет прохладный день – днем 20–22 градуса, и это полностью соответствует норме* [Коммерсант, 2019.06].

В прогнозе погоды часто употребляется антонимическая пара *прохладно – тепло*: *Погода в*

июле в Москве ожидается неоднородная: будет и тепло, и прохладно, и небольшие дожди [Парламентская газета, 2021.06].

Обратим внимание на другую антонимическую пару *стужа – зной* в дискурсе погоды. Слово *стужа* в русском языке употребляется в разговорной речи и обозначает «сильный холод, мороз». *Зной* – это «сильный жар в воздухе от солнца» [МАС]. Только у Владимира Даля есть уточнение «среди лета». Как мы видим, слова *стужа* и *зной* содержат общий семантический признак ‘сильный’. В дискурсе погоды антонимы *стужа – зной* употребляются в устойчивых сочетаниях *зимняя стужа – летний зной*. Приведем примеры из СМИ: *Настоящая зимняя стужа – до –55 °С – ожидается только в традиционно холодных регионах – на севере Сибири и Дальнего Востока* [Комсомольская правда, 2009.01]. *Погода удивляет даже наших южных соседей, для которых летний зной – вполне привычное дело* [Vesti.ru, 2010.07]. В современных метеорологических сводках можно встретить «перевернутые» сочетания: *студеная зима – знойное лето*.

Антонимы *замерзать – таять* также содержат семантические компоненты ‘холодный’ и ‘теплый’ и имеют отношение к дискурсу погоды. Глагол *таять* обозначает «превращаться в жидкое состояние под действием тепла, влаги. *Снег тает*» [БТСРЯ]. Эту семантическую связь хорошо иллюстрирует следующий пример: *Из-за потепления усилится и гололед – снег будет таять, а после замерзать из-за ветра, отметил Вильфанд*. [Синоптик сообщил о приближающемся потеплении в ряде регионов // Парламентская газета, 2021.02].

Жанр прогноза погоды «в последнее время претерпел значительные изменения и приобрел новый статус в средствах массовой информации» [Григорьева 2017: 75]. Есть даже примеры его развлекательной разновидности, такой как рэп-прогноз в утреннем шоу радио «Энерджи», построенный на семантике холода:

*Зима в разгаре, она неизбежна!
Сегодня днём холодно и снежно,
Ветер восточный, умеренный.
Мороз крепчает, всё проверено!*
(«Энерджи» 16.01.2013)

Появляются новые метафоры, такие как *оттепель наносит удар, удар жары, холодные сессии*. Сниженная разговорная лексика становится нормой в текстах прогноза погоды. Например: *однозначный колотун* в прогнозе Никиты Поповнина (Москва 24, 13.07.20), *дубак на улице* – в речи ведущего (Москва 24, 19.02.21).

В заголовках газетных материалов на метеорологическую тему содержатся слова, прямо или косвенно реализующие семантическую оппозицию ‘холодный-теплый’: «Сумасшедшая весна: Погода бьет рекорды и по холодам, и по жаре» [Комсомольская правда, 2013.04]; «*Зной* улетел, но обещал вернуться [Комсомольская правда, 2013.07]; «Тридцатиградусная *жара* вернется в Москву 5 июня», «Климатолог объяснил *теплую* погоду перед Новым годом в Москве» [Известия, 2019.12]; «Аномально *теплый* март ожидается в Республике Коми» [Известия, 2020.03]; «Вильфанд предупредил об аномальной «*жаре*» в Якутии» [Известия, 2020.12]; «В Москве 2020 год стал самым *жарким* за историю метеонаблюдений» [Известия, 2020.12]; «Синоптик спрогнозировал *потепление* в Москве до + 20 градусов» [Парламентская газета, 2021.09]; «2022 год будет *холоднее* уходящего» [Парламентская газета, 2021.12] и мн. др.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Семантическая оппозиция ‘холодный-теплый’ занимает важное место в дискурсе погоды и реализуется в разных антонимических парах. В русском языке существует большое количество таких пар. По характеру восприятия температуры человеком их можно разделить на две группы: обозначающие погодные явления, вызывающие умеренно приятные ощущения, такие как *прохлада – тепло, прохладный – теплый* и др., обозначающие погодные явления, вызывающие сильные, неприятные и нестерпимые ощущения, такие как *мороз – жара, стужа – зной, морозный – жаркий, студеный – знойный* и т. д.

2. Для русского языка характерна сочетаемость температурных существительных с прилагательными, производными от топонимов: *русский холод, африканская жара, сибирские морозы* и др. Эти существительные также сочетаются с прилагательными, которые указывают на время года, месяц и время суток: *летний зной, зимняя стужа, январские морозы, июльская жара, утренние заморозки, ночная прохлада* и др.

3. Антонимические пары имеют свои стилистические характеристики, например: книжные *хлад – зной, хладный – знойный*, разговорные *холодина – теплынь, стужа – жарщица* и др.

В целом можно заключить, что в современном русском языке семантическая оппозиция ‘холодный-теплый’ особенно актуальна в дискурсе погоды. Антонимы, реализующие данную оппозицию, являются неотъемлемой частью метеорологического прогноза. В публицистических и художественных текстах слова и словосочетания

температурной семантики используются не только в прямом, но и в переносном значении, тем самым обогащая русский язык.

Список литературы

Большой Толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. URL: <http://gramota.ru/> (дата обращения: 12.04.2022).

Бубырева Ж. А. Семантика существительных, номинирующих температурные ощущения (на материале русского, французского и английского языков) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2012. № 24 (143). С. 44–48.

Быкова А. А. Температурная метафора в русской языковой картине мира: дискурсивное варьирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. 24 с.

Григорьева О. Н. У природы нет плохой погоды... (Лингвистические заметки о жанре «прогноз погоды» в современных масс медиа) // Слово. Грамматика. Речь: сб. науч.-метод. ст. по преподаванию РКИ. М.: Моск. гос. ун-т, 2017. С. 72–81.

Григорьева Т. В. Оценочно-символическая насыщенность оппозиции 'горячий-холодный' // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20, № 5. С. 160–163.

Дегальцева Е. А. Холод как метафора Сибири (на примере репрезентации XIX века) // Российский гуманитарный журнал. 2012. Т. 1, № 1. С. 84–94.

Калугина В. А. Национальная специфика языковой репрезентации концепта (на материале объективации концепта «температура» в русском и английском языке): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 202 с.

Кронгауз М. А. Семантика: учебник для студ. лингв. фак. вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2005. 352 с.

Крылова Т. В. Прилагательные со значением высокой и низкой температуры и наивно-языковая оценка температуры // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегод. Междунар. конф. «Диалог». М.: РГГУ, 2009. С. 243–248.

Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка: более 2000 антонимических пар / под ред. Л. А. Новикова. М.: Русский язык, 1984. 384 с.

Малый академический словарь А. П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. URL: [\[graphy.online/explanatory/mas/\]\(https://lexico-graphy.online/explanatory/mas/\) \(дата обращения: 12.04.2022\).](https://lexico-</p>
</div>
<div data-bbox=)

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 12.04.2022).

Новиков Л. А. Семантика русского языка: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1982. 272 с.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. 1488 с.

Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / под общ. ред. Т. Ф. Ефремовой. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 12.04.2022).

Перельман Я. И. Занимательная астрономия / под ред. П. Г. Куликовского. 9-е изд. М.: Гос. изд-во физ.-мат. лит., 1958. 170 с.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

References

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. Available at: <http://gramota.ru/> (accessed 12 Apr 2022). (In Russ.)

Bubyreva Zh. A. Semantika sushchestvitel'nykh, nominiruyushchikh temperaturnye oshchushcheniya (na materiale russkogo, frantsuzskogo i angliyskogo yazykov) [Semantics of nouns denominating temperature sensations (based on the material of the Russian, French, and English languages)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Belgorod State University Scientific Bulletin], 2012, issue 24(143), pp. 44–48. (In Russ.)

Bykova A. A. *Temperaturnaya metafora v russkoy yazykovoy kartine mira: diskursivnoe var'irovanie*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Temperature metaphor in the Russian language picture of the world: Discursive variation. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2014. 24 p. (In Russ.)

Grigor'eva O. N. U prirody net plokhoy pogody... (Lingvisticheskie zametki o zhanre 'prognoz pogody' v sovremennykh mass media) [There is no bad weather... (Linguistic notes on the weather forecast genre in the modern mass media)]. *Slovo. Grammatika. Rech': sbornik nauchno-metodicheskikh statey po prepodavaniiyu RKI* [Word. Grammar. Speech: Collection of Scientific and Methodological Articles on Teaching Russian as a Foreign Lan-

guage]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 2017, pp. 72–81. (In Russ.)

Grigor'eva T. V. Otsenочно-simvolicheskaya nasyshchennost' oppozitsii 'goryachiy-kholodnyy' [The evaluative and symbolic intension of the opposition 'hot-cold']. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University Named after N. A. Nekrasov], 2014, vol. 20, issue 5, pp. 160–163. (In Russ.)

Degal'tseva E. A. Kholod kak metafora Sibiri (na primere reprezentatsii 19 veka) [Cold as a metaphor for Siberia (the 19th century representations)]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Liberal Arts in Russia], 2012, vol. 1, issue 1, pp. 84–94. (In Russ.)

Kalugina V. A. *Natsional'naya spetsifika yazykovoy reprezentatsii kontsepta (na materiale ob''ektivatsii kontsepta 'temperatura' v russkom i angliyskom yazyke)*. Diss. kand. filol. nauk [National specificity of language representation of a concept (based on the objectification of the concept 'temperature' In Russian and English). Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2006. 202 p. (In Russ.)

Krongauz M. A. *Semantika: uchebnyk dlya studentov lingvisticheskikh fakultetov vuzov* [Semantics: textbook for students of linguistic faculties of institutions of higher education]. 2nd rev. and exp. ed. Moscow, Akademiya Publ., 2005. 352 p. (In Russ.)

Krylova T. V. Prilagatel'nye so znacheniem vysokoy i nizkoy temperatury i naivno-yazykovaya otsenka temperatury [High- and low-temperature adjectives and naïve-linguistic estimation of temperature]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii 'Dialog'* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the Annual International Conference 'Dialogue'], Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2009, pp. 243–248. (In Russ.)

L'vov M. R. *Slovar' antonimov russkogo yazyka: bolee 2000 antonimicheskikh par* [Dictionary of Antonyms of the Russian Language: more than 2000 antonym pairs]. Ed. by L. A. Novikov. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1984. 384 p. (In Russ.)

Malyy akademicheskiy slovar' A. P. Evgen'evoy [Small Academic Dictionary of A. P. Evgeneva]. Available at: <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (accessed 12 Apr 2022). (In Russ.)

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [The Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (accessed 12 Apr 2022). (In Russ.)

Novikov L. A. *Semantika russkogo yazyka: uchebnoe posobie* [Semantics of the Russian Language: textbook]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1982. 272 p. (In Russ.)

Novyy obyasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language] Ed. by member of the Russian Academy of Sciences Yu. D. Apresyan. Moscow, LRC Publishing House Publ., 2003. 1488 p. (In Russ.)

Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy [New Explanatory and Word-Formation Dictionary of the Russian Language]. Ed. by T. F. Efremova. Available at: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (accessed 12 Apr 2022). (In Russ.)

Perelman Ya. I. *Zanimatel'naya astronomiya* [Entertaining Astronomy]. Ed. by P. G. Kulikovskiy. 9th ed. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo fiziko-matematicheskoy literatury Publ., 1958. 170 p. (In Russ.)

Rakhilina E. V. *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive Analysis of Subject Names: Semantics and Combinability]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2008. 416 p. (In Russ.)

Lexical Units Representing the Opposition ‘Cold-Warm’ in Weather Discourse in the Modern Russian Language

Olga N. Grigorieva

Associate Professor in the Department of Russian Language

Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation. lonogrig@yandex.ru

SPIN-code: 3166-6740

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6097-0880>

IstinaResearcherID: 3452813

Li Xilian

Postgraduate Student in the Department of Russian Language

Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation. lixilian527@gmail.com

SPIN-code: 5510-0317

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0326-5384>

IstinaResearcherID: 87055773

Submitted 17 Jul 2022

Revised 23 Aug 2022

Accepted 15 Sep 2022

For citation

Grigorieva O. N., Li Xilian. Leksicheskie edinitcy, protivopostavlennye po priznaku ‘kholodnyy-teplyy’, v diskurse pogody v sovremennom russkom yazyke [Lexical Units Representing the Opposition ‘Cold-Warm’ in Weather Discourse in the Modern Russian Language]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 24–33. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-24-33 (In Russ.)

Abstract. The article examines the words that implement the semantic opposition ‘cold-warm’ in the modern Russian language and reflect a person’s perception of temperature, which depends on many conditions, including geographical location and climate features. The material for this study comprised temperature nominations selected from explanatory dictionaries, synonym and antonym dictionaries. Acting as one of the means of describing the weather, temperature lexemes are an integral part of the vocabulary of the Russian language. We study this group of words from the point of view of their lexical meaning, belonging to the thematic group, typical collocations, as well as the use in texts of various functional styles. We come to a conclusion that the uniqueness of the semantic opposition ‘cold-warm’ related to the discourse of weather, is manifested in many metaphorical expressions reflecting the uniqueness of Russian culture and the peculiarities of the Russian people’s mentality. Most of the words that implement this opposition are antonyms, some of them express opposite meanings in set phrases. Sometimes their original meaning changes when they are part of such phrases. We note that lexical units that implement the semantic opposition ‘cold-warm’ and are used in the modern Russian language in a figurative sense can acquire a symbolic meaning. The article concludes that in the Russian language temperature nouns collocate with adjectives derived from toponyms. In the media texts these lexical units make it possible to express the author’s assessment not only of weather phenomena but also of political events. This article can be used as a basis for further research in this field.

Key words: temperature vocabulary; semantic opposition, symbolic meaning; antonyms; metaphor; weather discourse.

УДК 81'28:81'37

doi 10.17072/2073-6681-2022-4-34-45

Лексика крашения тканей в русских говорах Пермского края

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья» (проект № 19-18-00117)

Юлия Владимировна Зверева

к. филол. н., старший научный сотрудник

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН

614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13А. zv.ul@mail.ru

SPIN-код: 9483-8453

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0129-2565>

ResearcherID: D-9469-2017

Статья поступила в редакцию 05.09.2022

Одобрена после рецензирования 18.10.2022

Принята к публикации 15.11.2022

Информация для цитирования

Зверева Ю. В. Лексика крашения тканей в русских говорах Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 34–45. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-34-45

Аннотация. Статья посвящена анализу лексических единиц, связанных с окрашиванием нитей и тканей в традиционном крестьянском хозяйстве жителей Пермского края. Самодельные нитки и ткани (льняные и шерстяные), которые часто имели непривлекательный цвет, окрашивали различными подручными красителями. В пермских говорах отмечено большое количество слов, относящихся к тематической группе «Крашение ткани». В статье анализируются лексические единицы, которые имеют значения: ‘окрашивать, придавать цвет’, ‘названия тканей по цвету и расцветке’, ‘характеристики тканей по цвету и рисунку’, ‘рисунок, расцветка тканей’, рассматриваются наименования красок и красящих материалов, а также наименования людей, занимающихся этим ремеслом. Автор статьи приходит к выводу, что лексика, связанная с изготовлением ткани и ее окрашиванием, является ценным источником для изучения быта крестьян Пермского края, их эстетических представлений. Большое количество лексических единиц этой тематической группы свидетельствует о стремлении сделать ткани и одежду из них не только удобными в использовании, но и красивыми. Лексика, связанная с изготовлением тканей в крестьянском хозяйстве, в основном относится к исконно русской. Многие слова этой группы встречаются в других русских говорах, но часть лексики является специфической для территории Прикамья. Это лексемы исконно русского происхождения, возникшие в результате появления у слов новых значений или в результате образования новых слов с помощью аффиксов. Лексика крашения тканей связана с другими тематическими группами в диалектной лексической системе, часто от наименований окрашенной ткани образуются различные наименования одежды.

Ключевые слова: русские говоры Пермского края; ремесленная лексика; ткачество; ткань; окрашивать; технологии окрашивания.

Введение

В пермских говорах отмечают различные наименования тканей. Многие из них являются общерусскими, некоторые же фиксируются только в диалектах. Отметим, что даже общерусские названия тканей, изготавливаемых в крестьянском хозяйстве, не всегда понятны современному человеку, поскольку из-за распространения материа-

лов фабричного производства многие слова вышли из активного словарного запаса, перестали употребляться. Однако эта группа лексики представляет интерес для изучения: в ней находят отражение особенности быта жителей Пермского края в прошлом, их представления о красоте и целесообразности и даже некоторые особенности растительного мира этой территории.

Предметом анализа в настоящей работе стала лексика, связанная с крашением ткани. Существуют исследования, посвященные названиям тканей, в основном это работы историко-лексикологического характера, например: статьи О. Н. Гауч [Гауч 2008], Г. А. Лукиной [1972], Е. Н. Поляковой [Полякова 2010], О. Г. Щитовой [Щитова 2007], диссертации З. А. Носковой [Носкова 1989] и М. В. Тарасовой [Тарасова 2001]. В работах Е. И. Боровой [Боровая 2012], Ю. В. Зверевой [Зверева 2019], Л. П. Михайловой [Михайлова 1969], Ю. П. Чумаковой [Чумакова 1995] рассматриваются некоторые наименования тканей в русских говорах. Лексика крашения тканей как отдельная лексико-семантическая группа не становилась предметом анализа. Чаще всего некоторые единицы рассматриваются в тематической группе «Ткачество», которая относится к большой группе ремесленной лексики. Исследователи обращаются к описанию лексики различных ремесел и кустарных производств, выявляют ее региональную специфику (см., например, работы М. А. Баланчика [Баланчик 1992], М. Д. Корольковой [Королькова 2020]); славянские термины текстильного производства в аспекте происхождения рассматриваются в работе О. Н. Трубачева [Трубачев 2008: 393–527]. М. Д. Королькова выделяет несколько вопросов, связанных с изучением лексики промыслов и ремесел: проблему фиксации материала, выделение ремесленной лексики из диалектного дискурса, классификацию материала [Королькова 2015: 298]. В нашей работе будет рассмотрена лексика, связанная с крашением тканей, в том числе та, которая фиксируется в литературном языке, поскольку это дает представление о системных отношениях в данной лексико-семантической группе.

Как известно, материалом для изготовления тканей служили волокна льна, конопли и шерсти. Для придания ткани более красивого цвета, а также в утилитарных целях нитки, предназначенные для изготовления ткани, и сам материал окрашивали. Окрашивание производили в самих крестьянских хозяйствах либо отдавали ткань людям, которые занимались этим специально. Можно выделить некоторые тематические подгруппы лексики, связанные с крашением: 1) глаголы со значением ‘окрашивать, придавать цвет’, ‘наносить краску’, 2) рисунок, расцветка ткани, 3) названия тканей по цвету и расцветке, 4) характеристики тканей по цвету и рисунку; 5) наименования красок и красящих материалов, 6) наименования ремесленника, который окрашивает ткань. Лексика крашения соотносится и с другими тематическими группами: так, наименования различных предметов одежды могут быть

образованы от названий окрашенной ткани (*крашеннйник, синюха*). Связан этот вид ремесленной лексики и с наименованиями некоторых растений, поскольку в крестьянском хозяйстве чаще всего использовали растительные красители.

Единицы со значением ‘окрашивать, придавать цвет’

Существовало несколько способов придания ткани какого-либо цвета: окрашивать полученную ткань, набивать рисунок на ткань, ткать из крашеной пряжи. В пермских говорах представлена большая группа глаголов со значением ‘придавать ткани какой-либо цвет’: *выбасить, выкрасить, красить, накрасить, окрасить, раскрасить*. В эту группу входят также глаголы, которые обозначают окрашивание в определенный цвет: *вычернить, голубить, дубить, жарчить, желтить, кубить, надубить, насинить, начернить, обчернить, одубить, одублнить, ожелтить, озеленить, осинить, очернить, подголубить, синить, чернивать, чернить*. Большинство этих единиц имеет прозрачную внутреннюю форму и образовано от наименований цветов, которые фиксируются и в современном литературном языке. Интересны лексемы с корнями *дуб-*, *жар-* и *куб-*, поскольку значение производных глаголов с семантикой крашения не мотивировано значением слов современного литературного языка. Эти глаголы являются производными от диалектных лексических единиц.

В пермских, как и во многих других русских говорах, лексема *дуб* имеет значение ‘кора ивы, ольхи и других деревьев, используемая для обработки кож, меха, а также для окраски чего-либо’: *Весной сдерут кору с толстой ивы и сушат. Вот и будет дуб красного цвета*. Редикор Черд. (КСРГСПК). Обычно порошок из коры придавал ткани коричневый или желтый цвет: *Дуб берёзовый-от натолкут, он под берёстом находится, а у ольхи кору обдерут, высушат, истолкут, всё вместе смешивалось, напярят и красят дубом. Тако сжолта, а если большие накладывают, дак сделатся коричневый, красивый бобриковый цвет*. Пянтег Черд. (КСРГСПК). В пермских говорах слово *дуб* приобретает значение ‘желтый или коричневый цвет’ (*Дуб да бела полоса – цвет-то был*. Камгорт Черд. (КСРГСПК)). Соответственно, глаголы с корнем *дуб-* (*дубить, надубить, одубить, одублнить*) имеют значение ‘окрашивать пряжу, ткань отваром коры ивы, ольхи и т. п. в коричневый, желтый цвета’. Скорее всего, с процессом дубления, т. е. окрашивания ткани с помощью коры деревьев, связано происхождение лексемы *дубас*, которая обозначает разные виды женской одежды, но в первую очередь – сарафан из домотка-

ного холста (*Если из ситуу, то сарафан звался; покрочкой опояшется, а если холишовый, то дубас. Дубас с клиньями, с проймама.* Редикор Черд. (КСРГСПК)); об этом пишет в своей работе Е. Н. Полякова [Полякова 2010: 15–16].

Глагол *жарчить* в пермских говорах имеет два значения: ‘окрашивать шерстяную пряжу в оранжево-красный цвет настоем корней’ (*Раньше вот жичу жарчили.* Акчим Краснов. (АС 1: 276)) и ‘окрашивать шерстяную пряжу любой краской’ (*Краски наберут, так мотками наматывают и жарчат.* Акчим Краснов. (там же)). В других русских говорах этот глагол не отмечен, но можно предположить, что он связан с прилагательным *жаркий* ‘красно-оранжевый, огненный, красный’ (СРНГ 9: 80). Затем значение глагола становится шире и слово начинает обозначать процесс окрашивания в любой цвет, это явление характерно и для других глаголов этой группы (чернить, синить): *Выткешь холст, а потом выбасишь какой-нибудь краской, я чернила в куксиновый цвет.* Тюлькино Сол. (СПГ 1: 130); *Синельшык синил разными красками.* Покча Черд.; *Выткали ткань на себя – носили, синили ольхой.* Илаб Сол. (КСРГСПК). Глагол *дубить* может приобретать значение ‘делать белым, подвергая специальной обработке, отбеливать’ (*Я дубила холст в озере. Спускают в ил, в реку и долбят.* Вильгорт Черд. (там же)).

Глагол *кубить* (*Отдавали кубить, кубили, красили, всё делали.* Гайн. (КСРГСПК), кроме пермских, отмечен также в сибирских и орловских говорах со значениями ‘красить в кубовую краску’ (СРНГ 15: 382), ‘покрывать, пропитывать синей краской’ (СОГ 5: 131). Скорее всего, в других русских говорах эта лексема также существовала, поскольку слово *кубовик* ‘синий сарафан (обычно из холста)’ отмечено на разных территориях (СРНГ 15: 383). Глагол *кубить* и наименование цвета *кубовый* связаны со способом изготовления красителя индиго, который нужно было настаивать в специальных чанах – «кубах».

Конечно, в пермских говорах представлены также глаголы с корнем *бел-* (*белить, выбеливать, отбеливать, побелить*), но окрашивание льняных нитей и холста в этом случае происходило в результате воздействия на них щелока, воды, солнца, мороза, физического воздействия, а не специальных красителей, поэтому глаголы с корнем *бел-* имеют значение ‘делать белым, подвергая специальной обработке’. Процесс беления мог включать в себя несколько этапов: готовый холст / нити *зольили*, т. е. парили в зольном щелоке для придания белизны и мягкости, отстиранный холст раскладывали на траве / снеге, чтобы он становился более светлым под воздей-

ствием солнца / мороза, его также могли бить специальными деревянными вальками для придания мягкости и отбеливания. Именно поэтому у некоторых глаголов возникает добавочная семантика ‘стать светлым в результате какого-либо воздействия’: *вымерзнуть* (*На печь кладут друг на дружку эти мотушки. Они позолятся, позолятся. Потом на реку унесут, там прополошут, потом на мороз, чтобы вымерзли. Оне белые становятся. Потом станут ткать эти холсты тоже. По насту их постелют, чтобы они белее были.* Курашим Перм. (АЧ)); *выстлаться* ([Чем белят холсты?]) *Водой поливают да и. Ничем не белят, само. На гору постелем, из реки воду берём, поливам. А потом она сама собой выстелется.* Редикор Черд. [СРГСПК 1: 345]); *позолиться* (*Сначала нарядут, мотушки позолят. На печи еще позолят, чтобы они пропрели. Золой помажут их, маленько чтоб жиже была. На печь кладут друг на дружку эти мотушки. Они позолятся, позолятся.* Курашим Перм. (АЧ)).

От прилагательных, которые обозначают цвет, и глаголов со значением ‘наносить краску, окрашивать’ образуются названия самодельных тканей: *вишнёвка* ‘домотканая пестрядь красного цвета’ (*Были вишнёвки – рубаиная пестрядь.* Черный Яр Киш. (СРГЮП 1: 126)); *крашенйна* ‘крашенная ткань домашнего изготовления’ (*Сидели вечерами-то лен теребили, волокно пряли на крашенину. Всё ведь раньше из своего полотна шили.* Орда Орд. (СПГ 1: 436)); *чёрнядь* ‘домотканый холст, выкрашенный в синий или чёрный цвет’ (*Была шапка с полками: верховище – четыре клина, подкладка шубна или стачёна, верх – из черняди.* Харюшина Сол. (СПГ 2: 528)). Специального обозначения для белой ткани в пермских говорах не отмечается, обычно ее просто называли *холстом* в отличие от окрашенной: *Цветная ткань кежина называется, белая – холст.* Баяндино Черд. (КСРГСПК), иногда использовали определения *белый / выбеленный / пробиленный* (*Раньше сами шили, семью одедали, ткали хост. Если белый холст, то нижние рубахи ткёшь.* Бондюг Черд. (КСРГСПК); *Ну как у нас, у старообрядов, только холст самотканый. Он выбеленный, он заранее приговорен на смертное... Его шили бабки, которые приходили молиться кто-нибудь. Шили рубаху.* Сев. Коммунар Сив. (СК)); *Холст был пробиленный, готовый.* Левина Сол. (СПГ 2: 224)).

Наименованиями окрашенной в какой-либо цвет ткани мотивированы также и названия некоторых видов традиционной одежды: *вишнёвка* ‘мужская рубашка из ткани «вишневка»’, *кубовик* ‘сарафан из синей ткани с набивным рисунком’, *синюха* ‘мужская рубашка из окрашенного в синий цвет домотканого холста’,

‘верхняя женская одежда прямого покроя наподобие пиджака из окрашенного в синий цвет домотканого холста’, **крашенник** ‘сарафан прямого покроя из домотканого крашеного холста’, **крашенное** ‘одежда из окрашенной ткани’.

Единицы со значением ‘отпечатывать узор на ткани’

Кроме сплошного окрашивания, на ткань также могли наносить рисунок с помощью специальных досок («набивать»), в говорах Пермского края этот процесс обозначали глаголы:

выбивать / **набить** / **набить** (Долги юбки носили, рубахи длинны холишovy, дубасы биты. Их выбивали краской всякими цветами. Редикор Черд.; Холст выткнут, набьют всякими цветами. Редикор Черд.; Набоили синельники. Всякие кривульки напечатывают, ровно ситец. Пянтег Черд. (КСРГСПК));

выдалбливать (Это ранние были синельники, синили одежду, кубили, выдалбливали, белые пятна на синем. Покча Черд. (КСРГСПК));

напестрять / **пестрить** (Раньше носили пестретую одежду, ее напестрели красками. Шульгино Бер. (СПГ 1: 561)); Юбки тканые мы пестрили. Терехино Караг. (СПГ 2: 96));

напечатать / **печатать** / **распечатать** (Холст-от ташишым к синельшыку. Он напечатат то ли ёлочкой, то ли крестиком. Пянтег Черд.; Синельшык печатал дубасы печатные. Тиуново Гайн. (КСРГСПК); Распечатать мануфактуру. Вот мастер! Распечатала красиво! Акчим Краснов. (АС 5: 20)).

Получившаяся набивная ткань называлась **набойка** ‘домотканый холст с набивным рисунком’ (С ластовкима, рубаха с наставкима, выбирали на кроснах. Набойка – набойцятый холст. Носкова Юрл. (КСРГСПК)) и **набойник** (Набойник – это матерьял, набойник синий, с цветами. Редикор Черд. (КСРГСПК)). Часто из набивных тканей изготавливали сарафаны и юбки, поэтому в пермских говорах **набойник** и **набойка** также имеют значение ‘сарафан (реже – юбка) из домотканого холста с набивным рисунком’ (Набойка – это как сарафан. Она надевалась выше груди. Набойка была на ляпочках. Пянтег Черд.; Сарафаны-набойники. Рисунок набивали. Доски намазывались. Синильшык делал. Пянтег Черд. (КСРГСПК)). Для характеристики предметов одежды, изготовленных из набивных тканей, использовали отглагольные прилагательные:

битый / **выбитый** (Мы чё, мы чё? Долги юбки носили, рубахи длинны холишovy, дубасы биты. Их выбивали краской всякими цветами. Редикор Черд. (КСРГСПК 1: 100); Выбитые холицовые дубасы были. Вильгорт Черд. (там же: 299));

выдавной (А на юбке были выдавные цветочки. Посад Караг. (СПГ 1: 67));

набивной (Дубасы носили, ещё кто и набивные делали. Полва Кудым. (СРГКПО: 91));

наббанный / **наббанный** (Дубасы холишovy, набоенные, згрёбные. Кривцы Гайн.; Набойныте носили раньше. Смотри, какое платье набойное. Камгорт Черд. (КСРГСПК));

набойчатый (Кежовые юбки набойцятые из холста. Синельщицы запоны да цё набоили, крашили. Камгорт Черд. (КСРГСПК));

печатанный / **печатный** (Синельшык печатал дубасы печатные. Тиуново Гайн. (КСРГСПК); Печатаная юбка есть, её не увезёшь: в шесть полос она, тяжёлая; печатники ложили юбку на доску, у их печать была, и оне её печатали. Осокино Сол. (СПГ 2: 97)).

Исследователи кубовой набойки XIX – начала XX в. описывают различные формы орнамента, но отмечают, что в крестьянской среде чаще всего использовали мелкие растительные и геометрические рисунки [Плотникова 1995: 8–9]. В пермских говорах отмечены как общие наименования рисунков **выбивка**, **вырезка**, **набивка**, **набойня** ‘узор на ткани, нанесенный (набитый) особым приспособлением’, так и наименования некоторых конкретных узоров:

ёлочка, **крестик** (Холст-от ташишым к синельшыку. Он напечатат то ли ёлочкой, то ли крестиком. Пянтег Черд. (КСРГСПК));

кривулька (Набоили синельники всякие, кривульки напечатывают, ровно ситец. Пянтег Черд. (там же));

кубик (Самодельные тоже сарафаны были. Которые ходили художники по деревням, сарафаны печатали. Холст принесёшь; кубики, цветы на холсту печатали. Кубовиком звали. Печмень Бард. (СРГЮП 1: 437));

ляпочка (У меня печатаная юбка жёлтая, такими лапочками жёлтыми, а земля синяя. Осокино Сол. (СПГ 2: 97)),

цветочки (Кубовики носили: земля синяя, цветочки аленькие. Широкие, длинные сарафаны. Ярушино Сукс. (СРГЮП 1: 437));

цветы (На деревянной доске набиты были гвоздочки. Доску оммакивают в краску белую, жёлтую. Досок-от много. И все их накладывают на холст. Получаются цветы. Пянтег Черд. (КСРГСПК)).

Изготовление узорных набивных тканей было широко распространено в Пермском крае, обычно для крашения материал отдавали ремесленникам, которых называли **синельщиками** / **синильщиками** / **синельниками** (Раньше синельщики были, красили холсты в сине, и в желто, и во всяко. Берёзовка Ус. (СПГ 2: 337); Синильщик специально приезжал и синил холст. Акчим

Краснов. (АС 5: 78); *Набоили синельники всякие, кривульки напечатают, ровно ситец*. Пянтег Черд. (КСРГСПК) или *печáтальщиками / печáтниками* (*Печатали не здешние, не сами хозяева, а это печатальщик. Когда придет в деревню, дак его наймут, ему заплотят, дак он и напечатает. Запоны и юбки таки же печатанные бывали, только с подолу-то кайма*. Гунино Ус. (ЛФП); *Печатанная юбка есть, её не увезёшь: в шесть полос она, тяжёлая; печатники ложили юбку на доску, у их печать была, и оне её печатали*. Осокино Сол. (СПГ 2: 97)). Пермский этнограф А. В. Черных пишет о том, что во многих крупных селах мастера-синильщики открывали свои мастерские [Черных 2007: 36], в говорах такие помещения называли *синельня / синильня / синильная*.

Единицы со значением ‘ткать с узорами’

Часто цветная ткань получалась в результате переплетения окрашенных в разные цвета нитей или окрашенной и неокрашенной пряжи, технически это самый сложный вид украшения тканей. Этнографы и искусствоведы выделяют несколько видов узорного ткачества: пестрядь, ремизное и браное ткачество [Богуславская: эл. ресурс; Кожевникова 1968].

Наиболее распространена была *пéстрядь* – простое переплетение цветных нитей, образующих небольшие клетки и полосы. В пермских говорах, кроме слова *пестрядь*, зафиксированы также различные словообразовательные варианты: *пестра́* (*Пестры ткали на юбки. Козьмодемьянск Караг. (СПГ 2: 96)*), *пестредёнь* (*Всяку пестредень, я любую пестредь насную и сицяс*. Карпичёва Черд. (КСРГСПК)), *пестри́к* (*Теперь хорошо, легко. Раньше всё холишовоё. Ткали пестрик красивый*. Акчим Краснов. (АС 4: 41)), *пéстрица* (*Пестрица мы называли [эту ткань]*. Кикус Черд. (КСРГСПК)), *пестру́шка* (*Женищинам пеструшки ткали на юбки, со всякими клеточками, большими и маленькими*. Бердышево Больш. (АЧ)), *пестра́душка* (*Пестрадушка полосатая. Мелкие полосы. Красные, синие полосы. Основа-то одинаковая*. Мартяново Сукс. (СРГЮП 2: 318–319)). Часто этот вид ткани именовался по рисунку: *клеточки*, *клетчатка*, *клетчатое* ‘домотканый холст в клетку’ (*На вышке – кросна. Клеточки наткёшь – юбочки нашёшь*. Богатовка Черн. (АЧ); *Раньше едак юбки не носили, ситцевые не нашивали. Холст ткали клетчатку. Пошьют [с] борками*. Юрла (КСРГСПК); *Клетчатое [ткань в клетку], разные клетки*. Покча Черд. (там же)); *пéшки* (*Ткали раньше и холст, и пёшки*. Черновское Больш. (СПГ 2: 98)); *полосу́шки* (*Это называется, это матерьял полосушки. Полоса красная, зелёная*

там, например, клетчатое – вот полосушки. Дубовая Гора Куед. (ДАКТиПЯ)). Кроме того, к слову *пестрядь* могли добавлять определения *рубáшная* и *штáнная / штáнная*: *Оснудь лён на сновалках, в кроснах, и выткешь рубаишу пестредь, штáнную пестредь*. Седа Киш.; *Штáнная пестрядь – полосами узенькими, в четыре ниченки*. Чёрный Яр Киш.; *Штáнинну пестрядь по-другому ткали – белую, синюю, белую полоски*. Есаул Черн. (АЧ). А. В. Черных отмечает, что *рубаиная пестрядь* имела рисунок в мелкую клетку, а *штáнная* – в полоску [Черных 2007: 36]. От наименований ткани также были образованы прилагательные со значением ‘сшитый из пестряди’: *пестри́чный* (*Невеста на девинник-то пестричные рубахи жениху шила*. Силкино Караг. (СПГ 2: 96)), *пестру́шечный* (*Одежду клетчатую ткали, клетками сновали и носили*. Дубас – холстяной сарафан, становина – пеструшечная юбка нижняя, подрубашечная. Торговище Сукс. (АЧ)), *пестра́динный* (*Сарафаны большие пестрадинные. Одноцветных нет*. Ореховая Гора Черн. (АЧ)), *пестра́дный* (*Пестра́дные рубахи мужики носили. Помнишь, бабонька Аркадию делала? Красивая така*. Илаб Сол. (КСРГСПК)), *пестра́ной* (*Мужики тканые пестраные штаны носили*. Илаб Сол. (там же)). Повсеместное использование пестряди для пошива одежды привело к возникновению разнообразных наименований одежды из этой ткани: *пестра́дина*, *пéстрядь*, *пéстрячь* ‘одежда из пестряди’, *пестро́ины* ‘мужские штаны из пестряди’, *пестру́шка* ‘сарафан из пестряди’ и *пестру́шечка* ‘юбка из пестряди’.

В пермских говорах также отмечены слова с корнем *кеж-*, которые обозначают домотканый холст в полоску или клетку: *кеж / кежь / хеж* (*Кеж – цветной лён. Кежи делают только в клетку*. Зёлва Черд.; *Ежли клетка всякая разноцветошная, дак кежью звали*. Камгорт Черд.; *Полосатой холст, тёмной хеж называется*. Мартино Краснов. (КСРГСПК)), *кежа́* (*Дубасы носили, холицовые выткнут из кежи, лямки пришьют, тесёмки*. Редикор Черд. (там же)), *кёжик* (*Кежики ткали всякими нитками*. Редикор Черд. (КСРГСПК)), *кежи́на* (*Цветная ткань кежина называется, белая – холст*. Баяндино Черд. (КСРГСПК)), *кежи́нка* (*Кежинка – ткань такая, мужикам в мелкую клеточку, а бабам – покрупнее*. Редикор Черд. (КСРГСПК)). Чаще всего лексемы с корнями *пестр-* и *кеж-* обозначают одну ткань, в «Словаре русских народных говоров» лексема *кеж* толкуется через слово *пестрядь* [СРНГ 13: 175]. Однако носители диалекта могут различать эти виды ткани по величине рисунка: *Пестрядь-то мелкая клетка, мужикам на рубаишки, а покрупнее*

клетки – кеж. На скатёрки и на юбки шёл. Нырб Черд. (КСРГСПК).

Кроме пермских, единицы с корнем *кеж-* отмечены в вятских (ОСВГ 6: 38), уральских (СРГСУ 2: 24) и западносибирских говорах (СРНГ 13: 175). Л. П. Михайлова отмечает, что происхождение лексемы неясно, хотя она отмечается в памятниках письменности XVII в. со значением ‘пеньковая плотная ткань, главным образом полосатая’ [Михайлова 2013: 73]. По мнению А. Е. Аникина, слово *кеж* – ориентализм, но источник его происхождения неизвестен [Аникин 2000: 280]. В пермских говорах лексемы с этим корнем были распространены, о чем свидетельствуют прилагательные *кежбóвий / кёжевий / хежбóвий / кежбóвенький* ‘изготовленный из ткани «кеж»’ (*Свёкру-то кежовы итаны дарили, сами ткали – в белу да в синю полосу*. Свалова Сол. (СПГ 1: 386); *Юбки были хежовые, мелкима клеточкима, махонькима-махонькима*. Акчим Краснов. (АС 6: 106)). В некоторых случаях определение *кежбóвий* приобретает значение ‘вытканый в клетку / полосу’: *Холстинку кежовую выткала*. Марушева Черд.; *Я носила холщовые юбки, а не кежовые*. Вильгорт Черд.; *Клетчатые и полосатые – кежевые, значит*. Покча Черд. (КСРГСПК).

Наименования некоторых других тканей в говорах Пермского края также могут обозначать *пестрядь*. Так, хлопчатобумажный материал промышленного изготовления *сарпинка* (в говорах – *сарпинка*) обозначает не только покупную ткань, но и льняной домотканый материал в клетку: *Сарпинка была. Домотканый холст из разных ниток. Рубахи шили из него в клеточку*. Журавли Сукс.; *Сарпинка – из льна, в жёлтую клетку, что и пеструшка*. Трушники Черн. (АЧ). Основой для этого переноса (хлопчатобумажная ткань мануфактурного производства → холщовая ткань домашнего изготовления) стало сходство рисунка – мелкой клетки. Кроме того, в пермских говорах ткани *холстíнка* и *холст* также могут различаться по наличию узора: *холст* обычно обозначает однотонный материал, а *холстинка* – ткань в клетку или полосу, т. е. пестрядь: *Холстинка была половинчатая: половина синя, половина красна, в клетку; ткали из самых тонких ниток. Из этой холстинки шили рубахи холстинковы мужикам и себе тоже*. Толстик Сол.; *Холстинка-та красна, с синими полосками бывает, ну и с другими всякими тоже, а холст-от ведь одноцветной*. Зуева Сол. (СПГ 2: 508). Из *кежа*, *сарпинки* и *холстинки* шили рубашки и штаны, поэтому были зафиксированы такие наименования мужской рубашки из домотканого холста, как *кежинка*, *сарпинка*, *холстинка*: *А в праздники накидали полосатые*

итаны и кежинки – рубахи. Клеточки были полугумажные и половина холстинной нитки. Пянтег Черд.; *Пестренные итаны полосатые наткёшь, а сарпинки дак в клетку*. Илаб Черд.; *Холстинка – рубашка дома выткана*. Бондюг Черд. (КСРГСПК).

Таким образом, для обозначения *пестряди* используются единицы, относящиеся к разным словообразовательным гнездам: с корнями *пестр-*, *кеж-*, *клет-*, *полос-*, *сарпин-*, *холст-*, что говорит о повсеместном распространении такого самодельного материала в крестьянском хозяйстве. По сравнению с другими видами узорного ткачества изготовление пестряди было относительно простым, например, при тканье *итанной пестряди* могли использовать 2 или 4 пары ремизок («ниченко»).

При изготовлении предметов домашнего текстиля и одежды часто использовали ремизное и браное ткачество. При ремизной технике цветные нити чередуются в определенном порядке, создавая различные геометрические орнаменты, обычно используется от 3 до 12 ремизок (в пермских диалектах «ниченка»). В пермских говорах зафиксировано номинативное сочетание *пятини́тенный холст* ‘холст, вытканый в пять нищенок’ (*Я видела холст, пятинитенный называется. И на самом холсте узоры выливались. Нитинки-то тут попеременно переплетались*. Юм Юрл. (СРГКПО: 254)). Изделия из такой ткани называли *узóрчатыми* (*Становина – это нижняя юбка. Узорчатая. Она красиво выткана. Журавли Сукс. (СРГЮП 3: 174)*). При многоремизном ткачестве поверхность иногда выглядела рельефной с вдавленными внутрь ячейками, в говорах отмечается слово *ямцевый* ‘имеющий выпуклый узор’ (*Ямцевая кофта была у меня, сама ткала из льна*. Тихановка Кунг. (СПГ 2: 573)).

Более сложным было браное ткачество, которое осуществлялось с помощью специальной дощечки «бральницы», браный узор был рельефен: цветная уточная нить была в два-три раза толще нити основы; по внешнему виду такое ткачество напоминает вышивку. Если для обозначения процесса ткачества использовались глаголы с корнем *тк-* / *тык-* (*ткать*, *вытыкать*, *изоткать*, *натывать* и др.), то значение ‘ткать с узорами’ выражали другие единицы:

выбírать / выбíрывать / набírать (*Я по редному ткала, а не выбирывала, хлопать не буду. Половодово Сол.; Когда ткёшь, тогда и рисунок набираешь*. Покча Черд. (КСРГСПК); *Ткали в 12, 8, 16 нитченок, с узорами – скатерти, верхние юбки из шерсти с узором; узор выбирали: основа чёрная, то узор (красный) малиновый*. Воскресенск Уинск. (АЧ));

выкладывать (Рукотерники белые ткали. Выкладывали рисунки на краю. На 2,6,8 ниченок. Надевали сами узор. Красный Ясыл Орд. (АЧ));

выузёривать (На приданое-то я всё выузори-вала. Усть-Гаревая Добр. (СПГ 1: 151));

запуска́ть (У мужиков круг подола запуск. Узор делали, запускали. Белой холс дзялом выби-рали. Дзялочок, джял тоненькой, кончик востренькой. Ём и выбирали, узоры делали. Ши-пицыно Гайн. (КСРГСПК)).

Для характеристики изделий браного ткачества использовали определения **брáнный** (Браное ткали – выбирали. Невеста замуж пойдёт, ва-тола должна быть выбрана. Специальной до-щечки выбирать не было, нитки рукой, пригорш-нями выбирали, выбранное. Уральское Чайк. (АЧ)), **выбирной** / **выбранный** (Выбирные руко-теры ткали. Кросны стоят, рассчитываешь, каку ниточку кверху, каку книзу. Вот и узор. Бо-родулята Ильин.; Скатерти у меня выбранные, рисунок шибко красивый. Раньше имя в праздник столы покрывали. Романово Ус. (СПГ 1: 130)); **выкладной** (Раньше ткали выкладные полотен-ца. Их на кроснах ткали. Илаб Сол. (СРГСПК)); **запу́сканный** (Узорчата рубаха – женска руба-ха, узоры [на ней]. Запускана рубаха, запускали узоры на ней. Тиуново Гайн. (КСРГСПК)). Гла-голы и отглагольные производные лексемы с корнями бир-, клад-, узор- фиксируются во мно-гих русских говорах: **выбирать**, **выбирывать** ‘ткать особым образом, выводя на ткани узоры’ (СРНГ 5: 26), **выкладь** ‘узорное тканье обычно красными нитками по белому полю холста’ (СРНГ 5: 291), **узёрница** ‘узорное домотканое полотно, холст’ (СРНГ 47: 35), что связано с по-всеместным распространением узорного ткаче-ства. Собственно пермскими диалектными сло-вами являются единицы с корнем пуск-: **за́пуск**, **запуска́ть**, **запу́сканный**. Возможно, лексемы формируются на основе одного из значений гла-гола *пускать* ‘придавать какой-либо цвет, тон, оттенок окрашиваемому предмету, рисунку’ (БАС 21: 525).

Техника узорного ткачества определяла ха-рактер тканых орнаментов, обычно это геоме-трические узоры: квадраты, ромбы, полосы, зигза-ги. В пермских говорах наиболее часто упоми-наются такие виды узоров, как **клётка**, **кльошка**, **крёстик**, **ку́бик**, **пёшка**. Поперечные и продоль-ные полосы на домотканом материале называ-лись **зау́сина**, **прожёлка**, **просно́вка**, **просно́-винка**, **просно́вочка**. Кроме того, упоминаются растительные узоры **ёлка** / **ёлочка** (В ёлочку я ткала. Покча Черд. (КСРГСПК)) и **ягодка** (Я простое только могу ткать. Пеструшку только. Мама ткали, в ягодку. Я еще тыкала ягодку, пешка как в ёлочку ткётся по краям, а в

середке ягодка. Ещё я была в та пор маловатая. Ярушино Сукс. (СРГЮП 3: 421)), но они также имели геометрическую форму.

Наименования красителей и цветов, в которые окрашивали ткань

С лексикой крашения тканей связаны и дру-гие тематические группы, например наименова-ния красителей. Чаще всего в традиционном из-готовлении тканей использовали растительные красители: *Краски – порошки были. Ещё берёзо-вую кору надерут, полежит – закраснеет. Её отваривали, парили, потом красили. Холсты красили, тряпки красили на половики. Ракшер Черд. (КСРГСПК)*. Красящие растворы получали из коры деревьев (ивы, ольхи, березы), поэтому в пермских говорах зафиксированы такие сочета-ния, как **дуб чёрный** (Не было краски, дак носили дуб чёрный. Его напаришь тут и очернишь. Пян-тег Черд. (там же) и **дуб берёзовый** (Дуб берёзо-вый-от натолкут, он под берёстом находится, а у ольхи кору обдерут, высушат, истолкут, всё вместе смешивалось, напарят и красят дубом. Тако сжолта, а если больше накладут, дак сде-лается коричневый, красивый бобриковый цвет. Пянтег Черд. (КСРГСПК). Жители Пермского края использовали кору ольхи в качестве краси-теля: *По вольху ходили, вольхой красили, когда краски не было, скоблили кору, запаривали горя-чей водой, кипятили; матерьял после опускали – получался коричневый цвет. Осокино Сол. (СПГ 1: 117)*, в Куединском районе Пермского края ее называют **елóшина**: *А раньше вот елошину со-берут, это кустарник, ива ли называется, здесь елошиной звали. Сдирали кору, вот красили, ко-му надо полосушки-то...* Дубовая Гора Куед. (ДАКТиПЯ).

В диалектных записях упоминается использо-вание в качестве красителей **еловых шишек** (Краски брали да красили. В революции не было красок, ольхой что ли. Коричневый – не коричне-вый получался. Шишками еловыми красили – тёмно-коричневый. Парили дубом. Медянка Орд. (АЧ)); **ягод крушины** (Синили на дубасы круши-ной, самыма ягодьма, наверхное, напарят и в ту лилову жижу макают. Она сголуба делалось, матерьял-от. Пянтег Черд. (КСРГСПК)), **луко-вой шелухи** (Луковой скорлущой бывало нитки красили. Лёк Киш. (СРГЮП 3: 120)) и др.

Для окраски шерсти использовали корни рас-тения, которое в пермских говорах носит назва-ния **зелёница** (Травой зеленицей – растёт в ле-су – красили жичу. Акчим Краснов.; *Всё жичу-то красили етима зеленичками. Акчим Краснов. (АС 1: 343)*, **желти́ха** (Марёна... Жёлтиха, ей раньше половики красили. Редикор Черд. (КСРГ-СПК)), **марёна** (Есть трава зеленица, марёна, ей

красна шерсть красится; Красным марёной красили, корни выкапывали марёны; Жёлт-жёлта марёна, красят жичу... Акчим Краснов. (АС 2: 123)). Скорее всего, имеется в виду растение *подмаренник настоящий*, который, в отличие от *марены красильной*, растёт на территории Пермского края. Упоминается также об использовании растения *конский щавель* (в пермских говорах – *огнёвка*) для окрашивания шерсти: *Огнёвка долгая растёт. Она сукно красит. Акчим Краснов.; Огнёвка, она жёлтым красит. Акчим Краснов. (АС 3: 105).*

Список растений, которые использовали жители Пермского края при окрашивании самодельных тканей, довольно большой. В случае, если не было возможности купить краску (например, в годы войны), ткани окрашивали традиционными красителями из доступных материалов. Для придания ткани насыщенного устойчивого цвета в красящий раствор добавляли оксид железа, т. е. раствор ржавчины: *Ольху напарят, туда обушники – топоры худые, постоит, и она чёрная будет. Акчим Краснов. (АС 3: 101); Чернили железом, железо в воду накладёшь, постоит – будет краска. Вильгорт Черд.; Дубили сами. Ральниками, железом синили, а ивой желтили. Тиунова Гайн. (КСРГСПК).* Обычно ткани, окрашенные подручными растительными красками, имели природные цвета (жёлтый, разные оттенки коричневого и красного, зелёный, синий, чёрный), которые были довольно приглушенными, неяркими.

Яркие оттенки, высокая насыщенность цвета были характерны для мануфактурных тканей и самодельных материалов, окрашенных с помощью покупных красителей (индиго и анилиновых). В конце XIX в. у деревенских жителей появляется возможность покупать анилиновые красители, так, *фуксин* в пермских говорах назывался *буксин* и *куксин* / *коксин* (*Краска буксин, она разна была: алая, бордовая, розовая. На базаре буксин покупали. Малютино Ус. (СПГ 1: 65); Шили сами юбки, кофты, потом коксином красили; это така малинова краска. Могилята Добр. (СПГ 1: 403); Куксин брали... Куксином холст красили – алиловое получается. Толстик Сол. (СПГ 1: 448).*)

Интересны некоторые названия цветов, которые придавали ткани красители: так, от лексемы *дуб* образуются *дубовый* и *дублёный* ‘имеющий темно-желтый, коричневый цвет’ (*Визитку летом покрою холстом. Не было красок, дак ивовым дубом [корой] дубили. Полоску сделаешь белу и дубовую [бурую]. Анисимово Черд. (КСРГСПК); Я одубила холст и сшила себе дублёную юбку. Не было материалов, дак мы дубили холст... получатся дублёное, круто-жёлтое.*

Толстик Сол. (СПГ 1: 236).) Синонимами к слову *дубовый* являются *елошевый* и *ольховый*, поскольку обозначают цвет, полученный в результате окрашивания корой ивы или ольхи: *А раньше вот елошину соберут, это кустарник, ива ли называется, здесь елошиной звали. Сдирали кору, вот красили, кому надо полосушки-то.. Кору накладывают, накипают и вот красили в этой воде-то. [А цвет какой получался?] А цвет получался елошевый, как коришневый. Дубовая Гора Куед. (ДАКТиПЯ); Ольховы штаны мама дала, ребёнка заворачивать. Ольховы – очернённые ольхой. Редикор Черд. (КСРГСПК).*

Как уже упоминалось, деревенские жители могли покупать некоторые красители, например индиго или анилиновые. В пермских говорах отмечаются прилагательные *кубовый* и *синекубовый* ‘ярко-синий’, которые связаны с изготовлением ткани-набойки: *Кубовая юбка, говорили, то есть цветом сине-фиолетовым. Чернушка (СРГЮП 1: 437); Сарафаны я уж не носила из материяла. Кубовой больше называли, носить в будний день, земля – синяя. Воскресенское Уинск. (АЧ); У её матери был сарафан синекубовый, цветошный. Так она не дала нам сарафан выступать. Усановка Уинск. (СРГЮП 3: 111).* От красителя фуксина (в говорах – *буксин* и *куксин*) образуются прилагательные *куксинный* (*Я износила шерстяно платье, куksiновоё было; нонче говорят бордовой, а раньше – куksiновоё. Тюлькино Сол. (СПГ 1: 448).*), *курсинный* (*Домой невесту повезут, шалью глаза завяжут курсиной. Всё, мол, отгуляла я в девушках. Крюково Ел. (СРГЮП 3: 380).*) В результате окрашивания получался очень яркий темно-розовый или малиновый цвет.

Выводы

1. Лексика, связанная с изготовлением ткани и ее окрашиванием, является важным источником для изучения быта народа, а также его эстетических представлений. Пермские диалектные материалы свидетельствуют о стремлении сделать одежду и предметы домашнего обихода не только удобными в использовании, но и приносящими эстетическое удовольствие. В пермских говорах было зафиксировано большое число лексических единиц, называющих процессы крашения самодельных тканей и нитей, узорного ткачества, наименований самих тканей, их расцветок и орнаментов. Языковые единицы, входящие в эту группу, также отражают некоторые особенности трудовой деятельности в крестьянском хозяйстве, важное место в которой принадлежало изготовлению тканей и одежды.

2. Языковые единицы, входящие в эту тематическую группу, отражают изменения в техноло-

гии крашения тканей: распространение кубовой набойки, которой занимались мастера-синильщики, появление анилиновых красителей, широко использовавшихся в окрашивании ниток и тканей.

3. В данной тематической группе выделяется подгруппа, которая называет ткани, для нее характерно большое количество синонимических рядов и словообразовательных вариантов.

4. Лексика, связанная с изготовлением самодельных тканей в крестьянском хозяйстве, в основном относится к исконно русской, исключением является наименование ткани (*кеж*) и обозначение красителя (*фуксин*). Многие единицы этой группы отмечены и в других русских говорах, но часть лексики является специфической для территории Прикамья. Это лексемы исконно русского происхождения, возникшие в результате появления у слов новых значений или в результате аффиксального словообразования.

5. Лексика крашения тканей связана с другими тематическими группами в диалектной системе. Особенно тесные семантические и словообразовательные связи прослеживаются с наименованиями одежды.

Сокращения

Бард. – Бардымский район; Бер. – Березовский район; Больш. – Большесосновский район; Гайн. – Гайнский район; Добр. – Добрянский район; Ел. – Еловский район; Ильин. – Ильинский район; Караг. – Карагайский район; Киш. – Кишертский район; Краснов. – Красновишерский район; Кудым. – Кудымкарский район; Кудед. – Куединский район; Кунг. – Кунгурский район; Орд. – Ординский район; Перм. – Пермский район; Сив. – Сивинский район; Сол. – Соликамский район; Сукс. – Суксунский район; Уинск. – Уинский район; Ус. – Усольский район; Чайк. – Чайковский район; Черд. – Чердынский район; Черн. – Чернушинский район; Юрл. – Юрлинский район

Список источников

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь. 1984–2011. Вып. 1–6.

АЧ – Материалы полевых исследований А. В. Черных.

БАС – Большой академический словарь русского языка / под ред. А. С. Герда. М., СПб.: Наука, 2012. Т. 21. 640 с.

ДАКТиПЯ – Диалектологический архив кафедры теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

КСРГСПК – Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранящаяся на

кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

ЛФП – Материалы лаборатории «Фольклор Прикамья».

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров: Коннетика: Изд-во ВятГГУ: Радуга-ПРЕСС, 1996–2018. Вып. 1–12.

СК – Материалы полевых исследований С. Ю. Королевой.

СОГ – Словарь орловских говоров / редактор Т. В. Бахвалова. Вып. 1–17. Ярославль, Орел, 1989–2016 (издание продолжается).

СПГ – Словарь пермских говоров Пермь: Кн. мир, 2000. Вып. 1: А–Н. 480 с. 2002. Вып. 2: О–Я. 576 с.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2011. Вып. 1: А–В. 364 с.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. Т. 1–7. 1964–1988.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012. Вып. 1–3.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52 (издание продолжается).

Список литературы

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.

Баланчик Н. А. Лексика крестьянского текстильного производства и плотнического ремесла (на материале русских говоров Кемеровской и Орловской областей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1992. 12 с.

Богуславская И. Я. Узоры на полотне. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/bogus/lavs/kaya/index.htm> (дата обращения: 25.09.2022).

Боровая Е. И. Лексика вышивания в орловских говорах: названия тканей, используемых при вышивании // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 1, № 4. С. 93–102.

Гауч О. Н. Наименования тканей в деловых документах второй половины XVIII века (на примере документов Тобольского филиала государственного архива Тюменской области) //

Вестник Челябинского университета. 2008. № 37. С. 21–27.

Зверева Ю. В. Названия холщовых тканей в русских говорах Пермского края // Филология в XXI веке. 2019. № 1(3). С. 108–115.

Кожевникова Л. А. Особенности народного узорного ткачества некоторых районов севера // Русское народное искусство севера: сб. ст. Л.: Сов. художник, 1968. С. 107–121.

Королькова М. Д. К проблеме анализа диалектной ремесленной лексики // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2015. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 298–307.

Королькова М. Д. Особенности функционирования ремесленной лексики в русских говорах Присурского Поволжья // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6, № 2. С. 55–72. doi 10.22250/24107190_2020_6_2_55_72

Лукина Г. А. Названия тканей в языке памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. // Этимология. М.: Наука, 1972. С. 242–262.

Михайлова Л. П. Лексика льнообработки, прядения и ткачества в новгородских говорах: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969. 488 с.

Михайлова Л. П. Тюркский след в лексике севернорусских говоров (Чежовина) // Вестник Костромского государственного университета им. А. Н. Некрасова. 2013. № 1. С. 71–75.

Носкова З. А. История наименований тканей в древнерусском языке XI–XIV вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 246 с.

Плотникова М. В. Кубовая набойка в России XIX–XX веков в собрании Государственного Русского музея. СПб.: Государственный Русский музей, 1995. С. 3–11.

Полякова Е. Н. Что носили модницы в Прикамье в XVII – начале XVIII века (по данным лексики пермских памятников письменности) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2(8). С. 14–24.

Тарасова М. В. Западноевропейские неславянские наименования тканей в русском языке XI–XX веков: дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2001. 245 с.

Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. Термины текстильного производства // Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 3. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. С. 393–527.

Черных А. В. Народы Пермского края. История и этнография. Пермь: Пушка, 2007. 296 с.

Чумакова Ю. П. Лексика традиционного ткачества в говорах района Богословщина Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика) // Рязанский этнографический вестник. Рязань: Рязан.

обл. науч.-метод. центр народного творчества, 1995. 228 с.

Щутова О. Г. Лексико-семантическая группа названий тканей в томских деловых документах XVII в. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 55–62.

References

Anikin A. E. *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altay'skikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological Dictionary of the Russian Dialects of Siberia: Borrowings from the Ural, Altai, and Paleoasian Languages]. Moscow, Novosibirsk, Nauka Publ., 2000. 768 p. (In Russ.)

Balanchik N. A. *Leksika krestyanskogo tekstil'nogo proizvodstva i plotnicheskogo remesla: na materiale russkikh govorov Kemerovskoy i Orlovskoy oblastey*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Lexicon of peasant textile production and carpentry craft: a case study of Russian dialects of the Kemerovo and Orel regions. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Orel, 1992. 12 p. (In Russ.)

Boguslavskaya I. Ya. *Uzory na polotne* [Patterns on the Canvas]. Available at: <http://www.booksite.ru/fulltext/bogus/lavs/kaya/index.htm> (accessed 25 Sep 2022). (In Russ.)

Borovaya E. I. *Leksika vyshivaniya v orlovskikh govorakh: nazvaniya tkaney, ispol'zuemykh pri vyshivanii* [The vocabulary of embroidering in the Orel dialects: the names of fabrics used in embroidery]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], 2012, vol. 10, pp. 93–102. (In Russ.)

Gauch O. N. *Naimenovaniya tkaney v delovykh dokumentakh vtoroy poloviny XVIII veka (na primere dokumentov Tobol'skogo filiala gosudarstvennogo arkhiva Tyumenskoy oblasti* [The names of fabrics in business documents of the second half of the 18th century (based on documents of the Tobolsk branch of the State Archive of the Tyumen region)]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta* [CSU Bulletin], 2008, issue 37, pp. 21–27. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. *Nazvaniya kholshchovykh tkaney v russkikh govorakh Permskogo kraja* [Names of canvas fabrics in the Russian dialects of the Perm region]. *Filologiya v XXI veke* [Philology in the 21st Century], 2019, issue 1(3), pp. 108–115. (In Russ.)

Kozhevnikova L. A. *Osobennosti narodnogo uzornogo tkachestva nekotorykh rayonov severa* [Features of folk patterned weaving in some regions of the North]. *Russkoe narodnoe iskusstvo severa* [Russian Folk Art of the North]. Leningrad, Sovetskiy khudozhnik Publ., 1968, pp. 107–121. (In Russ.)

Korol'kova M. D. *K probleme analiza dialektnoy remeslennoy leksiki* [On the problem of the dialectal

craft vocabulary analysis]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya* 2015 [Lexical Atlas of the Russian Dialects. Materials and Studies 2015]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015, pp. 298–307. (In Russ.)

Korol'kova M. D. *Osobennosti funktsionirovaniya remeslennoy leksiki v russkikh govorakh Priborskogo Povolzh'ya* [Functional patterns of the craft vocabulary of Volga region]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2020, vol. 6, issue 2, pp. 55–72. (In Russ.)

Lukina G. A. *Nazvaniya tkaney v yazyke pamyatnikov drevnerusskoy pis'mennosti 11–14 vv.* [The names of fabrics in the language of monuments of ancient Russian writing of the 11th–14th centuries]. *Etimologiya* [Etymology]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 242–262. (In Russ.)

Mikhaylova L. P. *Leksika l'noobrabotki, pryadeniya i tkachestva v novgorodskikh govorakh*. Diss. kand. filol. nauk [Vocabulary of flax processing, spinning and weaving in the Novgorod dialects. Cand. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1969. 488 p. (In Russ.)

Mikhaylova L. P. *Tyurkskiy sled v leksike severnorusskikh govorov (Chezhovina)* [Turkic trace in the lexicon of the Northern Russian dialects (Chezhovina)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2013, issue 1, pp. 71–75. (In Russ.)

Noskova Z. A. *Istoriya naimenovaniy tkaney v drevnerusskom yazyke XI–XIV vv.* Diss. kand. filol. nauk [The history of the names of fabrics in the old Russian language of the 11th–14th centuries. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1989. 246 p. (In Russ.)

Plotnikova M. V. *Kubovaya naboyka v Rossii XIX–XX vekov v sobranii Gosudarstvennogo Russkogo muzeya* [Printed Fabrics of Russia in the 19th–20th Centuries in the Collection of the State Russian Museum]. St. Petersburg, State Russian Museum Publ., 1995, pp. 3–11. (In Russ.)

Polyakova E. N. *Chto nosili modnitsy v Prikam'е v XVII – nachale XVIII veka (po dannym leksiki*

permskikh pamyatnikov pis'mennosti) [Fashion in Prikamye of the 17th – early 18th centuries (based on the lexicon of Perm written monuments)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 2(8), pp. 14–24. (In Russ.)

Tarasova M. V. *Zapadnoevropeyskie neslavianskie naimenovaniya tkaney v russkom yazyke XI – XX vekov*. Diss. kand. filol. nauk [Western European non-Slavic names of fabrics in Russian of the 11th–20th centuries. Cand. philol. sci. diss.]. Tula, 2001. 245 p. (In Russ.)

Trubachev O. N. *Remeslennaya terminologiya v slavyanskikh yazykakh. Terminy tekstil'nogo proizvodstva* [Craft terminology in the Slavic languages. Terms of textile production]. *Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kul'tura* [Works on Etymology: Word. History. Culture]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2008, vol. 3, pp. 393–527. (In Russ.)

Chernykh A. V. *Narody Permskogo kraja. Istoriya i etnografiya* [Peoples of the Perm Region. History and Ethnography]. Perm, Pushka Publ., 2007. 296 p. (In Russ.)

Chumakova Yu. P. *Leksika traditsionnogo tkachestva v govorakh rayona 'Bogoslovshchina' Ryazanskoy oblasti (semanticheskaya, dialektologicheskaya i etimologicheskaya kharakteristika)* [Lexicon of traditional weaving in the dialects of the 'Bogoslovshchina' district of the Ryazan region (semantic, dialectological and etymological characteristic)]. *Ryazanskiy etnograficheskiy vestnik* [Ryazan Ethnographic Bulletin]. Ryazan, Ryazan Regional Scientific and Methodological Center of Folk Art Publ., 1995. 228 p. (In Russ.)

Shchitova O. G. *Leksiko-semanticheskaya grupa nazvaniy tkaney v tomskikh delovykh dokumentakh XVII v.* [Lexico-semantic group of the names of fabrics in Tomsk business documents of the 17th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2007, issue 295, pp. 55–62. (In Russ.)

Fabric Dyeing Vocabulary in Russian Dialects of the Perm Region

*This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00117
'Traditional culture of Russians in the zones of active interethnic contacts in the Urals and the Volga region'*

Yuliya V. Zvereva

Senior Researcher

**Perm Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences**

13a, Lenina st., Perm, 614990, Russian Federation. zv.ul@mail.ru

SPIN-code: 9483-8453

ORCID: <https://orcid.org/orcid.org/0000-0002-0129-2565>

ResearcherID: D-9469-2017

Submitted 05 Sep 2022

Revised 18 Oct 2022

Accepted 15 Nov 2022

For citation

Zvereva Yu. V. Leksika krasheniya tkaney v russkikh govorakh Permskogo kraja [Fabric Dyeing Vocabulary in Russian Dialects of the Perm Region]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 34–45. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-34-45 (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to the analysis of lexical units related to the dyeing of threads and fabrics in the traditional peasant economy of the Perm region's inhabitants. Homemade threads and fabrics (linen and woolen), often being unattractive in color, were treated with various improvised dyes. There are a large number of words related to the thematic group 'Dyeing of fabrics' noted in the Permian dialects. The article analyzes lexical units that have the meanings 'to dye, to impart color', 'names of fabrics by color', 'characteristics of fabrics by color and pattern', 'pattern, coloring of fabrics'; the names of dyes and coloring materials are considered, and also the names of people engaged in this craft. The author of the article comes to a conclusion that the vocabulary related to the manufacture and dyeing of fabric is a valuable source for studying the life of peasants in the Perm region, their aesthetic ideas. The presence of a large number of lexical units of this thematic group indicates the desire to make fabrics and clothes from them not only comfortable to use but also beautiful. Vocabulary related to the production of fabrics by peasants mainly comprises originally Russian words. Many words of this group are found in other Russian dialects, but some of them are specific to the territory of the Kama region. These are lexemes of purely Russian origin that appeared as a result of new meanings developing in words or due to the formation of new words with the help of affixes. The vocabulary of fabric dyeing is connected with other thematic groups in the dialect lexical system, different names of clothing are often formed from the names of dyed fabrics.

Key words: Russian dialects of the Perm region; handcraft vocabulary; weaving; cloth; dye; dyeing techniques.

УДК 811.161.1'232
doi 10.17072/2073-6681-2022-4-46-55

Трудное для чтения слово: критерии, типология, корпусная статистика (на материале русской речи носителей китайского языка)

Кун Чунься

к. филол. н.

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. kong.chunxia@mail.ru

SPIN-код: 7661-9044

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9812-1457>

Статья поступила в редакцию 02.08.2022

Одобрена после рецензирования 21.09.2022

Принята к публикации 28.09.2022

Информация для цитирования

Кун Чунься. Трудное для чтения слово: критерии выделения, типология, корпусная статистика (на материале русской речи носителей китайского языка) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 46–55. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-46-55

Аннотация. Статья посвящена описанию и систематизации слов, трудных для неподготовленного чтения на неродном языке. Материалом для анализа стали 40 спонтанных монологов чтения, записанных от 20 информантов, носителей китайского языка, поровну юношей и девушек, с разным уровнем владения русским языком (B2 или C1) и с разным психотипом (экстраверты, амбиверты, интроверты). Информанты читали два текста: сюжетный рассказ М. Зощенко «Рубашка фантази» и несюжетный отрывок из повести В. Короленко «Слепой музыкант». В записанных монологах были выделены слова с разными приметами спонтанности и ошибками, которые затем рассматривались в лексико-фонетическом, лексико-грамматическом, собственно лексическом и лексико-синтаксическом аспектах. Анализ материала показал, что критериями трудности для чтения китайцев стали такие признаки, как длина словоформы, частотность слова в русском языке, степень сложности грамматической формы, отсутствие слова в лексическом минимуме для соответствующего уровня РКИ, наличие у слова стилистических помет, особое отношение китайцев к слову и идиоматичность словосочетания. На основе этих критериев была разработана рабочая типология трудных для чтения слов и на примерах показано, как именно иностранцы преодолевают эти трудности (коммуникативные помехи). Оказалось, что наибольшие трудности у китайцев вызывают слова со сложной грамматической формой. Преодолевая такую помеху, информанты часто хезитируют, скандируют слово (произносят его по слогам), обрывают и повторяют слова, иногда даже вербализируют свои трудности и сомнения с помощью метакоммуникативных вставок. Случались в ходе чтения заминки и речевые сбои и на знакомых и нетрудных словах, что связано уже с общей неподготовленностью такого типа речевого задания. Полученная типология может быть полезна не только при общем анализе устной речи в рамках коллоквиалистики, но и при обучении чтению на неродном языке в практике преподавания русского языка в иностранной, в том числе китайской, аудитории.

Ключевые слова: спонтанный монолог; чтение; трудное слово; речевой сбой; речевой корпус; примета спонтанности.

Введение

Чтение является видом многоуровневой речевой деятельности, которая состоит в данном случае из техники чтения и понимания при чте-

нии (см.: [Сапунова 2009: 6; Звуковой корпус... 2013: 150]).

Техника чтения формируется на основе изучения фонетических, лексических, грамматиче-

ских особенностей языка, и это формирование требует постоянной тренировки. Владение техникой и умением чтения обеспечивает «перцептивную переработку письменного текста, перекодирование зрительных сигналов в смысловые единицы – восприятие графических знаков и соотношение их с определенными значениями. Выделяют несколько уровней формирования навыка чтения, которые поочередно осваиваются человеком в процессе обучения чтению» [Безруких 2007] (цит. по: [Звуковой корпус... 2013: 154]).

Одним из ключевых звеньев формирования техники чтения является узнавание слова, на которое влияют частотность, длина слова и умение понять контекст. Считается, что чем чаще встречается слово в речи, тем легче читающему найти его в своем *ментальном лексиконе*¹ и тем легче его опознать. Кроме всего прочего, на скорость распознавания слова влияет его длина. Как правило, чем длиннее слово, тем больше времени занимает его опознание. Вся полученная информация создает определенный контекст, который часто помогает понять значение слова [Сапунова 2009: 23].

Об особом звене при чтении – узнавании слова – пишет также В. А. Артемов, который предлагает важное понятие «механизма вероятностного прогнозирования», осуществляемого на трех этапах. По мнению исследователя, читающие прогнозируют слова по начальным буквам, угадывают предложения по начальным словам, затем они рефлексиируют дальнейшее развитие событий по полученной информации [Артемов 1999: 15]. Такого же мнения придерживается и Т. А. Козлякова, которая считает, что «важными психологическими компонентами процесса чтения являются смысловое и вербальное прогнозирование» [Козлякова 2009].

Понимание же текста зависит от его характеристик (структура, логика, эмоциональность, лексика, грамматика, стиль и т. д.) и от индивидуально-психологических особенностей читающего (см.: [Азимов, Шукин 2009]). Понимание достигается с помощью восприятия и осмысления прочитанного. При восприятии читающий, с одной стороны, на основе уже полученных знаний (в том числе об иностранном языке), прогнозирует языковые единицы и описываемые смыслы прочитанного текста, с другой – воспринимает общий смысл текста, вкладываемый в него автором, с помощью своего багажа знаний.

При чтении и понимании важную роль играет также объем кратковременной оперативной памяти [Daneman 1988]: читающий с хорошей памятью лучше и дольше помнит прочитанное и реже совершает движение глазами назад.

Все вышеупомянутые мнения свидетельствуют о том, что чтение действительно является сложным видом рецептивной речевой деятельности. Поэтому при анализе чтения такие факторы, как техника чтения и понимание читаемого, должны изучаться взаимосвязанно. По мнению Ф. де Соссюра, «в языке нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли; этого можно достигнуть лишь путем абстракции, что неизбежно приведет либо к чистой психологии, либо к чистой фонологии» [Соссюр 2003: 18]. При этом «очевидно, что техника чтения разных людей будет различаться и зависеть от многих факторов. Поэтому и продуцируемые во время чтения спонтанные монологи разных людей будут иметь ряд отличительных особенностей, зависящих от разных социальных и психологических характеристик информантов» [Сапунова 2009: 7].

Следовательно, восприятие осложняется еще более, когда говорящие читают текст на неродном языке, поскольку их уровень владения иностранным языком чаще всего отстает от коммуникативных требований, и, соответственно, эти два процесса (чтение и понимание) занимают больше времени и требуют больше усилий. Как справедливо отмечает И. В. Архипова, чтение на родном языке (зрелое чтение) приводит сразу к восприятию и пониманию содержания прочитанного текста, а при чтении на неродном языке восприятие языкового материала проходит через два этапа: первый – идентификация слова, второй – переработка смысла языковой единицы [Архипова 2007]. Особенно когда такую задачу выполняют читающие спонтанно, не готовясь к ней заранее, что, безусловно, вызывает целый ряд трудностей, порождающих разного рода сбои в речевом продукте (прочитанном тексте). Именно такое неподготовленное чтение на неродном языке и стало объектом настоящего исследования.

Цель

В ходе чтения на неродном языке наибольшие трудности порождает лексический состав текста, поэтому в ходе исследования была поставлена цель: выявить, какие именно слова в исходных текстах являются трудными для информантов-китайцев и как они с этими трудностями справлялись в ходе неподготовленного (спонтанного) чтения.

Материал и методы

Исследование выполнено на основе корпусного подхода. Источником материала стал блок русской интерферированной речи носителей китайского языка (RIK) в составе корпуса русской монологической речи, созданного в СПбГУ и известного как «Сбалансированная аннотиро-

ванная текстотека» (САТ) (см. о нем подробнее: [Звуковой корпус... 2013; Богданова-Бегларян, Шерстинова, Зайдес 2017; Богданова-Бегларян и др. 2019]). Конкретным материалом для анализа стали 40 монологов неподготовленного чтения на русском языке, записанных от 20 носителей китайского языка, поровну сюжетных (рассказ М. Зоценко «Рубашка фантази») и несюжетных (отрывок из повести В. Короленко «Слепой музыкант») текстов.

Информантами были 20 носителей китайского языка, обучающихся (на момент записи) в вузах Санкт-Петербурга. Состав информантов был строго сбалансирован социологически: по гендеру (10 юношей и 10 девушек) и уровню владения русским языком: 10 человек с уровнем В2 (ТРКИ-2) и 10 – с уровнем С1 (ТРКИ-3) согласно Российской государственной системе тестирования иностранных граждан [Центр... 2022]. По возрасту все информанты составляют достаточно однородную группу: 23–28 лет. Кроме того, все информанты прошли психологическое тестирование с использованием теста Г. Айзенка (см.: [Eysenk H. J., Eysenk S. B. G 1964; Личностный опросник... 1995]) на китайском языке [http://types.yuzeli.com/survey/epq85]. В результате теста в группе информантов было выявлено 5 экстравертов, 6 амбивертов и 9 интровертов. Все эти метаданные информантов учитывались в ходе исследования.

Классификация и статистика

Качество прочтения иностранцами русского слова зависит от многих факторов, которые и стали критериями выделения в читаемых текстах группы трудных слов (ТС), а также позволили создать их рабочую типологию. Среди таких критериев – наличие единицы в лексическом минимуме для соответствующего уровня ТРКИ, ее длина, частотность в русском языке и лексико-фонетические характеристики, соответствие китайскому менталитету, стилистические, грамматические характеристики и ряд других. На основе этих критериев и была построена типология ТС, полезная для анализа рассматриваемых монологов чтения. Были выявлены следующие группы трудных для китайцев слов.

1. Слова и словоформы, содержащие фонетически трудные фрагменты (как правило, сочетания согласных²): *к прачке, вздохнуть, хамство*:

- 1) *кэ-э* [*прачку прачке* (И12, жен., А, С1, чтение сюж.)³;
- 2) *без* [*хамУ-Уства* (И17, муж., И, В2, чтение сюж.)⁴.

2. Многосложные (многоморфемные, длинные) слова: *чистоплотный, необъяснимый*. При неподготовленном чтении большие усилия ин-

формант затрачивает именно на распознавание слова, на осознанный или неосознанный контроль непрерывности чтения и качества речи, а длина слова во многом влияет на скорость такого распознавания и в целом на скорость чтения, ср.:

- 3) *какой чисто...* [*плотный* (И14, жен., А, В2, чтение сюж.);
- 4) *нео... необъяс...* [*ни-мА-я тьма* (И17, муж., И, В2, чтение несюж.).

В процессе чтения подобных слов информанту приходится преодолевать возникающие трудности. Так, И14 в контексте (3) прочитал слово *чистоплотный* с разрывом на две части (*чисто... [плотный]*): такая хезитация в середине слова дала ему время для перевода взгляда на следующую часть слова, и таким образом он прочитал слово полно и правильно. В контексте (4) И15 дважды оборвал себя на слове *необъяснимая* (*нео... необъяс...*) и только после продолжительной хезитационной паузы (//) дочитал его со скандированием, замедляя тем самым темп чтения. Но даже при такой степени «осторожности» он все же поставил неправильное ударение в этом слове.

3. Разговорные формы сравнительной степени (компаратива) наречий и прилагательных: *поприличней, покрасивей, поскорей*; в учебниках по РКИ даются прежде всего литературные варианты этих форм – с суффиксом *-ее-* (*поприличнее, покрасивее, поскорее*), – поэтому разговорные варианты вызывают некоторую заминку у читающего иностранца в ходе восприятия их письменного облика. Во многих случаях информанты просто заменили оригинальные варианты их литературными эквивалентами:

- 5) *поприличнее* [*одеться* (И20, муж., А, С1, чтение сюж.);
- 6) *хотелось какую-нибудь рубашку / покрас...* *покрасивЕе купить* (И19, муж., Э, В2, чтение сюж.).

В контексте (5) информант И20 после прочтения словоформы *поприличнее* сделал остановку (паузу хезитации – /): возможно, он заметил свою ошибку, но все же не стал возвращаться и не исправил эту неточность. В следующем контексте (6) И19, предчувствуя трудность в завершении слова (взгляд снова опередил язык), оборвал это слово, затем повторил его, но при этом был, видимо, слишком напряжен, акцентировал больше внимания на суффиксе и в итоге неуместно перенес на него ударение (*покрасивЕе*).

4. Сложные грамматические формы (прежде всего причастия и деепричастия): *разопревшие, опрокинутым, реющею, колеблющеюся, зарисовывающуюся, притягиваясь*⁵; одновременно эти формы оказываются, как правило, и длинными,

многосложными, что повышает степень их трудности для читателя, ср.:

7) *опро...* [*опро...*] *кнУтыми туным э-э* [*о-про-к-нУтым* (И19, муж., Э, В2, чтение сюж.);

8) *колеблЮ...* [*колеблЮщ...*] *колеблЮщеюсь лЮ...* *колеблЮщеюси* (И20, муж., А, С1, чтение сюж.).

В контексте (7) И19 явно испытывает большие затруднения при прочтении длинного и грамматически сложного слова, о чем свидетельствуют многократные сбои. Сначала он оборвал слово, потом повторил его с разрывом и акцентологической ошибкой, похезитировал с помощью вставки неречевого звука (э-э) и длинной физической паузы, затем проскандировал это слово, но опять ошибся в ударении. В следующем контексте (8) также наблюдаются разрывы, повторы и акцентологическая ошибка в прочтении слова *колеблющеюся*. При этом И20 два раза реализовал квазислово (квазиформу) *колеблющеюсь*. Согласно мнению И. В. Королевой, при чтении квазислова у читающего активизируется ментальный лексикон, запускается механизм поиска фонетического или семантического сходства с другими словами [Королева 2006: 43]. Поэтому такая ошибка не случайна: вполне возможно, что информант реализовал в этом случае более знакомый для себя (иностранца) слог *-юсь* в конце возвратного глагола в форме 1 л., ед. ч.

5. Имена собственные. В текстах было одно женское имя (*Лукерья Петровна*) и две фамилии писателей – *Зоценко* и *Короленко*⁶. Русские имена, в отличие от привычных для информантов китайских, часто провоцируют появление в их речи разных хезитационных явлений и ошибок, ср.:

9) *ЗоцЁнко* (И17, муж., А, В2, чтение сюж.);

10) *н-н Лу-керья* [*Де...*] *тровна* (И15, жен., И, В2, чтение сюж.).

6. Стилистически маркированные слова, не входящие в лексические минимумы для иностранцев [Лексический минимум... 2014, 2018]. Такие слова сложны для прочтения именно в связи с наличием у них стилистических помет, поскольку иностранные учащиеся осваивают прежде всего кодифицированный литературный язык, представленный в словарях и учебных материалах. Стилистически маркированные единицы редко становятся предметом специального изучения в иностранной аудитории. В анализируемых текстах обнаружился целый ряд таких слов⁷: *заскочил* (разг.), *этакую* (прост., мест.), *барышни* (устар.), *двугривенный* (разг.), *голубушка* (разг.), *расстарайся* (разг.), *теперича* (прост.), *давеча* (прост.), *завсегда* (прост.), *в аккурат* (прост.), *простирнуть* (прост.), *напялил* (разг.),

загляденье (разг.), *мать честная!* (прост.), *небось* (прост.), *стираная* (разг.), *морда* (прост.), *хамство* (разг.), *подымалось* (книж., устар.) (см. соответствующие пометы в разных томах словаря: [МАС 1999]):

11) *голу...* / *голубушка голубУшка* (И11, жен., И, С1, чтение сюж.);

12) *небо...* *небось* (И2, муж., И, С1, чтение сюж.).

В обоих контекстах можно видеть обрывы и повторы, которые помогают говорящему выйти из «точки сбоя» и продолжить чтение.

7. Нечастотные слова, также не входящие в лексические минимумы для иностранцев [Лексический минимум... 2014, 2018] и потому также незнакомые или малознакомые информантам. В материале исследования встретилось довольно много таких слов, ср.: *воротник* (17,8 ipm⁸), *хватался* (11,3 ipm), *воротничок* (5,69 ipm), *льдина* (6,18 ipm), *лиман* (0,93 ipm), *сверкать* (24,6 ipm), *лачуга* (0,95 ipm), *солома* (9,9 ipm), *фимиам* (0,63 ipm), *раскинуться* (5,69 ipm), *шевелиться* (20,79 ipm), *рокотать* (1,45 ipm), *неизведанный* (2,38 ipm) (см.: [Ляшевская, Шаров 2009]). Обнаружились в читаемых текстах и слова, которых вообще нет в частотном словаре: *пристежными*, *к завтраму*, *фантази*, *глаженая*, *манжетки*:

13) *неизведами* [*неизведанными* (И1, жен., Э, В2, чтение несюж.);

14) *фи...* [*миам...*] *фи...* [*фимиама* (И3, жен., И, В2, чтение несюж.).

В контексте (13) информант И1 реализовал квазислово, затем, после паузы хезитации, повторил слово корректно. В следующем контексте (14) слово также прочитано информантом И3 многочисленными сбоями.

8. Этически неприемлемые слова. Так, слово *чёрт*, хорошо знакомое всем читающим, вызывает у китайцев отчетливо негативную ассоциацию, поэтому его прочтение сопровождалось многочисленными хезитационными явлениями (физическая пауза хезитации и вставка неречевых звуков). По результатам опроса, проведенного в группе из 322 китайцев разного пола, возраста и уровня владения русским языком, почти все респонденты знают слово *чёрт* и знают много выражений, содержащих его, но при этом треть из них выразили негативное отношение к данному слову (см. об этом подробнее: [Кун Чунья 2021a]):

15) *чёрт* [*их знает*] *думаю* (И11, жен., И, С1, чтение сюж.);

16) *э-э чёрт э* [*их э-э значит знает* (И16, муж., А, В2, чтение сюж.).

9. Идиоматический оборот: *чёрт их знает, что за чёрт! ах, чёрт! Мать честная!* Возможно, те особенности, которые выявлены при прочтении

слова *чёрт*, связаны не только с особым отношением китайцев к этому слову, но и с фактом его употребления в тексте М. Зощенко исключительно в составе идиом (незнание совокупности смысла компонентов и условий употребления идиомы). При «пословной» стратегии чтения сверхсловные единства являются для иностранцев своего рода «камнем преткновения», поскольку идиомы могут состоять из компонентов, семантически не связанных с окружающими словами, и выглядят текстовой аномалией, ср.:

- 17) *ах чёрт / э-э чего думаю / делать* (И15, жен., И, В2, чтение сюж.);
 18) *что за мать / честная* (И13, муж., А, С1, чтение сюж.).

Анализ материала показал, что чтение выделенных трудных слов действительно сопровождается разнообразными приметами спонтанности (см. об этом подробнее: [Кун Чунься 2021б]). Статистика возникших у говорящего затруднений (запинок, речевых сбоев) при прочтении ТС представлена в таблице. Доля затруднений высчитывалась отдельно в рамках каждой выделенной группы трудных слов. Скажем, в группе фонетически трудных слов затруднения встретились в 61,7 % случаев употребления таких слов. Значит, еще 38,3 % фонетически трудных слов были прочитаны без затруднения. Иными словами, 100 % – это количество единиц внутри каждой группы.

Доля трудных слов разного типа, прочитанных с затруднениями (в %)
 The Proportion of Difficult Words of Different Types Read with Difficulties (in %)

Группа трудных слов	Подгруппа	Доля ТС, прочитанных с затруднениями	Доля ТС, прочитанных с затруднениями, в целом по группе
Лексико-фонетическая	Фонетически трудные слова	61,7	54,0
	Длинные слова	42,5	
Лексико-грамматическая	Разговорные грамматические формы	56,7	64,5
	Сложные грамматические формы	67,9	
Лексическая	Имена собственные	41,9	61,3
	Стилистически окрашенные слова	58,5	
	Нечастотные слова	62,4	
	Этически неприемлемые слова	18,3	
Лексико-синтаксическая	Идиоматический оборот	27,5	27,5

Из таблицы видно, что чаще всего информанты испытывали какие-либо затруднения при чтении слов из лексико-грамматической группы (64,5 %), особенно форм причастий и деепричастий от возвратных глаголов (*колеблющуюся, зарисовавшуюся, притягиваясь*) (67,9 %).

Затруднений при прочтении слова *чёрт* в материале исследования встретилось не слишком много (всего 18,3 % от всех его реализаций), но показалось целесообразным и это слово отнести к числу трудных, сформировав группу этически неприемлемых слов, потому что это расширяет наши представления о возможных причинах затруднений китайцев при чтении на русском языке.

Помимо слова *чёрт*, трудности разного типа и разной степени вызывали и некоторые другие, хорошо знакомые информантам, слова (см. некоторые наблюдения такого рода в работе: [Богданова-Бегларян, Кун Чунься 2021]). Например,

многие затруднились в постановке ударения в словах *лезет, надеяться, примерить* и под.:

- 19) *завтра вечеринка надо к завтрашнем / могу ли надеЯться / надеяться говорит можно* (И1, жен., Э, В2, чтение сюж.);
 20) *на горло / не лезёт / не лезет / не лезёт* 忘丁 <‘забыла’ – перевод мой. – Ч. К.> (И18, жен., Э, С1, чтение сюж.);
 21) *вот / примерИл / эту рубаху / и-и / как-то / и / как-то не / по себе стало* (И18, жен., Э, С1, чтение сюж.).

По примеру (19) видно, что слово *надеяться* хорошо знакомо информанту: совершив спонтанную акцентологическую ошибку, он тут же, после небольшой заминки, практически в режиме *онлайн*⁹, исправился и повторил слово с правильным ударением.

В втором (20) примере информант И18 долго колеблется между правильным и неправильным вариантами прочтения слова *лезет*, сомневается

в ударении, но останавливается все-таки на неправильном варианте и при этом, с помощью метакоммуникативной вставки на родном языке (忘了 <‘забыла’>), оправдывает себя: он (в данном случае – она), дескать, знает это слово, просто забыл(а) его ударение.

Заключение

Проведенный анализ показал, таким образом, что самыми трудными для прочтения носителями китайского языка оказались сложные грамматические формы (причастия и деепричастия). Кроме того, ключевыми характеристиками, способными повлиять на качество чтения, стали длина, частотность и стилистические характеристики слова. Столкнувшись с ТС, китайские информанты невольно хезитируют, делают ошибки, заменяют слова и звуки, обрывают себя, перестраивают фразу на ходу и допускают прочие речевые сбои, которые можно отнести к так называемым *приметам спонтанности* и которые свидетельствуют, в числе прочего, о недостаточной сформированности у иностранных испытуемых навыка чтения и о незнании ими некоторых аспектов русского языка.

Предложенная типология ТС может быть полезна в методическом плане: не только для анализа материала чтения на неродном языке, но и для совершенствования практики преподавания РКИ, в частности в китайской аудитории.

Примечания

¹ Под *ментальным лексиконом* в лингвистике понимается как минимум словарный запас конкретной языковой личности, а как максимум – «сложная многоярусная система пересекающихся полей, представляющих собой упорядоченную по разным основаниям информацию как о явлениях действительности, так и о связанных с ними языковых единицах, сложную сеть взаимосвязей, увязывающую огромное количество знаний в памяти человека» [Залевская 1990: 87–88], или, иными словами, «“словарь в голове” индивида, функционирующий в соответствии с закономерностями психического развития человека – носителя языка и культуры» [Золотова 2005: 3]. Нет сомнения, таким образом, что «ментальный лексикон определяется не только словарем родного языка говорящего, но и всем его жизненным опытом, всей совокупностью его знаний об окружающей действительности. А значит, этот лексикон принципиально различен у разных людей и в целом не совпадает со словарем языка» [Богданова 2011: 57]. В последнее время изучение ментального лексикона,

его устройства и функционирования, выдвигается на первый план, оказываясь на пересечении интересов лингвистики и психологии. Ср. еще одно подходящее определение: ментальный лексикон – это «сеть, в которой каждое слово связано со всеми другими» [Караулов 1987: 85]. Исследования ментальных лексиконов посвящены, прежде всего, «выяснению принципиальных вопросов: как извлекаются из памяти слова, как они в ней репрезентированы и организованы; как взаимодействуют лингвистические и психологические факторы при формировании репрезентации лексического знания и обеспечении лексической обработки в реальном времени» [Глазанова 2001: 7–8]. В практике преподавания РКИ все эти моменты нужно непременно учитывать.

² Для китайского языка не характерно стечение согласных, которое и разрезается гласной вставкой (см. литературу об этом: [Чэн Чэнь 2021]).

³ В атрибуции ко всем примерам в статье указан номер информанта (И1, И2, ...), его пол, психотип (Э – экстраверт, А – амбиверт, И – интроверт), уровень ТРКИ (В2 или С1), а также тип исходного текста для чтения – сюжетный или несюжетный. Знак (l) означает физическую паузу хезитации, которая может быть разной длительности: (l) – краткая, фактически – запинка говорящего, (ll) – более долгая. О других особенностях орфографического представления материалов блока RIK см.: [Чэн Чэнь 2021: 156–157; Кун Чунься 2022: 143–144].

⁴ Здесь и далее прописная буква в слове означает неправильное ударение. Удвоение буквы означает растяжку соответствующего звука, что также относится к приметам спонтанности [там же].

⁵ Стоит отметить, что здесь не только форма сложна, но и лексика во многом устаревшая и трудная для осмысления (например: *зарисовавшаяся*).

⁶ Далеко не все информанты прочитывали фамилии авторов текстов, но большинство их реализаций были некорректными.

⁷ Стоит отметить, что трудность при чтении подобных незнакомых или малознакомых слов возникает далеко не всегда, поскольку короткие слова в любом случае дают возможность читающему для быстрого их распознавания.

⁸ IPM (англ. *instances per million*) – стандартное представление частоты токена или леммы, вычисляемое относительно условного корпуса в миллион единиц, независимо от объема реального корпуса.

⁹ Вслед за В. И. Подлесской и А. А. Кибриком [Подлесская, Кибрик 2007], в работе выделяются две основные стратегии, которые использует говорящий для того, чтобы исправить ошибку или преодолеть речевое затруднение / колебание: сразу после ошибочного произнесения фрагмента – *онлайн коррекция* – или дистантно, после какой-то новой порции текста, в течение которой говорящий продолжает помнить об ошибке и возвращается к ней, чтобы исправить, – *офлайн коррекция*.

Источники

Азимов, Щукин 1999 – Азимов Э. Г., Щукин А. И. *Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков)*. СПб.: ИКАР, 1999. 472 с.

Лексический минимум... 2014 – Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение. Андрияшина Н. П. (ред.). 5-е изд. СПб.: Златоуст, 2014. 164 с.

Лексический минимум... 2018 – Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение. Андрияшина Н. П. (ред.). СПб.: Златоуст, 2018. 200 с.

Личностный опросник... 1995 – Личностный опросник ЕРІ (методика Г. Айзенка). Альманах психологических тестов. Римский Р. Р., Римская С. А. (ред.). М.: КСП, 1995. С. 217–224.

Ляшевская, Шаров 2009 – Ляшевская О. Н., Шаров С. А. *Частотный словарь современного русского языка* (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1112 с.

МАС 1999 – *Словарь русского языка: в 4 т.* А. П. Евгеньева (ред.). М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1: А–Й, 702 с.; Т. 2: К–О, 736 с.; Т. 3: П–Р, 750 с.; Т. 4: С–Я, 797 с.

Центр... 2022 – Центр языкового тестирования [Электронный ресурс]. URL: <https://testingcenter.spbu.ru/ekzameny/russia/trki.html> (дата обращения: 20.01.2022).

艾森克人格问卷 (EPQ) 成人版 [Личностный опросник Г. Айзенка (EPQ) для взрослых]. URL: <https://types.yuzeli.com/survey/epq85> (дата обращения: 14.12.2020). (На китайском)

Список литературы

Артемов В. А. *Психология обучения иностранным языкам*. М.: Просвещение, 1999. 228 с.

Архипова И. В. *Некоторые особенности понимания текста при чтении на иностранном языке. Социально-экономические и технические систе-*

мы: исследование, проектирование, оптимизация. 2007. № 6. С. 300–302.

Безруких М. М. *Почему современные подростки плохо читают? Школьная библиотека*. 2007. № 9–10. С. 92–95.

Богданова Н. В. *Русское слово в трех режимах фиксации – словарь, ментальный лексикон и реальное употребление (лексикографический и лингвометодический аспекты)*. Русский язык за рубежом. 2011. № 6 (229). С. 56–64.

Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д. *Корпус «Сбалансированная Аннотированная Текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи. Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): труды седьмого междисциплинарного семинара*. Кочаров Д. А., Скрелин П. А. (ред.). СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 8–13.

Богданова-Бегларян Н. В. и др. *Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи / Н. В. Богданова-Бегларян, О. В. Блинова, К. Д. Зайдес, Т. Ю. Шерстинова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / ред. А. М. Молдован, отв. ред. выпуска В. А. Плуныян. М., 2019. С. 111–126.*

Глазанова Е. В. *Типы связей в ментальном лексиконе и экспериментальные методы их исследования: дис. ... канд. филол. наук*. СПб., 2001. 237 с.

Залевская А. А. *Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование*. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 205 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: колл. монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Золотова Н. О. *Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: автореф. дис. ... д-ра филол. наук*. Тверь, 2005. 44 с.

Караулов Ю. Н. *Русский язык и языковая личность*. М.: Наука, 1987. 264 с.

Козлякова Т. А. *Роль чтения в обучении иностранных учащихся на начальном этапе // Труды Белорусского государственного технологического университета*. 2009. № 5. С. 211–213.

Королёва И. В. *Роль лингвистических факторов в развитии процессов чтения (экспериментальное исследование на материале русского языка: дис. ... канд. филол. наук*. СПб., 2006. 227 с.

Кун Чунься *Неподготовленное чтение как разновидность спонтанной речи (о приметах*

спонтанности в чтении на неродном языке) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021а. Т. 13, № 2. С. 36–46. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-36-46

Кун Чунья. Слово ЧЁРТ в русской речи китайцев, или о причинах запинок в ходе неподготовленного чтения на неродном языке // Коммуникативные исследования. 2021б. Т. 8(2). С. 310–322.

Кун Чунья. Специфика неподготовленного чтения на неродном языке (комплексное исследование на материале русской речи носителей китайского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2022. 162 с.

Подлеская В. И., Кибрик А. А. Самоисправление говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. 2007. Серия 2(23). С. 1–39.

Сапунова Е. М. Неподготовленное чтение как вид речевой деятельности и тип устного спонтанного монолога (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 237 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики (Извлечения). Психолингвистика в очерках и извлечениях. Хрестоматия. Радзиховская В. К. (ред.). М.: Академия, 2003. С. 184–195.

Чэн Чэнь. Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка. СПб.: Нестор-История, 2021. 231 с.

Daneman M. Individual Differences in Reading Skills. Handbook of Reading Research. R. Barr, P. D. Pearson, M. L. Kamil, P. Mosenthal (eds.). Vol. II. 1996. P. 512–539.

Eysenk H. J., Eysenk S. B. Manual of the Eysenck Personality Inventory. London: Univ. of London press, 1964. 24 p.

References

Artemov V. A. *Psikhologiya obucheniya inostrannym yazykam* [Psychology of Teaching Foreign Languages]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1999. 228 p. (In Russ.)

Arkhipova I. V. Nekotorye osobennosti ponimaniya teksta pri chtenii na inostrannom yazyke [Some features of understanding texts when reading in a foreign language]. *Sotsial'no-ekonomicheskie i tekhnicheskie sistemy: issledovanie, proektirovanie, optimizatsiya* [Socio-Economic and Technical Systems: Research, Design, Optimization], 2007, issue 6, pp. 300–302. (In Russ.)

Bezrukikh M. M. Pochemu sovremennye podrostki plokhо chitayut? [Why are today's teenagers bad at reading?]. *Shkol'naya biblioteka* [School Library], 2007, issue 9–10, pp. 92–95. (In Russ.)

Bogdanova N. V. Russkoe slovo v trekh rezhimakh fiksatsii – slovar', mental'nyy leksikon i real'noe upotreblenie (leksikograficheskiy i lingvometodicheskiy aspekty) [Russian word in three modes of fixation – a dictionary, mental lexicon, and real usage (lexicographical and linguistic-methodological aspects)]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 2011, issue 6 (229), pp. 56–64. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V., Sherstinova T. Yu., Zaydes K. D. Korpus 'Sbalansirovannaya annotirovannaya tekstoteka': metodika mnogourovnevnogo analiza russkoy monologicheskoy rechi [The corpus 'Balanced annotated text collection': A methodology for multilevel analysis of Russian monological speech]. *Analiz razgovornoy russkoy rechi (AR3-2017): Trudy sed'mogo mezhdistsiplinarnogo seminara* [Analysis of Colloquial Russian Speech (AR3-2017): Papers of the 7th interdisciplinary seminar]. Ed. by D. A. Kocharov, P. A. Skrelin. St. Petersburg, Politekhniko-print Publ., 2017, pp. 8–13. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Zaydes K. D., Sherstinova, T. Yu. Korpus 'Sbalansirovannaya annotirovannaya tekstoteka' (SAT): izuchenie spetsifiki russkoy monologicheskoy rechi [Corpus 'Balanced annotated text collection (textotec)' (SAT): Studying the specificity of Russian monological speech]. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: issledovaniya i razrabotki* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute. Issue 21. The Russian National Corpus: Research and Developments]. Ed. by A. M. Moldovan, issue editor V. A. Plungyan. Moscow, 2019, pp. 111–126. (In Russ.)

Glazanova E. V. *Tipy svyazey v mental'nom leksikone i eksperimental'nye metody ikh issledovaniya*. Diss. kand. filol. nauk [Types of connections in the mental lexicon and experimental methods of their research. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2001. 237 p. (In Russ.)

Zalevskaya A. A. *Slovo v leksikone cheloveka: Psikholingvisticheskoe issledovanie* [Word in the Human Lexicon: A Psycholinguistic Study]. Voronezh, Voronezh State University, 1990. 205 p. (In Russ.)

Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast' I. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [A Speech Corpus as Material for the Analysis of Russian speech. Collective Monograph. Pt. 1. Reading. Retelling. Description]. Ed. by N. V. Bogdanova-Beglarian. St. Petersburg, Faculty of Philology of Saint Petersburg State University Press, 2013. 532 p. (In Russ.)

Zolotova N. O. *Yadro mental'nogo leksikona cheloveka kak estestvennyy metayazyk*. Avtoref diss. dokt. filol. nauk [The core of the human mental lexicon as a natural meta-language. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Tver, 2005. 44 p. (In Russ.)

Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian Language and Language Personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 264 p. (In Russ.)

Kozlyakova T. A. Rol' chteniya v obuchenii inostrannykh uchashchikhsya na nachal'nom etape [The role of reading at the early stage of teaching foreign students]. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Proceedings of the Belarusian State Technological University], 2009, issue 5, pp. 211–213. (In Russ.)

Koroleva I. V. *Rol' lingvisticheskikh faktorov v razviti protsessov chteniya (eksperimental'noe issledovanie na materiale russkogo yazyka)*. Diss. kand. filol. nauk [The role of linguistic factors in the development of reading processes (an experimental study on the material of the Russian language. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2006. 227 p. (In Russ.)

Kong Chunxia. *Nepodgotovlennoe chtenie kak raznovidnost' spontanoy rechi (o primetakh spontannosti v chtenii na nerodnom yazyke)* [Unprepared reading as a kind of spontaneous speech (about signs of spontaneity in reading in a non-native language)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021a, issue 13 (2), pp. 36–46. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-36-46. (In Russ.)

Kong Chunxia. *Slovo CHERT v russkoy rechi kitaytsev, ili o prichinakh zapinok v khode nepodgotovlennogo chteniya na nerodnom yazyke* [The word chort (devil) in the Russian speech of the Chinese, or on the reasons for stumbling during unprepared reading in a non-native language]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 2021b, issue 8(2), pp. 310–322. (In Russ.)

Kong Chunxia. *Spetsifika nepodgotovlennogo chteniya na nerodnom yazyke (kompleksnoe issledovanie na materiale russkoy rechi nositeley kitayskogo yazyka)*. Diss. kand. filol. nauk [Features of unprepared reading in a non-native language (a comprehensive study on the material of the Russian speech of native Chinese speakers). Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2022. 162 p. (In Russ.)

Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. *Samoispravleniya govoryashchego i drugie tipy rechevykh sboev kak ob'ekt annotirovaniya v korpusakh ustnoy rechi* [Speaker's self-corrections and other types of speech failures as the object of annotation in speech corpora]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya* [Scientific and Technical Information], 2007, issue 2(23), pp. 1–39. (In Russ.)

Sapunova E. M. *Nepodgotovlennoe chtenie kak vid rechevoy deyatel'nosti i tip ustnogo spontanogo monologa (na materiale russkogo yazyka)*. Diss. kand. filol. nauk [Unprepared reading as a type of speech activity and a type of oral spontaneous monologue (a case study of the Russian language). Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2009. 237 p. (In Russ.)

Saussure F. de. *Kurs obshchey lingvistiki (Izvlecheniya)* [Course in general linguistics (extracts)]. *Psikholingvistika v ocherkakh i izvlecheniyakh* [Psycholinguistics in Essays and Extracts]. Moscow, Academia Publ., 2003, pp. 184–195. (In Russ.)

Cheng Chen. *Khezitatsii v russkoy ustnoy rechi nositeley kitayskogo yazyka* [Hesitations in Russian Speech of Chinese Speakers]. St. Petersburg, Nestor-Istoria Publ., 2021. 231 p. (In Russ.)

Daneman M. Individual differences in reading skills. *Handbook of Reading Research*. Ed. by R. Barr, P. D. Pearson, M. L. Kamil, P. Mosenthal. 1996, vol. 2, pp. 512–539. (In Eng.)

Eysenk H. J., Eysenk S. B. *Manual of the Eysenck Personality Inventory*. London, London University Press, 1964. 24 p. (In Eng.)

Words Difficult to Read: Criteria, Typology, Corpus Statistics (based on the Russian speech of native Chinese speakers)

Kong Chunxia

PhD Graduate

Saint Petersburg State University

7–9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. kong.chunxia@mail.ru

SPIN-code: 7661-9044

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9812-1457>

Submitted 2 Aug 2022

Revised 21 Sep 2022

Accepted 28 Sep 2022

For citation

Kong Chunxia. Trudnoe dlya chteniya slovo: kriterii, tipologiya, korpusnaya statistika (na materiale russkoy rechi nositeley kitayskogo yazyka) [Words Difficult to Read: Criteria, Typology, Corpus Statistics (based on the Russian speech of native Chinese speakers)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 46–55. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-46-55 (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to the description and systematization of words that are difficult for unprepared reading in a non-native language. The material for the analysis included 40 spontaneous reading monologues recorded from 20 informants (10 male and 10 female), native Chinese speakers, with different levels of proficiency in Russian (B2 or C1) and with different psychotypes (extroverts, ambiverts, introverts). Informants were reading two texts: M. Zoshchenko's narrative story *The Fantasy Shirt* and a non-narrative excerpt from V. Korolenko's story *The Blind Musician*. In the recorded monologues, words with different signs of spontaneity and errors were singled out, and they were then examined in the lexico-phonetic, lexico-grammatical, lexical, and lexico-syntactical aspects. The analysis of the material showed the following features to be the difficulty criteria for the Chinese readers: the length of the word form, the word frequency in Russian, the degree of complexity of the grammatical form, the absence of the word in the basic vocabulary list for the corresponding level of Russian as a foreign language, the presence of stylistic usage labels in dictionary entries for the word, the special attitude of the Chinese to the word, the idiomaticity of the word combination. Based on these criteria, a typology of difficult-to-read words was developed. The paper provides examples showing how foreigners overcome these difficulties (communicative obstacles). It has been found that the most difficult for Chinese are words with a complex grammatical form. When faced with such words, informants often make hesitation pauses, syllabize, cut off and repeat words, sometimes even verbalize their difficulties and doubts with the help of metacommunicative inserts. There were also noted hiccups and speech failures when the informants were reading familiar and easy words, which was due to the general unpreparedness of this type of speech task. The typology obtained can be useful not only in the general analysis of oral speech by specialists studying colloquial language but also in the teaching of reading in a non-native language as part of teaching the Russian language in a foreign, including Chinese-speaking, audience.

Key words: spontaneous monologue; reading; difficult word; speech failure; speech corpus; signs of spontaneity.

УДК 81'28

doi 10.17072/2073-6681-2022-4-56-63

К ареальной характеристике севернорусских названий внутренних органов животных¹

*Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223
«Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики»*

Мария Олеговна Леонтьева

лаборант-исследователь топонимической лаборатории

кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. marileonteva@yandex.ru

SPIN-код: 4303-7590

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8695-7617>

ResearcherID: AAW-7674-2021

Статья поступила в редакцию 29.08.2022

Одобрена после рецензирования 05.09.2022

Принята к публикации 19.10.2022

Информация для цитирования

Леонтьева М. О. К ареальной характеристике севернорусских названий внутренних органов животных // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 56–63. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-56-63

Аннотация. В статье рассмотрено семантико-мотивационное и лингвогеографическое своеобразие севернорусской спланхнонимии – лексики, обозначающей внутренние органы. Уделяется внимание проблеме взаимосвязи и пересечения между названиями внутренних органов человека и спланхнонимов, относящихся к животным. Автор отмечает тенденцию вторичности возникновения спланхнонимов, относящихся к человеку, их производности от названий внутренних органов животных. Определяются экстралингвистические причины языкового внимания диалектоносителей к сфере внутренностей животных – рыболовный и охотничий промыслы, практика приготовления мясных блюд. Также проводится обзор относящейся к животным спланхнонимии, отмечается пограничность соответствующей лексики между кулинарией и соматикой; выявляется сложность идеографической структуры изучаемой лексики, приводятся основные идеограммы с их лексическим наполнением. Прослеживается разграничение наименований органов, относящихся к домашнему скоту, и названий внутренностей рыб. Особое внимание уделяется лингвогеографической специфике спланхнонимии, относящейся к рыбам: соответствующая лексика фиксируется в контактной с финно-угорскими народами зоне и отличается дробной семантической дифференциацией. В заключительной части статьи автор приводит частные мотивационные особенности, характерные для лексики названий внутренностей животных. Рассматриваются метафоричные наименования, включающие как мотивированные названия бытовых реалий спланхнонимы, так и лексемы, относящиеся к сфере быта, которые вторично образовались от спланхнонимов. Анализируется лексическая реализация мотивационного перехода ‘отходы’ – ‘внутренности’.

Ключевые слова: русская диалектная лексика; говоры Русского Севера; соматизмы; спланхнонимия; семантико-мотивационный анализ; этнолингвистика; лингвогеография.

В русской диалектной соматической лексике наиболее частотными и разнообразными являются названия внешних (непосредственно наблюдаемых, визуально выделяемых) частей тела, таких как голова, руки, ноги, спина, живот

и др. Однако определенное внимание носители языка уделяют и «внутренней» стороне тела, что находит отражение в диалектной спланхнонимии – лексике, обозначающей внутренние органы².

Говоря об обстоятельствах возникновения спланхнонимов, следует отметить определенные номинативные трудности – невозможность наблюдения за внутренними органами и их непосредственным функционированием. По этой причине спланхнонимы, которые могут быть применимы к человеку, не отличаются многообразием и регулярно пересекаются с общенародными (литературными) названиями внутренностей. По данным севернорусских говоров (архангельских, вологодских и костромских), номинируются следующие органы: **желудок** (арх., влг. *брюшина*, арх. *брюшинка* (СВГ 1: 46; СРГК 1: 126; АОС 2: 148), арх. *брюшко* (АОС 2: 149), арх. *желуток* (АОС 13: 294), арх. *жорново* (АОС 14: 320), арх., влг. *требух* (СВГ 11: 53), влг. *требушина* (Дилакторский: 509)), **печень** (влг., костр. *синёк*, *сенёк* (КСГРС; ЛКТЭ), влг. *макса* (СРГК 3: 188)), **селезёнка** (арх. *псень*, влг., костр. *сёнек*, костр. *синёк*, влг. *челезёнка* (КСГРС; ЛКТЭ), влг. *сёлезень* (СРГК 6: 51)) и **кишечник** (*брюховица* (СВГ 1: 46)). Диалектные обозначения приобретают также **внутренности** в обобщенном, собирательном понимании – как правило, это органы брюшной полости без внутренней дифференциации (арх. *брюшина* (АОС 2: 147), арх. *черёво* (КСГРС), арх. *мутро* (СГРС 7: 371), костр. *нутренности* (ЛКТЭ)). Единожды фиксируется влг. *растение* ‘любой отдельно взятый орган’: *Есть растения другие: почки, печень, кишки, лёгкие* (КСГРС). Среди представленных лексем фонетические, словообразовательные и семантико-словообразовательные варианты общенародных слов – такие как *мутро*, *нутренности*, *челезёнка*, *требух*, *требушина* – преобладают над собственно лексическими диалектизмами. Контексты употребления лексем нередко демонстрируют возможность применения не только к человеку, но и к животным: *Сенёк у человека, у собаки, у рыбы. В книгах “печень”, а по-простому “сенёк”* (костр.) (ЛКТЭ); *У налима макса есть, у всех рыб есть макса, человек тоже без максы не живет* (влг.) (СРГК 3: 188). Прослеживается определённая закономерность: регулярно номинируются в первую очередь брюшные органы, в то время как органы дыхательной и сердечно-сосудистой систем практически не получают наименований. В названиях органов животных, как будет видно в дальнейшем изложении, прослеживается та же семантическая закономерность, при этом спланхнонимов, относящихся к животным, фиксируется намного больше, чем у человека. Таким образом, названия брюшных органов человека и животных в русских говорах представляют собой богатую и сложно организованную лексическую систему, заслуживающую пристального внимания исследователей; важнейшей работой, объектом изучения которой

становится эта система, является монография В. Ушинскене [Ушинскене 2012], посвященная анализу названий брюшных органов с точки зрения семантики, словообразования, мотивации, этимологии и истории народной терминологии.

Спланхнонимы, которые применяются к человеку, находятся в очевидном взаимодействии с лексикой внутренних органов животных. Спланхнонимы, относящиеся к скоту, птицам и рыбам, не только заметно превосходят по количеству названия внутренностей человека, но и обладают более сложной и дробной идеографической организацией. У человека, который непосредственно взаимодействует с внутренностями убитых животных, занимаясь охотой, ловлей рыбы, скотоводством, приготовлением пищи, возникает закономерная потребность эти внутренности обозначить. Названия внутренних органов человека довольно часто вторичны, будучи обусловленными развитием значения спланхнонимов, относящихся к животным. Так, семантически относящиеся к телу человека влг., костр. *сёнек* ‘селезёнка’, *синёк*, *сенёк*, *макса* ‘печень’, влг. *брюховица* ‘кишечник’, влг. арх. *черёво* ‘внутренности’ первично обозначают органы животных. Такое направление семантической деривации может подтверждаться количественным сопоставлением значений (в том числе контекстуальных): для *черёво* существенно преобладают контексты, применяемые к животным и описывающие ситуацию разделывания туши: *У коровы, у телёнка, у рыбы черёво назовём* (арх.); *Черёво выбрасываем кошке, но и поросёнку варить полезно* (арх.) (КСГРС). Имеет значение и территориальное распространение производного и производящего значений, ср.: влг. *брюховица* ‘кишки’ (в применении к человеку: *Я думала, и брюховица-то вывалится*) (СВГ 1: 46) при костр., иван., влг., арх. *брюховица* ‘потроха животного, употребляемые в пищу’ (СРНГ 1: 225). Наконец, первичная применимость спланхнонимов именно к животным подтверждается их мотивационной реконструкцией. Так, влг., костр. *сёнек* ‘селезёнка’, *сенёк*, *синёк* ‘печень’ сопоставимы с арх., влг. *псень* ‘печень (чаще у рыбы)’ (КСГРС; Дилакторский: 420); кольск. *ксень*, *ксеньё* ‘внутренности рыбы, рыбы потроха’ (СРНГ 15: 373); том. *иксень* ‘печень налима’ (СРНГ 12: 183) и др. По одной из версий о происхождении этого слова (позднее мы еще вернемся к этому вопросу), приведенные названия брюшных внутренностей восходят к прасл. **kьsenь* ‘внутренности (рыбы)’ из **kysati* ‘киснуть’ [Ушинскене 2012: 70]. В данном случае мотивирующая основа описывает орган через его нахождение вне живого организма, что характерно для восприятия внутренностей убитого животного.

Вторичность обозначений внутренностей человека характерна не только для говоров, но и для литературного языка, в котором этимология некоторых названий внутренностей показывает первоначальную связь именно с органами животных, воспринимаемыми вне живого тела: например, слова *кишки*, *кишечник* восходят к прасл. **kysnōti* (рус. *киснуть*), соответственно, обозначаемый орган первоначально – «прокисающая внутренность» [ТСлРЯ: 337; Ушинскене 2012: 70]. Показательно также название *лёгкие*, которое обусловлено тем, что орган при погружении в воду, будучи «лёгким», всплывает на поверхность, не тонет³ (ТСлРЯ: 405).

Перенос названий органов животных на тело человека в некоторых случаях сопровождается передачей особой экспрессии. Наблюдается регулярный переход ‘внутренность животного’ > ‘живот человека (вместилище органов)’. Ср. влг. *кузовица* ‘внутренности животного’ > ‘большой живот’: *Режут скотину – хотя барана, хотя овцу. Шкуру сняли, а живот и есь кузовица, кузовицу-ту вываливают. О человеке так не говорят, толькё в шутку: “Ой, у тебя такая кузовица!”* (влг.) (СГРС 6: 226); костр. *брюховина*, *брюховица*, влг. *бачина* ‘желудок животного’ > ‘большой живот’: *Брюховину такую оттоила <оттоить ‘отрастить’> (костр.); Раздобреу как – бачину наел; Или вон у коровы бачину цистят* (влг.) (ЛКТЭ; СГРС 1: 82). Приведенные выше контексты показывают, что толстый живот получает пейоративные наименования за счёт актуализации функции пищеварения брюшных органов, ср. также арх. *литоха* ‘обжора’ при первичном значении ‘внутренности скота’ (СГРС 7: 107). Показательно, что из всех брюшных органов человека наибольшее количество обозначений получает желудок (приводимые выше *брюшина*, *брюшко*, *желуток*, *жорново*, *требух*, *требушина*), так как, по-видимому, этот орган в народном сознании воспринимается как вместилище пищи: *Ишь ты, требушину-то набил!* (влг.) (Дилакторский: 509); *Старались только на брюшину, где уж об одежке думать было* (арх.) (СРГК 1: 126), ср. литер. *наполнить /набить желудок*. Однако помимо функции «поглощения» пищи не последнюю роль играет и болезненность этого органа: *Брюшина болит, много ягод съела* (влг.) (СВГ 1: 46).

Таким образом, в этой статье мы обратимся к обозначениям брюшных внутренних органов животных. Значимость для диалектоносителей внутренностей скота, рыб и птиц объясняется традициями приготовления частей туш животных в качестве кушанья (употребляемых в пищу субпродуктов). Эти внутренности находятся в пограничной зоне между соматикой и кулинарией. Многие севернорусские названия пригото-

ленной пищи дублируют обозначения частей животных, для которых определяется семантико-мотивационная модель ‘внутренний орган’ > ‘блюдо из него’ [Осипова 2020а: 60, 61]. В подавляющем большинстве контекстов с диалектными слланхнонимами разворачивается ситуация разделывания туши животного с последующим приготовлением выпотрошенных внутренностей: *Как зарежут скотину, бачину <желудок> вывалят. Ели бачину-то, варили* (влг.); *Ливера <внутренности рыбы> у налима тоже жарят* (влг.); *Поросёнка зарезали, каюк <свиной желудок> начинила сухомесом* (влг.) (СГРС 1: 82; 5: 112; 7: 90). Контексты, в которых описывается функционирующий в живом организме орган, встречаются, но довольно редко: *Сразу заглатывают траву, а потом в брюшине <желудок> пережевывает* (арх.) (АОС 2: 147). Некоторые диалектизмы в своей внутренней форме отражают способ приготовления потрохов животных, например, влг. *начинёхи*, *начинки* ‘праздничное блюдо из свиных кишок, начиненных крупой’ <начинять (СВГ 5: 84); ср. вятск. *варенье* ‘внутренности’ <варить (Зеленин 1903: 31). В то же время наивным сознанием выделяются и мало-съедобные внутренности, идущие на выброс (такие как селезёнка и некоторые части кишечника) в силу необходимости отделить их (в том числе на языковом уровне) от внутренностей, идущих в пищу: *Это выборок, то погано, есть не вкусно* (АОС 6: 108); *Скотину разделяваешь – кушину <несъедобные внутренности, обычно – часть кишечника> вытаскиваешь, ныне выбрасываем её* (влг.) (СГРС 6: 241–242); *Её не кушают, её срезали, челезёнку <селезёнку>* (влг.) (КСГРС). Наблюдается лексическое противопоставление съедобных и несъедобных внутренностей: *Лёгкие, сердце и печень гусяк называют, а остальное всё – черёва* (арх.) (СГРС 3: 171).

При рассмотрении названий внутренних органов животных обнаруживается не только лексическое многообразие, но и довольно сложная идеографическая структура, основанная на разных вариантах семантической дифференциации названий внутренних органов. Некоторые обозначения внутренних органов закреплены за определенным видом животного или за выделяемой наивным сознанием группой животных (например, скот): ср. костр. *бутор* ‘внутренности скота’ (ЛКТЭ), арх. *бусак* ‘потроха овцы’ (АОС 2: 185), арх. *литоха* ‘внутренности скота’, арх. *литоха* ‘отдел желудка коровы, книжка’ (СГРС 7: 107), арх. *грамотица*, *грамотея*, *грамотница* ‘желудок жвачных животных’ (АОС 10: 24, 25), костр. *бороховица* ‘желудок жвачных животных’ [Ганцовская 2015: 30], арх. *бахторма* ‘внутренняя поверхность желудка животного’ (АОС 1: 133), влг. *каюк* ‘свиной желудок’ (СГРС 5: 112),

влг. *ливерá*, *лядога*, арх., влг. *макса́*, арх. *черёво*, *черёва* 'внутренности рыбы' (СГРС 7: 90, 203, 223; КСГРС), арх. *лэдюга* 'рыбьи потроха (кроме икры и молоко)' (СГРС 7: 53), арх. *кишки*, влг. *кукиша* 'несъедобные внутренности рыбы' (СГРС 5: 161; 6: 241–242). Подобная дифференциация наблюдается и на текстовом уровне: *У скота литоха, а у рыб черёва* (о внутренностях) (арх.) (СГРС 7: 107).

Представленные спланхнонимы демонстрируют разделение наивным сознанием внутренностей скота и внутренностей рыб, что, по видимому, связано с разницей в практиках разделывания и приготовления в качестве пищи частей разных видов животных. Кроме того, имеет значение и культурная составляющая: необходимо отметить разное отношение к блюдам из рыбы и блюдам из мяса животных, которые разграничиваются наивным сознанием как постная и скоромная пища: если в пост употреблять мясо животных категорически запрещалось, то принимать в качестве пищи рыбу допускалось, к примеру, на большие праздники в течение поста (СД 4: 203)⁴. Внутренности птиц в севернорусских говорах практически не дифференцируются, для них не обнаруживается особых наименований. Возможную причину следует видеть в том, что мясо домашней птицы в северной зоне, по замечанию К. В. Осиповой, ели гораздо реже, чем в центральных и южных областях России [Осипова 2020б: 314]. Закономерно в среднерусских и южнорусских говорах, в отличие от севернорусских, находим, к примеру, вятск. *желудки* 'птичьи потроха' (СРНГ 8: 119), брянск. *воля* 'мускулистый желудок птицы', брянск. *падробки* 'потроха, главным образом гуся или утки' (СНГЗБ: 67, 185), оренб. *почка* 'желудок у птиц' (ООС: 137). В севернорусских говорах вместо этого богато представлена «рыбная» спланхнонимия (для соответствующих лексем, которые приводятся ниже, уточним районную атрибуцию, так как для них присуща ареальная специфика). Помимо упомянутой выше идеограммы '**внутренности рыбы**' (арх. (плес.) *лэдюга*, влг. (сок.) *ливерá*, влг. (вож., кир.) *лядога*, арх. (повсем.), арх. (вель., вин., в-т., карг., к-б., кон., леш., мез., нянд., он., пин., прим., уст., холм., шенк.), влг. (бел., в-важ., вож., кир.), *макса́*, арх. (онеж.), арх. (карг.) *нявга*, арх. (онеж.) *равушка*, арх. (повсем.) *черёво*, *черёва*, арх. (карг.) *кишки* (СГРС 5: 161; 6: 241–242; 7: 53, 90, 203, 223; СРГК 5: 59, 389; КСГРС)), фиксируется ряд уточняющих значений: '**печень рыбы**' (арх. (вель., вин., в-т., карг., к-б., кон., котл., леш., мез., нянд., он., пин., плес., прим., с-двин., уст., холм., шенк.), влг. (бел., ваш., в-важ., влгд., вож., выт., кир., у-куб.) *макса́* (реже имеет значение 'печень животного'), арх. (плес.) *мако́ска*, влг. (вож., кир.) *лядога* (СГРС 7:

203, 223; СРГК 3: 188), арх. (вил., к-б., котл., лен.) *псень*, влг. (в-уст.) *псенёк* (КСГРС)], '**желудок рыбы**' (влг. (вож., кир.) *лядога* (СГРС 7: 203)) '**кишечник рыбы**' (арх. (онеж.) *черва́* (СРГК 6: 769)), '**икряной мешок рыбы**' (влг. (вож.) *кудыши* (СГРС 6: 223)), '**желчный пузырь рыбы**' (арх. (карг.) *жёлудь* (СРГК 3: 48)), '**лёгкие рыбы**' (арх. (к-б.) *псень* (КСГРС)). Встречаются даже специализированные значения, уточняющие вид рыбы. Это влг. (выт.) *кокеш* (СГРС 5: 221), влг. (выт.) *пукиша* '**желудок налима**' (КСГРС) влг. (гряз.) *сеньки* '**потроха налима**' (Дилакторский: 454), арх. (он., плес., прим., мез.) *воякса*, *воюкса* *воекса* (АОС 5: 138; СГРС 7: 142, 195), арх. (помор.) *балка* '**печень трески**' (СРНГ 1: 82). Указание на конкретный вид рыбы может быть актуализировано в производных от спланхнонимов словах, например, влг. (выт.) *максанина* 'фарш из печени налима' (СГРС 7: 223).

В особенности ярко проявляется лексико-семантическая дифференциация органов разных видов рыб, во-первых, в регионе архангельского Беломорья, во-вторых, на территории Белозерья, к которой относят Бабаевский, Белозерский, Вашкинский, Вожегодский, Вытегорский, Кадуйский, Кирилловский, Череповецкий и Шекнинский районы Вологодской области, а также Каргопольский и Коношский районы Архангельской области [Макарова 2013: 5]. Белозерье располагается между четырьмя крупнейшими озёрами (Онежское, Белое, Воже, Лача), и на этой территории «озёрная» тема (и, как следствие, рыболовная) очень значима в народной традиции [там же: 10–11]. Белозерье является уникальной зоной не только в природном, но и в языковом отношении: это один из наиболее ранних ареалов финно-угорского заселения [там же: 6–7]. Соответственно, если обратиться к проблеме происхождения диалектизмов на этой территории, обнаруживается заметное влияние финно-угорских языков: субстратные формы (такие как *макса*, *воякса*, *лядога*) оказываются востребованными для заполнения специфических идеограмм вроде 'внутренности рыбы', 'печень рыбы', 'желудок налима'. При этом спланхнонимический материал демонстрирует, что в дифференциации по видам рыб на территории архангельского Беломорья особо выделяется треска, в то время как в Белозерье, главным образом, – налим.

Взаимодействие русскоязычного населения и финно-угорского субстрата этих территорий обуславливает множественность этимологических версий для некоторых спланхнонимов. Например, влг. (вож.) *кукиша* 'несъедобные внутренности: часть кишечника' (СГРС 6: 241–242), как и более широкое олон., карел. *кукиша* 'рыбьи потроха', с одной стороны, трактуется как про-

изводное от слав. **kukati* ‘бить’, в мотивационном отношении – ‘то, что выбивается’ (ср. *требуха*, по одной из версий происхождения, от *теребить*), ср. с аналогичной мотивацией *избой*, *выпорок* ‘внутренности’ [Ушинскене 2012: 77]; с другой стороны, *кукша* сравнивается с фин. *kupsu* ‘рыбий пузырь’ эст. *kops, kopsu* ‘лёгкие’ и, соответственно, трактуется как заимствование (Фасмер 2: 408; РДЭС: 368); родственным является, по-видимому, и влг. (выт.) *пукша* ‘желудок налима’ (КСГРС), неотделимое от карел. *пукша* ‘икра рыбы’, которое С. А. Мызников соотносит с рассмотренным выше *кукша*, указывая на характерную мену начального *к/п* (РДЭС: 634). Эту же фонетическую особенность следует предполагать у арх. (вил., к-б., конд., лен.) *псень* ‘печень (чаще у рыбы)’ (КСГРС) и кольск. *ксень, ксеньё* ‘внутренности рыбы, рыбы потроха’ (СРНГ 15: 373). Варианты с начальным *к-* рассматриваются С. А. Мызниковым вместе с карел., мурм. *сень* ‘рыбы внутренности’ (варианты с начальным *п* при этом не представлены): предполагается, что варианты с начальным *к* (типа *ксень*) первичны и, вероятно, являются исконными (праславянскими) по происхождению; варианты без начального *к* (типа *сень*) вторичны и возникли в результате контаминации с прибалтийско-финскими данными, ср. фин. *syän* ‘сердце’, кар. *šeän, šian, siän* ‘сердце, внутренности’ (РДЭС: 730). В. Ушинскене также в качестве базового выделяет вариант *ксень* и, приводя параллели из славянских языков, предлагает в качестве праславянского этимона **kysati* ‘киснуть’; лексема *псень* объясняется либо как вторичный фонетический вариант к *ксень*, либо как самостоятельное образование от диал. *псуть, псеть* ‘делаться вонючим; вонять псиной’ [Ушинскене 2012: 70, 104–105, 108]. Таким образом, проблему происхождения спланхнонимов *ксень, сень, псень* и их вариантов, как и проблему контаминационных процессов между ними, нельзя назвать окончательно решенной. Версия исконного происхождения вполне убедительна, хотя и возможность финно-угорского влияния подтверждается фиксацией лексем в контактной зоне – в архангельской, мурманской и карельской областях. В качестве небольшого дополнения укажем, что некоторые варианты без начального *к* и *п*, в особенности костр. *сенёк, синёк* ‘селезёнка’, допустимо трактовать как результат упрощения группы согласных с притяжением к *синий*, что обусловлено синеватым оттенком селезёнки, показателем контекст: *Синёк язычком таким, синий действительно* (костр.) (ЛКТЭ). Ср. оренб. *синяк* ‘печень, воловьё печенка’ (Даль 4: 187). Контаминация прослеживается также в арх. (шенк.) *максень* ‘печень рыбы’ (СГРС 7: 224), объединяющем в своей внутренней форме *ксень* и фин-

но-угорский по происхождению спланхноним *макса* (см. о нем ниже).

Взаимодействие между русским и финно-угорскими языками на территории Белозерья и Поморья прослеживается также на семантическом уровне. Относящееся к этой зоне слово *макса* ‘рыбы внутренности’, ‘печень рыбы (реже – печень животного)’, согласно словарю С. А. Мызникова (РДЭС: 478) имеет прибалтийско-финское происхождение (ливв. *maksu*, вепс. *maks*, при кар. *maksa*, фин. *maksa*, эст. *maks*) при этом автор словаря уточняет, что значение в языках-источниках общее, гиперонимическое – ‘печень’; в то время как семантическая дифференциация развивается именно в русских говорах, см. об этом подробнее в (РДЭС: 477–478). Подобное развитие значения от общего к специализированному наблюдаем в *воёкса / воёкса* ‘печень трески’, которое сопоставляется с саам. *vuoiija, viij* ‘жир, растопленный или приготовленный’, *vuivas* ‘печень’, саам. швед. *vuajja* ‘жир’ и т. п. (там же: 144).

В заключение отметим некоторые мотивационные особенности в исконных обозначениях внутренних органов. Любопытны случаи метафорического переноса (по внешнему сходству), которые встречаются при обозначении некоторых внутренностей, ср. арх. *жёлудь* ‘желчный пузырь рыбы’ (СРНГ 3: 48), арх. *бахорма* ‘внутренняя поверхность желудка животного’ при значении ‘бахрома’ (АОС 1: 133). В целом отделы желудка жвачных за счёт своего специфического внешнего вида имеют тенденцию к метафорическому номинированию, ярким примером является общенародное *книжка*, основанное на сходстве продольных складок третьего отдела желудка с листьями в книге; эта метафора, по-видимому, получает продолжение в арх. *грамотица, грамотёя, грамотница* ‘желудок жвачных животных’ (АОС 10: 24, 25), которые, вероятно, первоначально обозначали именно книжку (отдел желудка) и могли быть мотивированы диалектизмами типа север. *грамотица* ‘лист бумаги’ (СРНГ 7: 111), арх. *грамотка* ‘письмо’ (АОС 10: 24). Возможны при этом обратные метафоры – при обозначении бытовых реалий на базе спланхнонимов, ср. влг. *брюховина, брюшинка* ‘вафельное полотенце’ (< ‘внутренности животных – часть желудка’) (СГРС 1: 194) – данная метафора основана на сходстве пористой структуры вафельного полотенца и части желудка (вероятно, его второго отдела – сетки). Приведённые языковые факты демонстрируют значимость внешних проявлений органов вне живого организма.

Отдельно следует отметить семантический переход ‘отходы’ > ‘внутренности’, который, по замечанию К. В. Осиповой, обусловлен практи-

кой отделения для собственного пропитания «остатков» мяса, т. е. субпродуктов (в то время как настоящее мясо сдавалось государству), ср. арх. *мелузь* < шир. распр. *мелузь* ‘отходы от обмолота’⁵ [Осипова 2020а: 60]. В качестве мотивационной параллели следует привести влг. *ошурки* ‘кишки’ (СВГ 6: 115) < шир. распр. *ошурки* ‘остатки пищи, объедки’ (БАС 8: 1830). Подобную мотивационную линию следует выделять для влг. *бусак* ‘внутренности’ (СГРС 1: 226), трактуемого А. Е. Аникиным как родственное калуж. *бусор* ‘требуха’, астрах., тамб. *бусор*, *бусырь* ‘хлам, барахло’; эти лексемы, возможно, наряду с *мусор*, заимствованы из тюрк. **büsr-//*müsr-* (Аникин 5: 204). Добавим к этому следующее замечание: *бусак*, возможно, следует трактовать как контаминацию описанного выше *бусор* и *гусак* ‘лёгкие, сердце и печень животного’ – последнее мотивировано сходством с летящим гусем (Фасмер 1: 477). Допускается обратный переход (‘внутренности’ > ‘отходы’) в арх. *кишки* ‘мусор в льняной кудели’ и влг. *кишки* ‘грубая пряжа из льняных отходов’ (СГРС 5: 161).

Общий обзор севернорусских спланхнонимов, предлагаемый в настоящей работе, призван обозначить некоторые особенности рассматриваемой лексики в семантико-мотивационном, этимологическом и лингвогеографическом отношении. Отмечается необходимость в более углубленном анализе номинативных характеристик диалектных спланхнонимов. Соответствующую цель мы ставим перед собой в дальнейших работах по этой теме.

Примечания

¹ Автор выражает благодарность Татьяне Владимировне Шалаевой за ценные советы и указание на важный источник для настоящей статьи.

² В настоящей статье мы используем термины *спланхноним*, *спланхнонимия* (из древнегреч. *σπλάγχων* ‘внутренность’ и *ὄνομα* ‘имя, название’) в силу необходимости обозначить понятия ‘название внутреннего(-их) органа(-ов)’, ‘лексика, обозначающая внутренние органы’. Такие термины в силу своей специфичности употребляются редко, но тем не менее используются в ряде научных трудов по лингвистике, см., к примеру: [Ракин 1997; Персидская 2018; Субраков 2019].

³ Примечательны мотивационные параллели к литературному слову *лёгкие*. Смол. *ре́йка* ‘лёгкое с сердцем и печенью’, согласно И. П. Петлевой, восходит к прасл. **rějati* (*se*) ‘двигаться (плавно, легко, быстро) в воде или в воздухе’ и, соответственно, его мотивационное значение ‘то, что имеет малый вес и потому всплывает в воде (в супе)’. Та же самая «всплывающая» мотивация наблюдается в др.-русск. *плюча* ‘лёгкие’, которое

является производным от **pluti/*plyti* (др.-русск. *плути*, русск. *плыть*) [Петлева 1975: 43–44].

⁴ О реализации оппозиции «постное» – «скоромное» в традиционной народной культуре см., к примеру: [Толстая 2002; Якушкина 2002].

⁵ В. Ушинскене для *мелузь* в качестве мотивирующего значения выделяет ‘мелкие предметы, мелочь’ с переходом в ‘мелкие внутренности животного’ [Ушинскене 2012: 65].

Список источников

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники, 2007. Вып. 1.

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Д. Гецовой. М.: Изд-во МГУ, 1980. Вып. 1.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

Ганцовская Н. С. Меткое костромское слово. М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. 176 с.

Даль – Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е изд., испр. и значительно доп. / под ред. проф. И. А. Бодуэна-Куртенэ: в 4 т. СПб.; М., 1903–1909.

Дилакторский – Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А. И. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006. 677 с.

Зеленин 1903 – Зеленин Д. К. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1903. 189 с.

КСГРС – Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ – Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ООС – Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2010. 192 с.

РДЭС – Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1064 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева; М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. Т. 1.

СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012.

СНГЗБ – Словарь народных говоров Западной Брянщины: (материалы для истории словарного состава говоров) / П. А. Расторгуев [ред.: Е. М. Романович]; АН БССР, Ин-т языкознания им. Якуба Коласа. Минск: Наука и техника, 1973. 295 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965. Вып. 1.

ТСЛРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986–1987.

Список литературы

Макарова А. А. Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 763 с.

Осипова К. В. К семантико-мотивационной реконструкции севернорусских названий блюд из мяса // Вестник Пермского государственного университета. Российская и зарубежная филология. 2020а. Т. 12, № 3. С. 59–69. doi: 10.17072/2073-6681-2020-3-59-69

Осипова К. В. Мясо в рационе севернорусских крестьян: этнолингвистический аспект // Сибирский филологический журнал. 2020б. № 4. С. 308–321. doi 10.17223/18137083/73/21

Персидская А. С. Соматическая лексика селькупского языка: структурно-семантический и лингвокультурологический анализ: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 243 с.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. VI // Этимология. М.: Наука, 1975. С. 42–51.

Ракин А. Н. Антропотоминимическая лексика в пермских языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 1997. 66 с.

Субраков А. Д. Спланхнонимическая лексика современного хакасского языка // Современный ученый. 2019. № 4. С. 266–270.

Толстая С. М. Оппозиция «постный-скоромный» в свете диалектной семантики // Русская диалектная этимология: материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 128–132.

Ушинскене В. Народная анатомическая терминология в русском языке. Словообразовательная и семантическая реконструкция наименова-

ний брюшных органов. Вильнюс: Вильнюс. ун-т, 2012. 162 с.

Якушкина Е. И. Диалектные названия скоромной и постной пищи и их вторичные значения // Русская диалектная этимология: материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 132–135.

References

Makarova A. A. *Russkaya ozernaya gidronimiya Belozer'ya: sistemno-funktsional'nyy aspekt*. Diss. kand. filol. nauk [Russian lacustrine hydronyms of the Belozerye region: System-functional aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2013. 763 p. (In Russ.)

Osipova K. V. K semantiko-motivatsionnoy rekonstruktsii severnorusskikh nazvaniy blyud iz myasa [On semantic and motivational reconstruction of North Russian names of meat dishes]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020a, vol. 12, issue 3, pp. 59–69. doi 10.17072/2073-6681-2020-3-59-69. (In Russ.)

Osipova K. V. Myaso v ratsione severnorusskikh krest'yan: etnolingvisticheskiy aspekt [Meat in the diet of North Russian peasants: Ethnolinguistic aspect]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2020b, issue 4, pp. 308–321. doi 10.17223/18137083/73/21. (In Russ.)

Persidskaya A. S. *Somaticheskaya leksika sel'kupskogo yazyka: strukturno-semanticheskii i lingvokulturologicheskii analiz*. Diss. kand. filol. nauk [Somatic lexis of the Selkup language: Structural-semantic and linguoculturological analysis. Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2018. 243 p. (In Russ.)

Petleva I. P. Etimologicheskie zametki po slavyanskoy leksike. VI [Etymological notes on Slavic lexis. VI]. *Etimologiya* [Etymology]. Moscow, Nauka Publ, 1975, pp. 42–51. (In Russ.)

Rakin A. N. *Antropotominimicheskaya leksika v permskikh yazykakh*. Avtoreferat diss. d-ra filol. nauk [Anthropotominimic lexis in the Permian languages. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Yoshkar-Ola, 1997. 66 p. (In Russ.)

Subrakov A. D. *Splankhnonimicheskaya leksika sovremennogo khakasskogo yazyka* [Splankhnonimichesky lexicon of modern Khakass language]. *Sovremennyy uchenyy* [Modern Scientist], 2019, issue 4, pp. 266–270. (In Russ.)

Tolstaya S. M. Opozitsiya 'postnyy-skoromnyy' v svete dialektnoy semantiki [The opposition 'lenten – non-lenten' from the perspective of dialectal semantics]. *Russkaya dialektnaya etimologiya: Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Russian Dialectal Etymology: Proceedings of the 4th International Scientific Conference]. Yekaterin-

burg, Ural Federal University Press, 2002, pp. 128–132. (In Russ.)

Ushinskene V. *Narodnaya anatomicheskaya terminologiya v russkom yazyke. Slovoobrazovatel'naya i semanticheskaya rekonstruktsiya naimenovaniy bryushnykh organov* [The Folk Anatomical Nomenclature in the Russian Language: Word-Formation and Semantic Reconstruction of Names of Abdominal Organs]. Vilnius, Vilnius University Press, 2012. 162 p. (In Russ.)

Yakushkina E. I. Dialektnye nazvaniya skromnoy i postnoy pishchi i ikh vtorichnye znacheniya [Dialectal names of non-lenten and lenten food and their secondary meanings]. *Russkaya dialektnaya etimologiya: Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Russian Dialectal Etymology: Proceedings of the 4th International Scientific Conference]. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 2002, pp. 132–135. (In Russ.)

On Areal Characteristics of Northern Russian Names of Animals' Internal Organs

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00223 'Etymologization and semantic reconstruction of Russian dialect vocabulary'

Maria O. Leont'eva

Research Assistant in the Toponymic Laboratory of the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
51, prospekt Lenina, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation. marileonteva@yandex.ru

SPIN-code: 4303-7590

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8695-7617>

ResearcherID: AAW-7674-2021

Submitted 29 Aug 2022

Revised 05 Sep 2022

Accepted 19 Oct 2022

For citation

Leont'eva M. O. K areal'noy kharakteristike severnorusskikh nazvaniy vnutrennikh organov zhitovnykh [On Areal Characteristics of Northern Russian Names of Animals' Internal Organs]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 56–63. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-56-63 (In Russ.)

Abstract. The subject matter of this article is semantical-motivational and linguogeographical peculiarities of Northern Russian splanchnonyms – lexical units naming internal organs (from Greek σπλάγχνα (splánchna), meaning ‘viscera’). The author focuses on the interconnection and overlapping of the names of human viscera and splanchnonyms related to animals. This issue is discussed in the first part of the article. The author notes that splanchnonyms related to humans tend to be secondary in terms of their origin, i.e. to be derivatives of the names of animal viscera. The paper reveals extralinguistic reasons for the language attention of dialect speakers to animal viscera – fishing and hunting, cooking of meat dishes. The second part of the paper includes an overview of splanchnonyms related to animals; overlapping of the relevant cookery and somatic vocabulary is noted; the complexity of the ideographic structure of the vocabulary in question is identified, main ideograms with the words they comprise are listed. The difference between the names of internal organs of livestock and those of fish is shown. Special attention is paid to linguogeographical features of splanchnonyms related to fish: the relevant vocabulary is noted in the zone of contacts with the Finno-Ugric peoples and is characterized by fractional semantic differentiation. In the final part of the article, the author cites particular motivational features characteristic of the words naming animal viscera. The paper also considers metaphorical names, including both splanchnonyms motivated by the names of everyday realities and lexical units related to daily routines that were secondary formed from splanchnonyms. The lexical realization of the motivational transition ‘waste’ – ‘internal organs’ is analyzed.

Key words: Russian dialectal vocabulary; dialects of the Russian North; somatic vocabulary; splanchnonyms; semantical and motivational analysis; ethnolinguistics; linguogeography.

УДК 811.161.1'37:398

doi 10.17072/2073-6681-2022-4-64-74

Русская лексика рекрутской обрядности в языке и фольклоре (на материалах XX–XXI вв.)

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00117
«Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья»)*

Юлия Сергеевна Чернышева

научный сотрудник

Институт гуманитарных исследований Пермского федерального**исследовательского центра Уральского отделения РАН**

614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а. yulyachernysheva99@gmail.com

SPIN-код: 1469-5611

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7311-9457>

ResearcherID: AEN-0642-2022

Иван Александрович Черных

научный сотрудник

Институт гуманитарных исследований Пермского федерального**исследовательского центра Уральского отделения РАН**

614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а. cher-ivan-cher@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4109-5512>*Статья поступила в редакцию 22.07.2022**Одобрена после рецензирования 17.09.2022**Принята к публикации 21.09.2022***Информация для цитирования**

Чернышева Ю. С., Черных И. А. Терминология рекрутской обрядности в языке и фольклоре (на материалах XX–XXI вв.) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 64–74. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-64-74

Аннотация. В статье представлен анализ русской лексики рекрутской обрядности в языке и фольклоре на материалах XX–XXI вв. В отечественной науке этот пласт лексики практически не изучен. Целью работы является рассмотрение истории возникновения слов *рекрут*, *некрут* и особенностей бытования лексем, обозначающих молодого человека, уходящего в армию, и его жену (невесту). Хронологический подход исследования позволяет проследить бытование терминов рекрутской обрядности с момента их появления в языке и фольклоре в XVIII в. до настоящего времени. Анализ выполнен на основе данных фольклорных источников, полевых материалов этнографических экспедиций, официальных документов и художественной литературы.

Весь массив лексики был разделен на четыре тематических блока: 1) анализ слова *рекрут* и его производных в языке и фольклоре; 2) анализ слова *солдат* и его производных в языке и фольклоре; 3) анализ лексем, обозначающих жену (невесту) ушедшего в армию; 4) анализ других лексем, обозначающих ушедшего в армию. В первом блоке рассматривается этимология слова *рекрут* и производных от него слов, особенности бытования этих лексем в русских говорах и фольклорных источниках. Второй блок содержит анализ слова *солдат* и устойчивого выражения *уходить / отдавать в солдаты* на примере фольклорных текстов. В третьем блоке рассматриваются лексемы, обозначающие жену (невесту, вдову) солдата в русских говорах. В четвертом блоке приведены другие лексемы, обозначающие ушедшего в армию, – *призывник*, *новобранец* и пр., и особенности их употребления в Советской России.

Ключевые слова: русские говоры; рекрут; некрут; солдат; рекрутский обряд; проводы в армию; солдатка.

Введение

В отечественной науке вопросы терминологии семейной обрядности представлены большим объемом исследований. В частности, ряд статей, диссертаций, словарей, монографий посвящены лексике свадебной [см.: Ларина 1995; Гура 1978; Финько 2015 и др.] (ЭССТСП) и похоронной обрядности [Королёва, Брюханова 2018; Гаврилова 1997 и др.] (СМЛФ). В то же время терминология рекрутского обряда до настоящего времени остается малоисследованной. В данной работе авторы попытались объяснить этимологию и особенности бытования в языке и фольклоре некоторых терминов, обозначающих молодого человека, уходящего в армию или на войну, его невесту (жену, вдову) и период перед отправкой на службу.

Слово *рекрут* и его производные в языке и фольклоре

Практически повсеместно в русских говорах молодого человека, уходящего в армию, называли *рекрут* (или *некрут*). Это слово употреблялось в дореволюционный период и сохранялось до конца XX в. Например, в Солигаличском уезде Костромской губернии «...даже девицы на беседах отдают предпочтение *рекрутам*, как бы желая заставить их забыть о предстоящей службе: чаще с ними танцуют, чаще вызывают ходить по кругу» (РК 1, 302). В Белозерском уезде Новгородской губернии «перед отъездом *некрута* в город для вынуждения жеребья вся семья садится на лавку, встаёт и молится Богу» (РК 7 (1), 231). Так же называли уходящего в армию молодого человека в 1960–1970-е гг. в с. Четырчи Чистопольского района Республики Татарстан: «Так же, как гуляли престольный праздник – так и в армию провожали. Ну у этого, у солдата гуляли. [Как звали призывника?] *Некрут*» (Архив), в то время как в Вышневолоцком районе Тверской области замечали, что «*некрут* – в дореволюционное время – солдат-новобранец, рекрут» (снт. Мстино Вышневолоцкого района Тверской области) (ТСГТО 4, 64). А в с. Тюинск Октябрьского района Пермского края, рассказывая о проходах в армию 1996 г., информанты вспоминали: «Как их называли-то... Юра, как называли, кто идет в армию-то? – Да *некрут*, кто. – *Некрут* вот, звали *некрут*...» (ПМ 2018).

Этимология слова *рекрут* и связанных с ним слов *некрут*, *лекрут*, *ре/не/лекрутить(ся)* остается дискуссионной. Согласно этимологическому словарю Макса Фасмера, *рекру́т* (народное *некрут*), форма с ударением на начале, проникает в русский язык «через польск. *rekрут*, с ударением на конце – из нем. *Rekrut* от франц. *recrue* «новобранец», *recruter* «набирать войска» [Фасмер

1987: 465]. Поскольку по указам Петра I «в 1699 году было сформировано двадцать-девять регулярных полковъ по образцу Нѣмецкому» [Корсунов 1850: 77], то набирались в них не просто *солдаты*, а именно *рекруты*. Хотя слову *рекрут* понадобилось шесть лет, чтобы закрепиться в терминологии официальных документов в качестве синонима слову *солдат*. К уже упомянутому указу от 20 февраля 1705 г. прилагаются «Статьи, данныя Стольникамъ о сборѣ даточных *солдатъ* или *рекрутъ*» [Полное собрание 1830: 292], в самом тексте статьи слово *рекрут* не употребляется ни разу, но факт появления его в названии приказа говорит о заимствовании его в русский язык. Еще одно официальное употребление слова *рекрут*, согласно сведениям НКРЯ, впервые фиксируется в «Истории Свейской войны (Поденная записка Петра Великого)» под авторством А. М. Маркова. Описывая воинские наборы 1699 г. для похода на Азов, автор замечает: «Афицеры во всех тех дивизиях в то же время из дворян набираны и учтены, и тако удивительно сей корпус был, понеже как афицеры, так и салдаты, все дволетние суть были *рекруты*» [История Свейской войны 2004: 82]. В этом случае, скорее всего, слово *рекрут* не выступает синонимом слову *солдат*, а обозначает новобранца (поскольку дальше автор неоднократно перечисляет «солдат и рекрут», как в этом случае: «в Орше оставили командиром поручика от гвардии Норова и с ним старых *салдат* человек тридцать и несколько десятков *рекрутъ*» [там же: 124]).

Скорее всего, слово *рекрут*, впервые упомянутое в указе Петра I от 20 февраля 1705 г. (см.: «О наборѣ рекрутъ, съ 20 дворовъ по человѣку, отъ 15 до 20 лѣтъ возраста» [Полное собрание 1830: 291]), стало массово употребляться и в некоторых случаях перешло в форму *некрут* в процессе диссимилиации [Жеребило 2010: 95]. У слова *рекрут* заменяется первая согласная как результат диссимилиации первого звука [р] *р...р* > *н...р* (по этому же принципу *прорубь* – *пролубь* (СРГК, 85)) *р...р* > *р...л*). Сказать точно, когда процесс диссимилиации начался и почему в каких-то населенных пунктах бытовала форма *некрут*, а в каких-то *рекрут* (зачастую обе одновременно), не представляется возможным. Однако самым ранним источником (согласно данным НКРЯ), в котором фиксируется форма *некрут*, является художественное произведение Н. В. Кукольника (1841 год). В произведении «Сержант Иван Иванович Иванов, или Все заодно» провинившихся крестьян наказывают, отдавая в солдаты: «Всех свяжи, да в острог, а завтра всех четырех отвези в Кострому прямо в воеводскую канцелярию. Завтра в провинции *некрутов* прини-

мают. – В солдаты! – завопил Иван...» (НКРЯ). В говорах разных регионов России кроме *некрут* (АОС, 104; СУЧГ, 58; СВГ 1990, 95) встречается ещё одна форма – *лекрут* (АС, 505; СУЧГ, 69). Последняя также возникает в процессе диссимиляции от *рекрут*, однако имеет меньшее распространение: «В севернорусских говорах нередко можно наблюдать замену фонемы “р” на фонему “л”. Вероятно, иногда она вызвана индивидуальными произносительными особенностями, а иногда основана на диссимиляции одного из двух “р”, находящихся в одном слове <...> *лекрут* – *рекрут*» (СРНГ 2005, 5–6).

Существует и другая точка зрения, объясняющая возникновение формы *некрут*. Ж. В. Кормина, анализируя этимологию слова *некрут*, приходит к выводу, что одно из основных значений данного слова, «образованного от корня *-крут-*, связано со специальным, обрядовым переодеванием, которое приводит к смене статуса персоны. Если предположить, что в слове *некрут* не воспринимается носителями языка как префикс со значением отрицания, в семантике этого слова можно предположить значение отсутствия статуса, указания на лиминальность» [Кормина 2005: 73]. Также исследовательница ссылается на статью Н. В. Крушевского о народной этимологии и соглашается с выводом, что «непонятное русскому народу слово *рекрут* ассимилируется к категории слов с префиксом не- (например *нехрист*) и получает *некрут*» [там же: 73].

Слова *рекрут* и *некрут* (реже *лекрут*) можно назвать самыми распространенными терминами, обозначающими призывника со времен рекрутской повинности до середины XX в. Употребление этих лексем фиксируется и в фольклорных источниках разного периода, что говорит об устойчивости их бытования в народной культуре.

«Брейте, брейте, *рекрутовъ*,
Брейте по порядку.

А мово-то милова
Оставьте на поглядку»
(Тобольская губерния);

«*Рекрута, рекрута*,
Черные папахи!
Вась забреють, увезуть,
Останутся дѣвахи»
(Иркутская губерния) (ВЧ, 500–501).

...«Отпирай жена, широкия ворота!
Я не воръ пришелъ, не разбойничекъ зашелъ!
Я зашел, пришелъ распроститися съ тобой!
Изъ утра меня, женка, въ городъ повезут:
Во молодые во *некрутики* везут»
(Олонецкая губерния) (ВНП, 408).

«Мы, *некрутики*, не люди,
Нась и дѣвушки не любят,
Про насъ слава и почеть:

Называютъ бритый чортъ»
(Тверская губерния);

«Какая острая пила
Въ елочку впилася?!
Какая дурья голова
Въ *рекрутика* влюбилася?!»
(Вологодская губерния) (СДЧ, 469).

«Вы гуляйте, некрута, забретье головушки.
Не видать вам, *некрута*, родимые сторонущи»
(Пермский край) (КСТ, 101).

«...Ах, Сормовска больша дорожка,
она слезами улита,
Она слезами улита, да,
по ней ходили *рекрута*...»
(Республика Татарстан) (Архив).

Ж. В. Кормина отмечает, что маркером наступления ритуального времени служит прежде всего начало специального именованья героя обряда [Кормина 2005: 71]. Данное высказывание подтверждается тем, что молодому человеку, который приобретает статус рекрута, позволено поведение, выходящее за рамки «нормального» / «привычного» в общине. Такое поведение, когда молодые люди накануне призыва начинают гулять, отдыхать и веселиться, выражается производными формами *некрутить(ся)*, *рекрутить(ся)* и наиболее частым обозначением – *гулять*: «Парни, бывало, у нас *некрутились* по несколько дней» (д. Нестерово Сокольского района Вологодской области) (СВГ 1990, 95). «В некруты-ти? *Некрутились* вот солдаты-ти, так до нас – мы маленькими были» (д. Гридино Вожегодского района Вологодской области) (СВРГ, 294). П. И. Юшков, описывая обычаи проводов рекрута в с. Медянка Уинского района, отмечает: «Уже за несколько лет до призыва пользовался в своей семье некоторыми поблажками: его получше одевали, подольше давали поспать по-утру; мать старалась угостить его лучшим куском, любимым кушанием и т. д. Но еще большей свободой, большим уважением в своей семье и даже среди соседей пользовался он в последний год до призыва. Тогда он мог ходить куда захочет, не являться домой до утра, не стесняясь мог выпить каждое воскресенье, каждый праздник. А когда уже кончалась страда, тогда рекрут уже начинал *гулять* во-всю, т. е. пить с товарищами в складчину, пить в гостях у родни совей иди же у родни товарищей, пить у друзей и соседей» [Юшков 1926: 28]. Рекрутские гуляния отмечаются во всех источниках, подтверждаются они и полевыми материалами: «Кому осенью-то идти, дак они всю осень по деревне ходили из избы в избу» (д. Н. Семенцы Ильинского района Пермского края) [Черных 2001: 142]. В говоре д. Горюдок Таборинского

района Свердловской области словом *лекрутить* обозначается праздный, разгульный образ жизни, а *лекрутом* называют пьющего, гулящего человека: «Я лекрут-то такой в молодости был! *Лекрутом* зовут, коли гуляет да, вино пьёт. Раньше, когда в армию собирались – лекрутили. Да сейчас *лекрутят* – гуляют, вино пьют» (СГРС, 63). Такое поведение никак не возбранялось, более того, поддерживалось односельчанами. В Вологодской области зафиксирован еще один специальный термин, обозначающий гуляния перед уходом в армию, – *некрутиши(ж)ник*: «Как узнают, когда будут брать, вот и соберут *некрутишник*» (д. Подволочье Великоустюгского района Вологодской области); «Ране всю деревню на *некрутижник* звали» (д. Верхнее Якутино Великоустюгского района Вологодской области) (СВГ 1990, 95). Термин *гулять / погулять* в отношении призывника бытует до настоящего времени («Ну понятно, что перед армией все хотят какое-то застолье, *погулять*, на тусовки сходить, подвигаться куда-нибудь» (ПМ 2021)), в то время как слова *некрутить(ся)*, *рекрутить(ся)* выходят из употребления вместе с *рекрут*, *некрут*.

Слово *солдат* и его производные в языке и фольклоре

Ещё один широко распространенный термин, которым называли уходящего в армию парня, – *солдат*: «*Солдат* смотрит в печку, чтобы печка ждала его» (д. Лопва Юрлинского района Пермского края) [Бахматов и др. 2008: 25]. «Провожать в армию *солдата* – «Последний денёчек» [пели]» (с. Никольское Лаишевского района Республики Татарстан) (Архив). Данная лексема зафиксирована и в дореволюционных публикациях: «В нашей местности у крестьян положение сына-*солдата* точно такое же, как и других сыновей» (Жиздринский уезд Калужской губернии) (РК 3, 61); «В *солдатах* служить теперь, говорят знающие мужики из запасных, не тяжело, особенно, если человек грамотный или научен какому-нибудь ремеслу» (Череповецкий уезд Новгородской губернии) (РК 7 (2), 37); «На «веселых» вообще во всяких гуляниях *солдат* первое лицо» (Вельский уезд Вологодской губернии) (РК 5, 239).

В фольклорных текстах – частушках, песнях, плачах – и словарях различных русских говоров зачастую встречаются и производные формы от *солдат*, например *солдатчина* (т. е. служба в армии, набор в солдаты): «Нынѣшний годъ была *солдатчина*» [Бурнашев 1844: 226], *солдатёнок* (сын солдата), *солдатняк* (солдат) Всего в СРНГ насчитывается 26 однокоренных слов, образованных от лексемы *солдат* и связанных с ней по

смыслу (СРНГ 2005, 255–258). Особенно стоит отметить устоявшуюся форму *взять / отдавать / провожать / уходить* и т. п. в *солдаты*, которая стала устойчивым выражением и наиболее частотна в фольклоре, например в частушках:

«*Повезли* меня в *солдаты* как невесту от ворот.
Заревела моя мамонька, заплакал весь народ
(Пермский край)» (КСТ, 101);

«*Взяли* милова в *солдаты*
Записали в конную
Дали лошадь вороную,
Очень беспокойную»
(Нижегородская область) (РЧ);

«*Отдадут* меня в *солдаты*,
Куда милую дѣвать?
– Попрошу я у начальника
Съ собою её взять»
(Ярославская губерния) (СДЧ, 451);

«Девушки капут, капут,
Меня в *солдаты отдадут*, –
Четыре брата, пятый я,
В солдаты очередь моя»
(Вологодская губерния) (РК 5, 590).

В песнях и плачах также встречается данное устойчивое выражение:

«Нам тепер[ь] пришло не до вас,
Во солдаты везут... везут нас.
Во солдатики нас, во некрутики.
Во невольное нас во житьё»
[Балакирев 1957: 54];

«Когда не будет, не будет,
Дружка в *солдаты увезут*.
Увезут дружка в солдатики,
Ой, с горя замуж я» (РНПВО, 113);

«И рыкнут судьи – власти не милостливы,
Средца ихни не жалостливы:
Принять да добра молодца
Во солдаты во рекрутские» [Гура 1965].

Часто употребляется словосочетание с формой *в солдаты* и в разговорной речи: «*Примут в солдаты*, так не одну неделю пируют. Ходят с гармонью из дома в дом» (с. Ключи Суксунского района Пермского края) [Черных 2001: 142]. «На прощанье игровая, обыкновенно, дарит *отправляющемуся в солдаты* парню кiset» (Вологодский уезд Вологодской губернии) (РК 5, 239).

Лексемы, обозначающие жену (невесту) ушедшего в армию

Производным от слова *солдат* термином *солдатка* обозначали жену или невесту ушедшего в армию парня, а также вдову, чей муж не вернулся со службы: «Я в *солдатках* одна жила» (Иркутская область) (СРНГ 2005, 256).

Мы с подружкой мирно жили,
Сарафаны модны шили –
Казачи со складками,
Остались **солдатками**
(Ярославская губерния) (РК 2, 89).

Описывая особенности отбывания воинской повинности в 1897–1899 гг. в Пошехонском уезде Ярославской губернии, корреспондент «Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева» А. В. Балов отметил еще одно толкование слова *солдатка*: «Самый термин **солдатка** применяется в настоящее время только исключительно к женам лиц, отслуживших старую военную службу до введения всеобщей воинской повинности» (РК 2, 344). В других же местностях *солдаткой* называли жену призванного отбывать воинскую повинность или ушедшего на войну: «**Солдатки** запрещали нарезать землю укрепившимся крестьянам, пока не возвратятся с войны мужа» [Фадеев 2014: 150]. Если муж не возвращался со службы, то в отношении вдовы также использовался термин *солдатка*: «Совсем иное положение тех **солдаток**-вдов, у которых уже нет родителей. Им уйти не к кому, и поэтому терпят они все, что придется» (РК 3, 291). Примечательно, что термин *солдатка* со временем меняет смысл. К 1940-м гг. *солдатками* стали называть исключительно вдов, чьи мужья погибли на войне: «Ну, **солдатка** – это вдова. Муж у ней погиб на войне. А если из армии ждет – подруга» (с. Тюинск Октябрьского района Пермского края) (ПМ 2018). «**Солдаткой** называют, когда на фронт провожали, погибнет ли чё – вот уж солдаткой её называли» (с. Уратьма Нижнекамского района Республики Татарстан) (Архив).

В локальных традициях существовали и другие слова, синонимичные термину *солдатка* – например *армейка* и *красноармейка*, возникшие от слова *армия*: «Вот выйдет замуж, муж уйдет в армию, она **армейка**. Ну, муж нету, солдатка или армейка. Да вот соседка наша армейка говорила» (д. Ульяновка Синагхского района Грузинской ССР) (КСРОГ, 16). «**Красноармейка**, а раньше – солдатка [называли], ежели муж в солдатах» (с. Вершинино Томского района Томской области) (ВС, 329).

В среде донских казаков бытовали термины *жалм(н)ерка* (СРНГ 1972, 65), *гулячка* (БТСДК, 122), *удалюха* (СДГВО, 165), которые также обозначали солдатку. Формы *жалнерка* [Миртов 1929: 90], *жалмерка* (СДГВО, 165), *жармелка* [Ленинов 1971: 59], *жармилка* [Соловьев 1900: 30] и т. д. из донских и курских говоров, значение которых аналогично значению слова *солдатка*, восходит к польскому «*żołnierka*» [жолнерка], которое происходит, в свою очередь, от польского «*żołnierz*» («солдат»). Примечательно,

что в современном польском языке слово «*żołnierka*» означает собственно военную службу, женщину, проходящую военную службу, а также женщину, чей муж проходит военную службу (SJP). Звук [a] в первом слоге слов *жалнерка* и т. п. возник ввиду того, что донские и курские говоры относятся к южнорусскому, акающему наречию, отчего польское [o] перешло в [a]. Звук [m] на месте польского [n] в формах *жалмерка* и т. п. является примером диссимиляции, поскольку в формах типа *жалнерка* все согласные, кроме заднеязычного [k], являются переднеязычными, в то время как [m] — губной. Форма *жармелка* возникает из-за метатезы сонорных [r] и [l], ср. русское «тарелка» с белорусским «талерка», польским «*talerz*» и немецким «*Teller*» с тем же значением. Слово *жалм(н)ерка* нейтрально окрашенное, в то время как *гулячка* содержит оценку (причем негативную) и отражает поведение женщины, проводившей в армию мужа. В исследовательской литературе и этнографических описаниях часто встречается характеристика «свободного» образа жизни солдатки: «Солдатских жен постоянно попрекали как развратниц и сексуально невоздержанных особ. Чего только стоит поговорка “солдатка затылком наволочки стирает”» [Голикова 2021: 247]; «Когда солдатка изменит своему мужу, то народ относится к ней снисходительно: «Человек она молодой, ей трудно прожить без мужа четыре года», – рассуждают про солдатку» (РК 3, 92). Термин *удалюха* выступает синонимом слова *жалмерка*. Скорее всего, данная лексема отражает характер женщины, а не только семейное положение [Морозова 2015: 133].

Другие лексемы, обозначающие ушедшего в армию

В середине XX в. молодого человека, уходящего в армию, начинают называть *призывником* или *новобранцем*: «Нонче – **призывник**, раньше – некрута. Катаются – коней своих запрягут, насыдут» (д. Шахарово Суксунского района Пермского края) [Белавин и др. 2005: 8]. «Раньше так было: кому давали повестку, тот считался **новобранцем**» (с. Колунец Тетюшского района Республики Татарстан) (АКУНТ). *Призывник* в буквальном смысле – «призванный на военную службу». Словосочетание *воинский призыв* использовалось в официальных документах царской России, докладах министров, публицистике. Например, в статье В. А. Гольцева читаем: «...в 1879 году для исполнения воинского призыва было освидетельствовано около 325, 000 человек» [Гольцев 2022], в «Уставе о воинской повинности» (с добавлениями до 1915 г.) говорится: «Къ исполнению воинской повинности призывается

ежегодно одинъ только возрастъ населенія, именно молодые люди, которымъ исполнилось двадцать лѣтъ отъ роду к первому Января того года, когда производится призывъ» [Россия 1915: 9]. Но в народной речи термин *призывник* бытует не так широко (например, в томе 4 «Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева слово *солдат* употребляется 34 раза, *рекрут* – 2, *призывник* – 1). Однако в советское время частотность употребления слова *призывник* резко возрастает. Согласно данным НКРЯ, в первые годы Советской власти (1921–1934 гг.) слово *призывник* встречается 19 раз, а в 1980–1991 – 65 раз (для сравнения *рекрут* в аналогичные периоды встречается 151 и 14 раз соответственно) (НКРЯ). Поскольку в государственную идеологию после переворота 1917 г. входило искоренение следов царского режима, это коснулось не только непосредственно реформы воинской повинности, но и замены слов, обозначающих молодых людей, проходящих действительную службу.

В некоторых случаях употребляется форма *допризывник* и производное от нее *допризывец*: «Раньше по старинному-ту жили, я от бабушки слыхала – вот, допустим, у нас есть *допризывец*, да в другой деревне, вот один к другому ездит с друзьями, с гармошкой...» (с. Ключи Суксунского района Пермского края) [Белафин и др. 2005: 8]. Эти формы также встречаются в фольклоре:

Ты играй повеселее, *допризывник* молодой,
Скоро синие вагончики приедут за тобой.
Конь вороной – грива до полу волной.
На тебе будет кататься допризывник молодой
[там же: 42].

Особое внимание следует уделить термину *наемщик* и его значению. В наемщики обычно шли молодые люди из бедных крестьян. Нанимали их богатые и зажиточные крестьяне или мещане, не желающие отдавать своего сына в армию. Наемщика отличал несколько больший размах гуляний, нежели обычного рекрута, и дозволение делать все, что захотят, безнаказанно, а до времени отправки он поступал на полное обеспечение его хозяина [Черных 2001: 143]. Данный термин вышел из употребления, когда прекратилась практика нанимать за себя (своего родственника) человека для службы в армии. Находясь на обеспечении, наемщик позволял себе многое, выходящее за установленные общиной рамки приличия. Например, Н. Харузин отмечает, что в Калужской губернии наемный рекрут, пользовавшийся «тѣмъ, что въ немъ нуждаются <...> просил у нанимающего его лица дочь, и отец соглашался, причемъ сожительство нисколько не прикрывалось тайной отъ одноподдеревенцевъ и не вызывало со стороны

последних протеста» [Этнография 1903: 82]. В д. Шахарово Суксунского района Пермского края про наемщиков рассказывали: «*Наемщик*, ево не стювай (= не ругай), чѣ он хотит, то и делат. А то не пойдет. Деньги великие за него плочены» [Черных 2001: 143].

Заключение

В русских говорах можно выделить целый пласт лексики, связанный с рекрутской обрядностью. Наиболее распространенная лексема, обозначающая уходящего в армию, – *рекрут* и ее фонетические варианты *некрут* и *лекрут* – бытовали с момента появления в русском языке вплоть до конца XX в. Возникновение и укоренение термина обусловлено введением рекрутской повинности, существовавшей полтора века. Употребление термина снижается с установлением советской власти в 20-х гг. XX в., когда на смену ему приходят лексемы *призывник*, *новобранец*. Вместе со словом *рекрут* выходят из употребления и его производные, связанные с обрядностью, – *рекрутиться*, *некрутиться*.

Лексема *солдат* и устойчивое выражение *уходить / отдавать* и т. п. в *солдаты* активно употребляется как в дореволюционный период, так и на протяжении всего XX века. Наиболее часто они встречаются в фольклорных источниках.

Были проанализированы особенности бытования терминов *солдатка* и синонимичных ему терминов *армейка*, *красноармейка*, а также *жалнерка*, *гуляха* и *удалюха*. Примечательно, что термин *солдатка* меняет свой смысл – к 40-м гг. XX в. он означает исключительно вдов солдат.

Список источников

АКУНТ – Архив кафедры устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

АОС – Архангельский областной словарь: Вып. 16 / гл. ред. О. Г. Герцова. М: Изд-во Моск. ун-та, 2015. 479 с.

Архив – Архив полевых экспедиционных материалов ПФИЦ УрО РАН.

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области: Вып. 2 / гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь: Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1984. 181 с.

БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчивых словосочетаний / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики. М: Русские словари: Астрель: Изд-во АСТ, 2003. 608 с.

ВНП – Великорусские народные песни: Т. II / изд. проф. А. И. Соболевским. СПб.: С.-Петербург. гос. тип., 1896. 588 с.

ВС – Вершининский словарь: Т. 6: Р–С / гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 451 с.

ВЧ – Сборник великорусских частушек / под ред. Е. Н. Елеонской. М.: Издание Комиссии по народной словесности при Этнографическом отделе И. О. Л. Е. А. и Э., 1914. 539 с.

КСРОГ – Краткий словарь русского островного говора (д. Ульяновка Сигнах. р-на ГССР) / В. А. Жидко, М. И. Мулкиджанян, А. А. Хидешели. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1977. 299 с.

КСТ – В каждой деревни чё-то да разно. Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век) / И. А. Подюков, С. М. Поздеева, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Типография купца Тарасова, 2007. 284 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 17.02.2022).

ПМ 2018 – Полевые материалы автора. Соб. Чернышева Ю.С с. Тюинск Октябрьского района Пермского края. 2018 г.

ПМ 2021 – Полевые материалы автора. Соб. Чернышева Ю. С. г. Пермь. 2021 г.

РК – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева в 9 т. / авт.-сост.: И. И. Шангина. Санкт-Петербург: «Деловая полиграфия». Т. 1. 2004. 567 с. Т. 2. Ч. 1. 2006. 608 с. Т. 3. 2005. 647 с. Т. 5. Ч. 1. 2007. 623 с. Т. 6. 2008. 600 с. Т. 7. Ч. 1. 2011. 624 с. Т. 7. Ч. 2. 2009. 624 с. Т. 7. Ч. 3. 2009. 592 с.

РНПВО – Русские народные песни Вологодской области: Для пения (соло, ансамбль, хор) без сопровожд. / сост., вступ. ст., коммент. и предисл. М. Бонфельда; науч. ред. И. Земцовский; Худож. Г. и Н. Бурмагины. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. Вологод. отд-ние, 1973. 207 с.

РЧ – Тихомирова Е.В. Рекрутские частушки // Открытый текст. Электронное периодическое издание. URL: <http://opentextnn.ru/museum/ethnological-museum/folklor/rekrutskie-chastushki/> (дата обращения: 15.07.2022).

СВГ – Словарь Вологодских говоров: учеб. пособие по русской диалектологии: в 12 вып. / ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда: Вологодский гос. пед. ун-т. Вып. 5. 1990. 129 с. Вып. 8. 1999. 120 с.

СВРГ – Словарь вологодского режского говора: по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / авт.-сост. Е. П. Андреева и др.; науч. ред. Л. Ю. Зорина. Вологда: ВоГУ, 2017. 602 с.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Т. 7: Л–М / авт.-сост. Е. Л. Березович, Н. В. Галинова, Л. Г. Гусева, М. Л. Гусельникова, Л. В. Доровских, С. В. Зорина, М. Э. Рут, О. А. Теуш,

Л. А. Феоктистова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 400 с.

СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.

СДЧ – Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерний / В. И. Симаков. Ярославль: Типография К. Ф. Некрасова, 1913. 671 с.

СМЛФ – Словарь мортальной лексики, фразеологии и символики русских говоров Прикамья / И. А. Подюков, Е. Н. Свалова, Л. М. Пантелеева, С. Ю. Королёва, С. В. Хоробрых. СПб.: Маматов, 2020. 368 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. Вып. 5 / отв. ред. Л. В. Зубова, И. С. Лутовинова, О. А. Черепанова; Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 664 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 9. Л.: Наука, 1972. 364 с.; вып. 39. СПб.: Наука, 2005. 343 с.

СУЧГ – Словарь уездного Череповецкого говора / М. К. Герасимов. СПб.: Тип. Акад. наук, 1910. 111 с.

ТСГТО 4 – Тематический словарь говоров Тверской области. Выпуск 4. / авт.-сост.: доктор филологических наук Т. В. Кириллова, кандидаты филологических наук Л. Н. Новикова, Т. В. Граблина, Е. В. Николаева, ассистенты М. Е. Щербакова, Н. Ю. Грибовская. Тверь: ТвГУ, 2005. 190 с.

ЭССТСП – Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья / И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов. Пермь: Перм. книж. изд-во, 2004. 360 с.

SJP – Słownik języka polskiego pod redakcją W. Doroszewskiego. URL: <https://doroszewski.pwn.pl/> (дата обращения: 18.07.2022).

Список литературы

Балакирев М. А. Русские народные песни: Для одного голоса с сопровожд. ф.-п. / ред., предисл., исследование и примеч. проф. Е. В. Гиппиуса. М: Музгиз, 1957. 375 с.

Бахматов А. А. и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: материалы и исследования / А. А. Бахматов, Т. Г. Голева, И. А. Подюков, А. В. Черных. Пермь: ОТиДО, 2008. 502 с.

Белавин А. М. и др. Война и песня. Солдатские и военные песни и фольклорной традиции Прикамья / А. М. Белавин, И. А. Подюков,

А. В. Черных, К. Э. Шумов. Пермь: ПГПУ, 2005. 200 с.

Бурнашев В. П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного: Т. 2: О–Я / сост. В. П. Бурнашев. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1844. 415 с.

Гаврилова Т. И. Терминология похоронно-поминального обряда в этнолингвистическом освещении: На материале Курского региона: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 1997. 207 с.

Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого): Вып. 1 / сост. Т. С. Майкова, под общ. ред. А. А. Преженского. М.: Крузь, 2004. 631 с.

Голикова С. В. Рекрутчина как социокультурное явление (по материалам Урала XVIII–XIX вв.). Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2021. 264 с.

Гольцев В. А. Внутреннее обозрение [апрель] // Русская мысль. № 4. М.: Издатель В. А. Гольцев, 1880. URL: http://az.lib.ru/g/golxcsev_w_a/text_1880_04_vnutr_obozrenie_oldorfo.shtml (дата обращения: 18.07.2022).

Гура В. В. Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края: сказки, песни, частушки: в 2 т. Архангельск, 1965. URL: https://www.booksite.ru/ancient/mode/culture_03_18.htm (дата обращения: 18.07.2022).

Гура А. В. Терминология севернорусского свадебного обряда (на общественном фоне): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 18 с.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 376 с.

Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 374 с.

Королёва С. Ю., Брюханова М. А. Чердынская похоронно-поминальная причеть: бытование, обрядовая лексика, мотив вестки-грамотки // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, № 2. С. 16–29.

Корсунов А. Опыт истории отправления личной воинской повинности в России от начала государства до издания рекрутского устава, с 862 по 1831 год / соч. действительного студента прав Александра Корсунова. СПб: Типография Э. Праца, 1850. 141 с.

Ларина Л. И. Терминология и символика обрядовой пищи (на материале Курского свадебного обряда) // Фольклорная лексикография. 1995. № 4. С. 16–19.

Ленивов А. К. Донской казачий словарь-лексикон. Мюнхен: Издание автора, 1971. 326 с.

Миртов А. В. Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков: XVII. Ростов н/Д, 1929. 416 с.

Морозова Т. И. Донская казачка: языковые и фольклорные средства воплощения образа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10–1(52). С. 130–134.

Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Том IV. 1700–1712. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 881 с.

Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1915 года. Т. 4: Устав о воинской повинности. / Россия. Законы и постановления. Петроград, 1915. 293 с.

Соловьев В. Ф. Особенности говора донских казаков. СПб.: Тип. Акад. наук, 1900. 52 с.

Фадеев Д. И. Солдатки Первой мировой войны в социальных конфликтах на примере Симбирской губернии. 1914–1917 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 146–155.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Финько О. С. Свадебный обряд Кубани: опыт этнолингвистического исследования: монография. Славянск-на-Кубани: Филиал Кубан. гос. ун-та в г. Славянске-на-Кубани, 2015. 202 с.

Черных А. В. Поведенческие нормы в рекрутской обрядности (по материалам Пермского Прикамья) // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор / сост. И. А. Морозов, отв. ред. С. П. Бушкевич. М.: Лабиринт, 2001. С. 142–149.

Этнография: лекции, читанные в Императорском Московском университете / Николай Харузин; под ред. Веры и Алексея Харузиных. Вып. 2: Семья и род. СПб.: Гос. тип., 1903. 340 с.

Юшков П. И. Обычай проводов рекрута // Кунгурско-Красноуфимский край. Кунгур: Искра, 1926. № 11–12. С. 28–31.

References

Balakirev M. A. *Russkie narodnye pesni: Dlya odnogo golosa s soprovozhdeniem fortepiano* [Russian Folk Songs: For One Voice with Forte Piano Accompaniment]. Moscow, Muzgiz Publ., 1957. 375 p. (In Russ.)

Bakhmatov A. A. et al. *Russkie v Komi-Permyatskom okruge: obryadnost' i fol'klor: materialy i issledovaniya* [Russians in Komi-Permyak Okrug: Rites and Folklore: Materials and Studies]. Perm, 'OTiDO' Publ., 2008. 502 p. (In Russ.)

Belavin A. M. et al. *Voyna i pesnya. Soldatskie i voennye pesni v fol'klornoy traditsii Prikam'ya* [War

and Song: Soldiers' and Military Songs in the Folklore Tradition of Prikamye]. Perm, Perm State Pedagogical University Press, 2005. 200 p. (In Russ.)

Burnashev V. P. *Opyt terminologicheskogo slovaryaya sel'skogo khozyaystva, fabrichnosti, promyslov i byta narodnogo* [Experience of the Terminological Dictionary of Agriculture, Manufacturing, Crafts, and Everyday Life of the People]. Comp. by V. P. Burnashev. St. Petersburg, K. Zhernakov's Publishing House, 1844, vol. 2. 415 p. (In Russ.)

Gavrilova T. I. *Terminologiya pokhoronno-pominal'nogo obryada v etnolingvisticheskom osveshchenii: na materiale Kurskogo regiona*. Diss. kand. filol. nauk [Terminology of the funeral-memorial ritual in the light of ethnolinguistics. Cand. philol. sci. diss.]. Belgorod, 1997. 207 p. (In Russ.)

Gistoriya Sveyskoy voyny (Podennaya zapiska Petra Velikogo) [History of the Sweden War (Daily Notes of Peter the Great)]. Comp. by T. S. Maykova, ed. by A. A. Prezhenskiy. Moscow, Krug' Publ., 2004, issue 1. 631 p. (In Russ.)

Golikova S. V. *Rekrutchina kak sotsiokul'turnoe yavlenie (po materialam Urala 18–19 vv.)* [Conscription as a sociocultural phenomenon (based on the Ural materials of the 18th – 19th centuries)]. Yekaterinburg, Institute of History and Archeology UB RAS Press, 2021. 264 p. (In Russ.)

Gol'tsev V. A. *Vnutrennee obozrenie [aprel']* [Internal review [April]]. *Russkaya mysl'* [Russian Mind], 1880, issue 4. Available at: http://az.lib.ru/g/golxcw_w_a/text_1880_04_vnutr_obozrenie_old_orfo.shtml. (accessed 18 Jul 2022). (In Russ.)

Gura V. V. *Narodnoe ustno-poeticheskoe tvorchestvo Vologodskogo kraja: skazki, pesni, chastushki* [Poetic Folklore of the Vologda Region: Fairy Tales, Songs, Chastushkas: in 2 vols.]. Arkhangelsk, 1965. Available at: https://www.booksite.ru/ancient/mode/culture_03_18.htm (accessed 18 Jul 2022). (In Russ.)

Gura A. V. *Terminologiya severnorusskogo sva-debnogo obryada (na obshchestvennom fone)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Terminology of the Russian North wedding rite (against the public background). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1978. 18 p. (In Russ.)

Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 5th ed., rev. and exp. Nazran, Pilgrim Publ., 2010. 376 p. (In Russ.)

Kormina Zh. V. *Provody v armiyu v poreformennoy Rossii. Opyt etnograficheskogo analiza* [Seeing-off to the Army in Post-Reform Russia. Experience of Ethnographic Analysis]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005. 374 p. (In Russ.)

Koroleva S. Yu., Bryukhanova M. A. *Cherdynskaya pokhoronno-pominal'naya prichet': bytovanie, obryadovaya leksika, motiv vestki-gramotki* [Traditional funeral laments of Cherdyn area: Current status, ritual lexis, 'letter-message' motif]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 2, pp. 16–29. (In Russ.)

Korsunov A. *Opyt istorii otravleniya lichnoy voinskoy povinnosti v Rossii ot nachala gosudarstva do izdaniya rekrutskogo ustava, s 862 po 1831 god. Soch. deystvitel'nogo studenta prav Aleksandra Korsunova* [Experience of the History of the Personal Military Service in Russia from the Beginning of the State to the Publication of the Conscription Charter, from 862 to 1831. Essay of a Student of Law]. St. Petersburg, 1850. 141 p. (In Russ.)

Larina L. I. *Terminologiya i simbolika obryadovoy pishchi (na materiale Kurskogo sva-debnogo obryada)* [Terminology and symbolism of ritual food (based on the material of the Kursk wedding rite)]. *Fol'klornaya leksikografiya* [Folklore Lexicography], 1995, issue 4, pp. 16–19. (In Russ.)

Lenivov A. K. *Donskoy kazachiy slovar'-leksikon* [The Don Cossacks' Lexicon Dictionary]. Munich, 1971. 326 p. (In Russ.)

Mirtov A. V. *Donskoy slovar': Materialy k izucheniyu leksiki donskikh kazakov: XVII* [The Don Dictionary: Materials for research on Don Cossacks's vocabulary: XVII]. Rostov-on-Don, 1929. 416 p. (In Russ.)

Morozova T. I. *Donskaya kazachka: yazykovye i fol'klornye sredstva voploshcheniya obraza* [Don Cossack woman: Language and folklore means of image personification]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2015, issue 10–1(52), pp. 130–134. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii s 1649 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. St. Petersburg, Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ., 1830, vol. 4 [1700–1712]. 881 p. (In Russ.)

Rossiya. *Zakony i postanovleniya. Svod zakonov Rossiyskoy imperii, povelieniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyy. Izdanie 1915 goda. T. 4: Ustav o voinskoy povinnosti* [Russia. Laws and Regulations. The Code of Laws of the Russian Empire Compiled by Order of the Emperor Nicholas I. Edition of 1915. Vol. 4: The Charter on Military Service]. *Rossiya. Zakony i postanovleniya* [Russia. Laws and Regulations]. Petrograd, 1915. 293 p. (In Russ.)

Solov'ev V. F. *Osobennosti govora donskikh kazakov* [Features of Don Cossacks' Dialect]. St. Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1900. 52 p. (In Russ.)

Fadeev D. I. *Soldatki pervoy mirovoy voyny v sotsial'nykh konfliktakh na primere Simbirskoy gubernii. 1914-1917 gg.* [Mothers and wives of soldiers of World War I in social conflicts in Simbirsk governorate. 1914–1917]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist], 2014, issue 2, pp. 146–155. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka.* [Etymological Dictionary of the Russian language. In 4 vols.]. Transl. from Germ. and suppl. by O. N. Trubachev. 2nd stereot. ed. Moscow, Progress Publ., 1987, vol. 3. 832 p. (In Russ.)

Fin'ko O. S. *Svadebnyy obryad Kubani: opyt etnolingvisticheskogo issledovaniya: monografiya* [Wedding Rite of the Kuban: Experience of Ethnolinguistic Research: Monograph]. Slavyansk-na-Kubani, Branch of Kuban State University in Slavyansk-na-Kubani Press, 2015. 202 p. (In Russ.)

Chernykh A. V. *Povedencheskie normy v rekrutskoy obryadnosti (po materialam Permskogo Prikam'ya)* [Behavioral norms in recruit rites (on the

materials of Perm Prikamye)]. *Muzhskoy sbornik. Vypusk 1. Muzhchina v traditsionnoy kul'ture: Sotsial'nye i professional'nye statusy i roli. Sila i vlast'. Muzhskaya atributika i formy povedeniya. Muzhskoy fol'klor* [Men's Collection. Issue 1. Man in Traditional Culture: Social and Professional Statuses and Roles. Power and Authority. Male Attributes and Forms of Behavior. Male Folklore]. Comp. by I. A. Morozov, ed. by S. P. Bushkevich. Moscow, Labirint Publ., 2001, pp. 142–149. (In Russ.)

Etnografiya: lektzii, chitannye v Imperatorskom Moskovskom universitete [Ethnography: lectures delivered in the Imperial Moscow University]. Nikolay Kharuzin; ed. by Vera and Aleksey Kharuzins. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1903, issue 2: *Sem'ya i rod* [Family and kin]. 340 p. (In Russ.)

Yushkov P. I. *Obychay provodov rekruta* [Recruit seeing-off custom]. *Kungursko-Krasnoufimskiy kray* [Kungur-Krasnoufimsk Region]. Kungur, Iskra Publ., 1926, issues 11–12, pp. 28–31. (In Russ.)

Russian Vocabulary of Recruit Rites in Language and Folklore (based on materials of the 20th–21st centuries)

*The study was funded by a grant of the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00117
'Traditional culture of Russians in the zones of active interethnic contacts of the Urals and the Volga region'*

Yuliya S. Chernysheva

Researcher

**Institute of Humanities Research of the Perm Federal Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences**

13A, Lenina st., Perm, 614990, Russian Federation. yulyachernysheva99@gmail.com

SPIN-code: 1469-5611

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7311-9457>

ResearcherID: AEN-0642-2022

Ivan A. Chernykh

Researcher

**Institute of Humanities Research of the Perm Federal Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences**

13A, Lenina st., Perm, 614990, Russian Federation. iwan_czernych@vk.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4109-5512>

Submitted 22 Jul 2022

Revised 17 Sep 2022

Accepted 21 Sep 2022

For citation

Chernysheva Yu. S., Chernykh I. A. Russkaya leksika rekrutskoy obryadnosti v yazyke i fol'klore (na materialakh XX–XXI vv.) [Russian Vocabulary of Recruit Rites in Language and Folklore (based on materials of the 20th–21st Centuries)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 64–74. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-64-74 (In Russ.)

Abstract. The article analyzes Russian vocabulary of recruit rites in language and folklore based on the materials of the 20th–21st centuries. This lexical layer is practically not studied in Russian science. The purpose of the work is to explore the etymology of the words *rekrut*, *nekrut* (i.e. a recruit, a novice) and the functioning of lexemes used to denote a young man going into the army and his wife (bride). The chronological approach of the study allows us to trace the functioning of the terms of recruit rites from the moment of their appearance in the language and folklore in the 18th century to the present. The analysis is based on data from folklore sources, field materials of ethnographic expeditions, official documents, and fiction.

The entire lexical array was divided into four thematic blocks: 1) the word *rekrut* <recruit> and its derivatives in language and folklore; 2) the word *soldat* <soldier> and its derivatives in language and folklore; 3) lexemes denoting the wife (bride) of a man who has left for the army; 4) other lexemes denoting those who have left for the army. The first block examines the etymology of the word *rekrut* and its derivatives, the peculiarities of the functioning of these lexemes in Russian dialects and folklore sources. The second block contains an analysis of the word *soldat* and the set expressions *ukhodit' / otdavat' v soldaty* (can be literally translated as *to leave to be a soldier / to send somebody to be a soldier*) as used in folklore texts. The third block examines the lexemes denoting the wife (bride, widow) of a soldier in Russian dialects. The fourth block contains other lexemes denoting a person who has left for the army – *prizyvnik*, *novobranets* (i. e. a conscript, newly drafted recruit) etc., and the features of their use in Soviet Russia.

Key words: Russian dialects; *rekrut*; *nekrut*; *soldat*; *soldatka*; recruit; novice; soldier; recruit rites, seeing off to the army; soldier's wife.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1:070:32
doi 10.17072/2073-6681-2022-4-75-84

Журнал «Сибирские записки» как метатекст: система идеологических импликаций (1916–1917 гг.)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края
и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-412-243001*

Александр Юрьевич Горбенко

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
660049, Россия, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89. al_gorbenko@mail.ru

SPIN-код: 7279-9864

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7610-6659>

ResearcherID: ABE-8533-2020

Викентий Владимирович Чекушин

к. филол. н., доцент кафедры журналистики и литературоведения
Сибирский федеральный университет
660041, Россия, г. Красноярск, просп. Свободный, 82а. vikesha@bk.ru

SPIN-код: 9046-3576

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9829-0875>

ResearcherID: AAY-5954-2020

Статья поступила в редакцию 26.07.2022

Одобрена после рецензирования 23.09.2022

Принята к публикации 07.11.2022

Информация для цитирования

Горбенко А. Ю., Чекушин В. В. Журнал «Сибирские записки» как метатекст: система идеологических импликаций (1916–1917 гг.) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 75–84. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-75-84

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструировать систему идеологических импликаций журнала «Сибирские записки», издававшегося с 1916 по 1919 г. в Красноярске последователем «старших» областников Вл. М. Крутовским. Одной из главных целей Крутовского была консолидация местной интеллигенции для решения общественно-политических вопросов сибирского региона. В отличие от большинства других сибирских изданий того времени, в первом номере «Сибирских записок» не содержалось программного манифеста. Именно поэтому для реконструкции идеологических подтекстов был привлечен весь корпус материалов журнала, рассмотренного в качестве метатекста. В начало первого номера было помещено анонимное стихотворение «В горах еще мороз алмазными цепями...», которое можно считать метафорической «заменой» программной статьи. Последняя строфа произведения открывается образом сеятеля, отсылающего читателя к двум классическим претекстам: пушкинскому стихотворению «Свободы сеятель пустынный» и Некрасовскому «Сеятелям». Однако если у Пушкина сеятель безоговорочно пессимистичен, а у Некрасова безрадостная картина настоящего в финале сменяется оптимистическим прогнозом, не локализованным в конкретном времени, то в произведении автора «Сибирских записок» выражена уверенность в том,

что «посевы» просвещения «взойдут» уже «грядущей весной». Ожидание скорых социокультурных перемен обуславливает эксплуатацию и «весенней» метафоры – этот корпус образов регулярно встречается в фикциональных текстах. В неизбежность реформ, которые в ближайшем будущем приведут к улучшению жизни региона, верили и авторы публицистических текстов, однако с начала 1918 г. взгляды авторов журнала претерпевают существенные изменения.

Ключевые слова: журнал «Сибирские записки»; Вл. М. Крутовский; сибирское областничество; метатекст; идеологические импликации.

«Старшее» поколение сибирского областничества (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков и др.) поставило целый ряд значимых и болезненных вопросов, касающихся широкого спектра проблем родного для него региона. Как хорошо известно, один из ключевых вопросов касался необходимости формирования самостоятельной сибирской интеллигенции, которая была бы способна решать насущные проблемы социально-политического характера – такие, например, как штрафная колонизация в Сибири, организация земства и т. д. (хорошо известные пять областнических «вопросов»). С учетом литературоцентризма отечественной культуры (главная фаза которого пришлась на XIX столетие), логично, что одним из ключевых инструментов в этом процессе лидеры «старшей» ветви сибирского патриотизма видели словесность (в широком смысле, а не только художественную литературу, которую они называли «беллетристической»¹), в первую очередь газету, а позднее – журнал.

Обсуждение вопроса о том, насколько решение этой амбициозной задачи оказалось под силу «старшим» областникам, находится за пределами нашей статьи, однако о неудовлетворенности самих «сибирских патриотов» ситуацией можно судить совершенно определенно. Приведем один из множества имеющихся примеров. Уже в XX в., в октябре 1909 г., когда многих соратников Потанина уже попросту не было в живых, он писал сибирской поэтессе и своей будущей второй жене М. Г. Васильевой о том, что «<...> об открытии кружка [речь идет о литературно-артистическом кружке. – А. Г., В. Ч.] убивался, хлопотал именно затем, чтобы создать почву, на которой сибирская молодежь могла встречаться с профессорами и слушать их не только тогда, когда они говорят с эстрады» [Потанин, Васильева 2004: 198]. Иными словами, Потанин, прибегая к излюбленному сибирскими интеллектуалами арсеналу биолого-органицистской метафоры², с горечью констатировал отсутствие демократически устроенных практик коммуникации «сибирской молодежи» и «профессоров». Напомним, что в это время Потанин жил в Томске, который сам характеризовал как «умственн[ую] столиц[у] Сибири» (цит. по: [Томск 1999: 137]). Приведен-

ная цитата свидетельствует о существовавшем дефиците консолидированных общими сибирфильческими идеями интеллектуальных сил даже в Томске, не говоря о других, менее развитых сибирских городах, тем более о такого рода консолидации сил, которая охватывала бы весь чрезвычайно обширный регион.

Яркой попыткой восполнить этот дефицит стало создание журнала «Сибирскія записки»³ (далее – *СЗ*), который был организован в Красноярске в 1916 г. врачом, общественным деятелем, публицистом, младшим последователем Ядринцева и Потанина (а также довольно близким другом последнего) Вл. М. Крутовским⁴. *СЗ*, редакция которых находилась в доме Крутовского, просуществовали до конца 1919 г., после чего были закрыты большевистской властью. Всего вышло 20 номеров: в 1916 и 1918 гг. – по четыре номера, в 1917 и 1919 гг. – по шесть.

В письме к Потанину от 27 февраля 1916 г. Крутовский характеризовал свой вклад в работу журнала так: «Вся контора, редакция и состав <...> журнала – это я один. Я и секретарь, я и сторож, и разносчик, и экспедитор, и писатель, и редактор» [Броднева 2014: 128]⁵. Иными словами, издатель определял редакционную политику журнала и в то же время являлся его активным автором и неутомимым администратором.

Безусловно, от журнала, издававшегося «младшим» областником Крутовским, логично было бы ожидать того, что это будет журнал «с направлением». Тем более показательно, что в первом номере, увидевшем свет в январе 1916 г., отсутствовала программная («передовая») статья либо обращение «От редактора» или «От издателя», которые могли бы содержать изложение взглядов и планов его создателей.

Такого рода дефицит был нетипичен для сибирских журналов, издававшихся в 1910-е гг.⁶ Ограничимся двумя примерами, взятыми из массы имеющихся⁷. Редакция другого красноярского журнала «Сибирская деревня», имевшего подзаголовки «Сельско-Хозяйственный, Кооперативный и Экономический», в самом начале первого номера заявляла о своих культуртрегерских целях (используя привычную для сибирской словесности метафору) – «броса[ть] в темную глушь сибирской деревни лучи столь необходи-

маго ей свѣта», «получая от нея от матеріаль, который такъ дорогъ ему для правильнаго освѣщенія ея нуждъ» [Редакция 1913: 2].

Дебютный номер томского журнала «Сибирскій Студентъ», который имел подзаголовок «литературный и общественно-политический журнал» и начал печататься в мае 1914 г., открывался редакционной статьей. В этой статье ключевая задача сибирской университетской молодежи, которая, по мнению редакции, должна была взять на себя работу по улучшению жизни региона, обозначалась так: «<...> необходима пропаганда организациі разрозненныхъ студенческихъ силъ на почвѣ подготовленія къ будущей общественной дѣятельности и посильнаго изученія родины, выявленія ей [sic! – А. Г., В. Ч.] нуждъ, потребностей широкихъ народныхъ массъ и изысканія путей и способовъ “устроенія жизни родного края» [Редакция 1914: 5]. После этого шло подробное перечисление стоящих перед журналом задач.

Отсутствие схожей с приведенными примерами изложения собственной программы в СЗ тем более показательно (и контрастно по отношению к обилию разного рода манифестов, созданных «старшими» областниками), если учесть, что Крутовский делал упор на трансляцию со страниц своего журнала именно областнических идей. Так, 11 апреля 1916 г. он с удовлетворением писал активно сотрудничавшему с СЗ Потанину о другом авторе журнала – Н. Н. Козьмине: «Вот теперь по моей просьбе он и приготовил мне статьи об областничестве и, так сказать, даст солидное обоснование этому направлению, которое я ставлю в 1-й угол моего издания» [Броднева 2014: 131]. В самом деле, один из разделов СЗ получил название «Областной отдел», а сам Крутовский регулярно помещал в журнале ряд важных и в структурном, и в идейном отношении «Областных обозрений», выходявших под криптонимом В. К. К этим работам создателя журнала примыкали труды по истории областничества, принадлежавшие перу его родного брата Вс. М. Крутовского, а также уже упомянутого Н. Н. Козьмина. Кроме того, в СЗ был напечатан целый корпус сочинений «старших областников», состоявший не только из статей довольно активно сотрудничавшего с журналом Г. Н. Потанина. В СЗ републиковались также некоторые программные статьи Н. М. Ядринцева, а с самого первого номера издания по третий номер за 1917 г. включительно (а также в некоторых номерах и в дальнейшем) в нем по «сериальному» принципу печатались письма Ядринцева к Потанину, ставшие структурным эквивалентом романа (за все четыре года суще-

ствования СЗ в них не было напечатано ни одного произведения этого жанра, что, безусловно, было нетипично для отечественного «толстого» журнала). Наконец, в «Хронике областного движения в Сибири» в начале 1919 г. создатель журнала аттестовал его как «орган и еженедельник» Красноярского союза областников-автономистов. По заявлению Крутовского, журнал «имѣл весьма значительный успѣх среди сельскаго населенія Енисейск. губ.» [В. К. 1919. № 1: 75].

Полемизируя с другими исследователями сибирского областничества, описывающими его как влиятельное общественно-политическое движение, В. И. Шишкин, настаивает на том, что «<...> в концептуальном плане областничество так и не сложилось в систему взглядов, а в организационном отношении до осени 1917 года оно никогда не достигало уровня общественно-политического движения хотя бы регионального масштаба» [Шишкин 2016: 48]. По мнению Шишкина, «большую часть времени сибирское областничество существовало лишь в вербальном виде. Но даже в этом своем качестве оно представляло собой слабо агрегированный набор эмпирических представлений, взглядов и суждений, которые даже лидеры областничества незамысловато именовали всего лишь “сибирскими вопросами”» [там же: 48–49]. Не останавливаясь на содержащихся в этой оценке упрощениях, отметим, что, на наш взгляд, необходимо дифференцировать 1) областничество (прежде всего его «старшую» генерацию) как общественно-политический (а также литературно-критический, эстетический и т. д.) дискурс и 2) областничество как институционализированное «общественно-политическое движение». При таком разграничении стоит признать, что мы действительно едва ли можем говорить об областничестве (понятом в качестве совокупности институционализированных практик) как о сложившемся и успешном, влиятельном феномене, тогда как областнический дискурс вполне сформировался в корпусе трудов «старших» сибирских патриотов, прежде всего Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева⁸.

По словам Б. А. Чмыхало, «“поздние” областники, увлеченные политическими аспектами движения, не обнаруживали большой самостоятельности в разработке проблем “сибирской литературы”». Они лишь комментировали и умеренно модернизировали то, что было заявлено по этому поводу Ядринцевым и Потаниным» [Чмыхало 1992: 165]⁹.

Наконец, отсутствие программных выступлений неверно было бы объяснять цензурными препонами. Любопытно, что в заключительном

номере журнала (который, впрочем, не планировался в качестве такового¹⁰) помещено обращение «От редакции», в котором говорится об отсутствии предварительной цензуры журнала до последнего времени: «Четыре года “Сиб. Зап.” Пользовались свободой печати: при Николаѣ II, при Врѣм. Прав., при Совѣтской власти и ни разу не подвергались никакому замѣчанію или карѣ. Почему теперь журнал отдан предварительной военной цензурѣ – нам неизвѣстно и ничего не объявлено» [Редакция 1919: 115]¹¹.

Итак, в силу разных причин идеологическая программа важнейшего сибирского журнала нигде не была сформулирована эксплицитно, но в то же время двадцать вышедших номеров *СЗ* содержали в себе существенный массив идеологических подтекстов (сложившихся во вполне стройную систему). Не претендуя на исчерпывающий анализ, мы постараемся реконструировать его важнейшие элементы, рассматривая журнал в качестве метатекста¹². Материалом для такой реконструкции послужит весь корпус номеров *СЗ*, прочитанных «насквозь».

Дополнительное основание для такого подхода дает тот факт, что редактор журнала объединял под его обложкой авторов, которых без особой натяжки можно было бы назвать единомышленниками. Как справедливо отмечает Б. А. Чмыхало, печатавшиеся в *СЗ* литераторы «привлекались к сотрудничеству далеко не случайно и даже не в силу безусловного организаторского таланта Крутовского. Содержание литературного отдела “Сибирских записок” – это следствие определенной политики “поздних” областников в области “художества”» [Чмыхало 1992: 160].

В этом смысле исключительно важен тот порядок, в котором располагались слова, составлявшие подзаголовок издания: «“Сибирскія записки”: журнал литературный, научный и политическій». Этот порядок слов имплицитно, но абсолютно недвусмысленно свидетельствовал о том, что в журнале доминировала именно литературная составляющая.

Уже в первом номере *СЗ* содержался художественный текст, который можно считать метафорической «заменой» программной статьи. Речь идет о стихотворении, помещенном в самое начало номера и напечатанном без подписи. Остановимся подробнее на его последней строфе, которую открывает образ сеятеля, вне сомнения, навеянный А. С. Пушкиным: «Выходить сѣятель. Увѣренной рукою // Бросаетъ зерень дождь на грудь земли родной. // И вѣрит сѣятель: – зеленою волною // Взойдетъ посев его грядущею весной...» [Б. п. 1916: 1]. Такое прочтение стихотворения поддерживается не только

фигурой сеятеля, но и наличием других элементов пушкинской топики – «мороза» и «солнца» – уже в его первой строфе: «Въ горахъ еще морозъ алмазными цѣпями // Пытается сберечь свою былую власть, // Но солнце ласку шлет горячими лучами, // И шествуетъ весна могучая, какъ страсть» [там же]. И в то же время анонимное сибирское стихотворение является отчетливо полемическим по отношению к своему претексту.

Если пушкинский сеятель констатирует трагическую обреченность своих попыток дарования свободы, единственным результатом которых становится лишь «потеря времени», то герой сибирского стихотворения «[б]росаетъ зерень дождь на грудь земли родной» «увѣренной рукою» и убежден, что «зеленою волною // Взойдетъ посев его грядущею весной...».

Если учесть еще один несомненный источник анализируемого текста – стихотворение Н. А. Некрасова «Сеятелям» (1876), – картина станет еще более определенной. В таком случае динамическая линия рецепции и трансформации евангельского по своему генезису образа сеятеля выглядит следующим образом. У Пушкина сеятель, являющийся лирическим героем, безоговорочно пессимистичен. У Некрасова, стихотворение которого императивно обращено к сеятелям, безрадостная картина настоящего в финале сменяется оптимистическим прогнозом («Сейте! Спасибо вам скажет сердечное // Русский народ...» [Некрасов. Т. 3: 179]). В произведении автора *СЗ*, где сеятель является персонажем, уверенность укоренена в ближайшем будущем: вновь вспомним его убежденность в том, что «зеленою волной / Взойдет посев его грядущею весной» (в отличие от некрасовского текста, здесь работа сеятеля принесет плоды не когда-либо, а в ближайшем будущем – «грядущею весной»).

Наконец, у Пушкина метафора бесплодной почвы имеет универсальный характер (т. е. *вообще* бесплодной почвы, лишенной какой бы то ни было национально-географической привязки). У Некрасова, проблематизирующего ее «бесплодность», уже задан национальный масштаб («Спасибо вам скажет сердечное *Русский* народ...»). Автор *СЗ*, как нам представляется, продолжает эту тенденцию уменьшения масштаба. Здесь почвой для деятельности сеятеля оказывается, по всей вероятности, Сибирь: он «[б]росаетъ зерень дождь на грудь земли *родной*».

Теперь обратимся к стихотворению К. К. Худякова «Утро первого сева», опубликованному в первом номере журнала за 1918 г. В его последней строфе деятельность деда-сеятеля описана так: «С дѣтской вѣрой, наивно-упорной, //

С вѣрой в лихву сторицею мзды // За простые святые труды, // Из руки заскоружлой и черной // В черноземную глубь борозды // Заронились отборныя зерна...» [Худяков 1918: 22]. Сразу оговоримся, что здесь тема сеятеля как просветителя если и есть, то в гораздо менее явном виде, нежели в предыдущих примерах. Вместе с тем публикация стихотворения в *СЗ*, хронологический контекст и безусловная его включенность в очерченную парадигму стихов о «посеве как просвещении» в русской поэзии XIX–XX вв. дают все основания рассматривать это произведение в нашей перспективе, пусть и в несколько ином ключе.

У Худякова пахарь, в отличие от некрасовских сеятелей, по-пушкински сеет «отборныя зерна» (ср. «живительное семя») и при этом «наивно–упорно» верит в «непушкинский» результат своих трудов. В цитируемой выше третьей строфе Худяков сохраняет синтаксис пушкинского претекста (инверсия и два примыкающих к существительному «рука» эпитета), но несколько переинтерпретирует его семантику, заменяя романтический по своему генезису конфликт обладающего «рукою чистой и безвинной» сеятеля и толпы (в данном случае – «стада») более ранним, скорее руссоистским образом «руки заскоружлой и черной» благородного труженика: «Из руки заскоружлой и черной» вместо «Рукою чистой и безвинной» (как это было у Пушкина)¹³.

К этой же группе произведений примыкает напечатанное во втором номере журнала за 1919 г. металитературное стихотворение Н. Щеглова «Сибирская поэзия» [Щеглов 1919: 22], в котором тема урожая сужается, полностью совпадая с результатами поэтического труда. При этом «мятежный расцвет» сибирской поэзии должен совпасть по времени с приходом весны, которая в этом стихотворении, судя по всему, означает время не только культурного преобразования, но и политических перемен. Позволим себе привести это стихотворение целиком как по причине его малой известности, так и в силу его концептуальной важности:

Она еще робка, она еще бѣдна,
Она еще–бредет избитыми тропами,
Но–как в сырой землѣ тучнѣют сѣмена
И всходят по веснѣ прекрасными цветами,—
Так и она в свой час,—когда придет весна,—
Мятежно расцвѣтет пылающим жар цвѣтом...
Пусть мрак еще глубок, пусть ночь еще темна,
Но уж близка заря и мрак–перед разсвѣтом!

Топика пушкинского стихотворения возникла не только в «литературной» (а именно стихотворной) части *СЗ*. Так, в «Областном обозрении», помещенном в сдвоенном (4–5) номере

журнала за 1917 г., Вл. М. Крутовский с горечью задается вопросом: «Были объявлены драгоценные дары *свободы* [курсив автора. – А. Г., В. Ч.]: свобода личности, свобода слова, свобода печати, неприкосновенность жилища и др. И что же? Во что вылились эти всѣ новоявленные свободы?» [В. К. 1917: 111]. Есть все основания считать выделение курсивом слова «свободы» не только средством, с помощью которого Крутовский акцентирует важную для этой части обозрения категорию, но и сигналом интертекстуальной связи с важнейшим для издаваемого им журнала пушкинским претекстом¹⁴.

Образ сеятеля, безусловно, стал одним из ключевых автоописательных тропов *СЗ*. Именно он, уже и сам по себе щедро наделенный семантикой бескорыстного «просвещения», подвижничества на благо родного края, в отсутствие эксплицированной программы журнала, получил дополнительную смысловую и символическую нагрузку. Этот троп оказался в числе стержневых, инвариантных единиц, «несущих конструкций» журнала как метатекстуальной структуры. Он, несомненно, коррелировал с интенсивно используемой авторами журнала для манифестации идеологических и политических смыслов природной и/или органицистской метафорикой. Остановимся на нескольких показательных и выразительных примерах. В стихотворении В. Кручинина «Такмакъ» состояние скалы метонимически передает социально-политическую ситуацию в стране: «Онѣ [Такмакъ – А. Г., В. Ч.] въ раздумьи стоять надъ желѣзнымъ мостомъ // И кому то грозить своимъ грознымъ перстомъ. // А кругомъ на него жадно смотреть въ упоръ // Безконечная цѣпь окружающихъ горъ, // Словно ждѣть, что: вотъ – вотъ отъ волшебнаго сна // Онѣ проснется, а съ нимъ и родная страна; // И тогда то... тогда только сбудутся сны // О безбѣдномъ житьѣ, о расцвѣтѣ страны!» [Кручинин 1917: 98]. Более того, у Кручинина именно пробуждение сибирского Такмака должно было стать импульсом к началу «расцвета» всей страны, что автоматически выводит Сибирь из положения периферийного региона империи, делая ее источником и центром чаемых социально-политических перемен.

Тема сна станет центральной в стихотворении Ф. Филимонова, носящем характерное название «Весна» и опубликованном в третьем номере журнала за 1917 г., который вышел вскоре после Февральской революции:

Вы мнѣ говорили: «Такъ дни некрасны,
Я жду за потерей–потерю;
Давно я не вѣрю въ волшебные сны,
И въ грезы – и въ сказки не верю».

«Не въ сказки и сны этотъ миръ погружен.
Мнѣ слушать о грезахъ, забавно»...

А развѣ не грезы, не сказка, не сонъ—
Все то, что случилось недавно?!
[Филимонов 1917: 13]¹⁵.

Если наше прочтение подтекстов этого стихотворения верно, то несомненно, что на конфигурацию образа весны здесь повлияли именно события Февральской революции, происходившие в конце зимы – начале весны. Лирический субъект стихотворения называет «сном» происходящие в стране парадигмальные социокультурные изменения, описание которых закамouflировано под диалог с неназванным адресатом. При этом, в отличие от кручининского «Такмака», где сон трактуется как оцепенение, которое необходимо сбросить, здесь описаны «сны наяву», фантазии, которые «недавно» начали воплощаться в реальной жизни.

Ряд подобного рода примеров без труда может быть существенно расширен, однако приведенных, как кажется, достаточно, чтобы заключить, что центральными для манифестации идеологической программы журнала *СЗ* стали два ряда элементов. Первый – образ сеятеля, глубоко укорененный в контексте русской литературы¹⁶, и связанный с ним мотивный комплекс. Ключевыми отличиями трактовки фигуры сеятеля авторами журнала от «столичных» претекстов стали сужение его поля деятельности, ограниченно-го Сибирью, а также преисполненность надеждой на скорые результаты культуртрегерской деятельности. Второй – весна, ставшая одной из важнейших метафор, описывающих неизбежность грядущих социокультурных перемен в Сибири, которые положат начало переменам в общеимперском масштабе. Природная образность будет эксплуатироваться и в последние два года существования *СЗ* (1918–1919), однако ее идеологическая нагрузка заметно изменится после Октябрьской революции и «[к]рушені[я] Сибирской Областной Думы» [В. К. 1918а: 58]. Изменениям идеологических подтекстов журнала, произошедшим в 1918–1919 гг., будет посвящена специальная статья.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: [Чмыхало 1992].

² К. В. Анисимов и А. И. Разуvalова отмечали «значимост[ь] органицистских (климатических и этнологических) построений в областническом наследии <...>» [Анисимов, Разуvalова 2014: 79], однако специально этих «построений» не анализировали, поскольку это не входило в их задачу. Подробному исследованию этого пласта

метафорики сибирских областников один из авторов настоящей статьи планирует посвятить специальную работу.

³ При цитировании *СЗ* (и других журналов) мы придерживаемся текстологического решения, которое, вероятно, требует объяснения. Мы сохраняем и орфографию, и пунктуацию источников, следуя принципам текстологической работы, предложенным и самым тщательным образом обоснованным в новаторских работах выдающегося филолога М. И. Шапира, поддержанным рядом его коллег, прежде всего пушкинистов: И. А. Пильщиковым (в соавторстве с которым написаны некоторые труды Шапира), Н. В. Перцовым [Перцов 2008]; [Перцов, Пильщиков 2011], И. Г. Добродомовым [Добродомов, Пильщиков 2008]. По афористически точной формулировке М. И. Шапира, «письменный, зрительный образ текста входит в его поэтику» [Шапир 2015: 147]. Согласно Шапиру, модернизация текста ведет к недопустимому, особенно в научных изданиях, искажению и семантики, и синтактики, и прагматики последнего (подробнее см.: [Шапир 2000], [Шапир 2009] и др.). Дополнительной причиной сохранения всех возможных особенностей материалов *СЗ* стало наличие довольно существенного количества ошибок и опечаток, обнаруживающихся на страницах журнала (в чем отдавали себе отчет его создатели, периодически сообщая об этих недочетах в обращениях «От редакции»). Текстолог же, как и всякий, кто имеет дело с анализом произведений, написанных с помощью старой орфографии, львиная доля которых к тому после этого не переиздавалась, едва ли должен брать «на себя обязанности корректора» [Шапир 2015: 149], хотя такая практика и широко распространена. Наконец, в *СЗ* регулярно встречаются разночтения, подчас весьма существенные, в названиях материалов: в содержании представлен один вариант заглавия, в основном тексте номера – другой; в списке литературы к нашей статье везде приводятся первые версии заглавий.

⁴ Одним из инвариантов журнала с самого начала стала тема консолидации (кооперации, объединения, организации) разрозненных (разобщенных, «распыленных») сил. Так, идеологическим ядром первого номера (как и практически всех остальных номеров) «Сибирских записок», несомненно, был «Областной отдел», в состав которого, в числе прочего, вошли программная статья Потанина «Изъ недавняго прошлаго» [Потанин 1916], а также очерки Д. И. Илимского, носящие характерное название «Отъ распыленности къ организаціи» и имевшие подзаголовок «Очерки сибирской кооперации» [Илимский

1916]. О необходимости кооперации говорил в этом же номере и К. И. Морозов, обсуждавший в статье «Текущая жизнь» (тоже включенной в «Областной отдел») причины возникшей в Российской империи во время Первой мировой войны «дороговизны» и приходивший к выводу о том, что «[д]ля правильной <...> постановки борьбы с дороговизной, принцип общественности должен быть руководящим во всех мероприятиях, и только тогда можно говорить о возможности планомерной организации и правильно построенных планах» [Морозов 1916: 137]. Этот тематический вариант пронизывает все номера СЗ, с той оговоркой, что на втором этапе существования журнала (1918–1919 гг.) идея объединения и консолидации соединяется с горечью авторов от упущенных возможностей и несбывшихся надежд на их осуществление.

⁵ Ср. в написанном рукою Крутовского обращении «От редакции», помещенном в первом номере за 1919 г.: «<...> редактором и издателем “Сибирских Записок” все время с первого и до послѣдняго дня состоял В. М. Крутовскій и никто другой. Никакого редакціоннаго коллектива не было, а при журналѣ был очень малочисленный кружок друзей сотрудников, которые не оставляют журнал и теперь» [Редактор 1919: 2].

⁶ Кроме того, вспомним, что журнал существовал в эпоху, которую можно назвать «эпохой манифестов», создававшихся самыми разными литературными, политическими и другими силами.

⁷ Мы ограничиваемся теми изданиями, в названиях которых, как и в случае «Сибирских записок», есть эпитет «сибирский», а значит, обращенность к кругу «местных» вопросов манифестирована уже на уровне заглавия. Одновременно с этим взяты совершенно разноплановые по содержанию издания.

⁸ Показательно, что, аргументируя свой тезис, В. И. Шишкин не различает дискурсивный и практический аспекты: «Одни из них довольно объективно отражали реальное положение сибирской окраины в составе Российской империи в ее недавнем историческом прошлом и настоящем, другие являлись футуристическими мечтаниями и ожиданиями, плохо коррелировавшими с действительностью, возможностями и перспективами развития России начала нового, XX века» [Шишкин 2016: 49].

⁹ По мнению исследователя, «некотор[ым] исключение[м]» можно считать статью К. Дубровского «И. В. Омуревский и его “Шаг за шагом” (По поводу 75-летия со дня рождения)» [Чмыхало 1992: 165], в которой содержится принципиальная полемика с ключевой для литературно-критического дискурса «старших» областников

работой Г. Н. Потанина «Роман и рассказ в Сибири» (1876).

¹⁰ На последней странице оказавшегося последним шестого номера за 1919 г. помещено объявление: «Открыта подписка на 1920-й год (5-й год издания) на литературный, научный и политический журнал “Сибирские Записки”».

¹¹ Хотя цензурное давление на журнал, безусловно, оказывалось. Например, в четвертом номере за 1918 г. Крутовский отмечал, что авторы журнала имели возможности писать о «самоубійств[е] Сибирск[ой] Областн[ой] Дум[ы]» и прекратившей свое существование «Сибирск[ой] автономі[и]», «так как вмѣстѣ с сибирской автономіей погибла и свобода сибирской печати. Мы можем сослаться сейчас лишь на официальные сообщенія, не касаясь даже правдивости истинной фактичности послѣдних» [В. К. 19186: 90].

¹² Мы основываемся на понимании метатекстовых структур, предложенном В. С. Киселевым. См.: [Киселев 2006]. Необходимо оговориться, что исследователь работал с более ранними периодами развития русской литературы, однако предложенный им подход представляется релевантным и в нашем случае.

¹³ Ср. также «В черноземную глѣбь борозды» у Худякова и «В порабощенные бразды» у Пушкина [Т. 2: 145].

¹⁴ Ср. повтор «пушкинской» пары «дары свободы» / свобода как дар в следующем же предложении: «Свобода личности явилась даромъ только для лицъ, близко стоящихъ къ комитетамъ и партійнымъ организаціямъ» [В. К. 1917: 111].

¹⁵ Из приведенных примеров хорошо видно, что стихотворная продукция «Сибирских записок», как правило, эксплуатировала топику, которую К. В. Анисимов удачно назвал «[т]ранслирующ[ей]ся “из центра” номенклатур[ой] стереотипных образов Сибири» [Анисимов 2006. С. 141] и которую подвергали резкой критике Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев (подробнее об этом см., например: [Анисимов 2005]). По словам Б. А. Чмыхало, «[и]менно в поэзии “сибирская литература” обнаруживала банальную зависимость от “образцов”. И именно в поэзии проявлялась антихудожественная по существу роль “сибирской тенденции”» [Чмыхало 1992: 166].

¹⁶ Корпус претекстов едва ли ограничивается кругом поэтических произведений, ставших классическими. Специального изучения, безусловно, заслуживает вопрос о генетическом или типологическом характере связи поэтического корпуса СЗ с обширной традицией крестьянской поэзии, идущей от А. В. Кольцова и И. С. Никитина к И. З. Сурикову, участникам Суриковского литературно-музыкального кружка (которых

Н. В. Поселягин точно характеризует как представителей «мимикрического» типа культуры) и их многочисленным коллегам, позиционировавшим себя в литературном поле в качестве авторов «из народа». Другим направлением исследования должно стать рассмотрение стихотворной (и публицистической) продукции СЗ в перспективе народнического дискурса. Однако обсуждение всех этих вопросов выходит за рамки задач, стоящих перед авторами данной статьи.

Список источников

- [Б. п.] Вь горахъ еще морозъ // Сибирскія записки. 1916. № 1. С. 1.
- Броднева А. В. Кто вы, доктор Крутовский? Красноярск: Литера-Принт, 2014. 278 с.
- В. К. Областное обозрѣніе // Сибирскія записки. 1917. № 4–5. С. 103–112.
- В. К. Областное обозрѣніе // Сибирскія записки. 1918а. № 1. С. 55–65.
- В. К. Областное обозрѣніе // Сибирскія записки. 1918б. № 4. С. 89–96.
- В. К. Хроника областного движенія въ Сибири // Сибирскія записки. 1919. № 1. С. 70–76.
- Илимский Дм. Отъ распыленности къ организації (Очерки сибирской кооперации) // Сибирскія записки. 1916. № 1. С. 140–151.
- Кручинин В. Такмакъ // Сибирскія записки. 1917. № 2. С. 115.
- Морозов К. И. Текущая жизнь // Сибирскія записки. 1916. № 1. С. 128–139.
- Некрасов Н. А. Собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.; СПб.: Наука, 1981–2000.
- Потанин Г. Н. Изъ недавняго прошлаго // Сибирскія записки. 1916. № 1. С. 121–127.
- Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Запад.-Сиб. книж. изд-во, 1983. Т. 6. 336 с.
- Потанин Г. Н. Роман и рассказ в Сибири // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Запад.-Сибир. книж. изд-во, 1986. Т. 7. С. 219–238.
- Потанин Г. Н., Васильева М. Г. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: Переписка / сост. Н. В. Васенькин, Г. И. Колосова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 418 с.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1977–1979.
- Редактор. От редакціи // Сибирскія записки. 1919. № 1. С. 2.
- Редакция. Отъ редакціи // Сибирская деревня. 1913. № 1. С. 2.
- Редакция. Передовая // Сибирскій Студентъ. 1914. № 1. Стб. 1–8.
- Редакция. От редакціи // Сибирскія записки. 1919. № 6. С. 115.

Томск: история города от основания до наших дней / отв. ред. Н. М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 432 с.

Филимонов Ф. Весна // Сибирскія записки. 1917. № 3. С. 13.

Щеглов Н. Сибирская поэзія // Сибирскія записки. 1919. № 2. С. 22.

Список литературы

Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.

Анисимов К. В. Типологические аспекты русской литературы Сибири XIX – начала XX века // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3. С. 141–148.

Анисимов К. В., Разуvalова А. И. Два века – две грани сибирского текста: областники vs. «деревенщики» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1(27). С. 75–101.

Добродомов И. Г., Пильщиков И. А. Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки. М.: Языки слав. культур, 2008. 312 с.

Киселев В. С. Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII – первой трети XIX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 544 с.

Перцов Н. В. О соотношении письменной и устной форм поэтического языка: (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // Вопросы языкознания. 2008. № 2. С. 30–56.

Перцов Н. В., Пильщиков И. А. О лингвистических аспектах текстологии // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 3–29.

Чмыxало Б. А. Молодая Сибирь: Регионализм в истории русской литературы. Красноярск: КГПИ, 1992. 200 с.

Шапир М. И. О текстологии «Евгения Онегина» (орфография, поэтика и семантика) // Шапир М. И. Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. М.: Языки рус. культуры, 2000. Кн. 1. С. 224–240.

Шапир М. И. Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина // Шапир М. И. Статьи о Пушкине / сост. Т. М. Левина: изд. подгот. К. А. Головастиков, Т. М. Левина, И. А. Пильщиков; под общ. ред. И. А. Пильщикова. М.: Языки слав. культур, 2009. С. 265–274.

Шапир М. И. Между грамматикой и поэтикой (О новом подходе к изданию Даниила Хармса) // Шапир М. И. Universum versus: Язык – стих –

смысл в русской поэзии XVIII–XX веков / под ред. А. С. Белоусовой и В. С. Полиловой, при участии С. Г. Болотова и И. А. Пильщикова. М.: Языки славянской культуры, 2015. Кн. 2. С. 145–150.

Шушкин В. Сибирское областничество в контексте революционных событий марта–октября 1917 года // *Acta Slavica Iaponica*. 2016. Tomus. 37. P. 47–71.

References

Anisimov K. V. *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Poetics of the Literature of Siberia in the 19th – early 20th Centuries: Features of the Formation and Development of the Regional Literary Tradition]. Tomsk, Tomsk State University Press, 2005. 304 p. (In Russ.)

Anisimov K. V. Tipologicheskie aspekty russkoy literatury Sibiri XIX – nachala XX veka [Typological aspects of Russian literature of Siberia of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Rossiyskogo Gumanitarnogo Nauchnogo Fonda* [Vestnik of the Russian Science Foundation for the Humanities], 2006, issue 3, pp. 141–148. (In Russ.)

Anisimov K. V., Razuvalova A. I. Dva veka – dve grani sibirskogo teksta: oblastniki vs. 'derevenshchiki' [Two centuries – two versions of the Siberian text: regionalists vs. 'village-prose writers']. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2014, issue 1 (27), pp. 75–101. (In Russ.)

Dobrodomov I. G., Pil'shchikov I. A. *Leksika i frazeologiya 'Evgeniya Onegina': Germenevticheskie ocherki* [Vocabulary and Phraseology of 'Eugene Onegin': Hermeneutical Essays]. Moscow, LRC Publishing House, 2008. 312 p. (In Russ.)

Kiselev V. S. *Metatekstovye povestvovatel'nye struktury v russkoy proze kontsa XVIII – pervoy treti XIX veka* [Metatextual Narrative Structures in Russian Prose of the Late 18th – First Third of the 19th Century]. Tomsk, Tomsk State University Press, 2006. 544 p. (In Russ.)

Pertsov N. V. O sootnoshenii pis'mennoy i ustnoy form poeticheskogo yazyka: (K voprosu o funktsional'noy nagruzhenosti starogo russkogo

pravopisaniya) [The correlation between written and oral forms of poetic language (On the question of the functional load of the old Russian spelling)]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 2008, issue 2, pp. 30–56. (In Russ.)

Pertsov N. V., Pil'shchikov I. A. O lingvisticheskikh aspektakh tekstologii [On the linguistic aspects of textology]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 2011, issue 5, pp. 3–29. (In Russ.)

Chmykhalo B. A. *Molodaya Sibir': Regionalizm v istorii russkoy literatury* [Young Siberia: Regionalism in the History of Russian Literature]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical Institute Press, 1992. 200 p. (In Russ.)

Shapir M. I. O tekstologii 'Evgeniya Onegina' (orfografiya, poetika i semantika) [On the textology of 'Eugene Onegin' (orthography, poetics and semantics)]. Shapir M. I. *Universum versus: Yazyk – stikh – smysl v russkoy poezii XVIII–XX vekov* [Universum versus: Language – Verse – Meaning in the Russian Poetry of the 18th–20th Centuries]. Moscow, Languages of the Russian culture Publ., 2000, book 1, pp. 224–240. (In Russ.)

Shapir M. I. Ob orfograficheskom rezhime v akademicheskikh izdaniyakh Pushkina [On the spelling regime in Pushkin's definitive editions]. Shapir M. I. *Stat'i o Pushkine* [Articles about Pushkin]. Ed. by I. A. Pil'shchikov. Moscow, LRC Publishing House, 2009, pp. 265–274. (In Russ.)

Shapir M. I. Mezhdru grammatikoy i poetikoy (O novom podkhode k izdaniyu Daniila Kharmisa) [Between grammar and poetics (On a new approach to the publication of Daniil Kharmis' texts)]. Shapir M. I. *Universum versus: Yazyk – stikh – smysl v russkoy poezii XVIII–XX vekov* [Universum Versus: Language – Verse – Meaning in Russian Poetry of the 18th–20th Centuries]. Ed. by A. S. Belousova, V. S. Polilova with participation of S. G. Bolotov and I. A. Pil'shchikov. Moscow, LRC Publishing House, 2015, book 2, pp. 145–150. (In Russ.)

Shishkin V. Sibirskoe oblastничество v kontekste revolyutsionnykh sobytii marta – oktyabrya 1917 goda [Siberian regionalism in the context of the revolutionary events of March – October 1917]. *Acta Slavica Iaponica*, 2016, vol. 37, pp. 47–71. (In Russ.)

‘Siberian Notes’ Journal as a Metatext: the System of Ideological Implications (1916–1917)

The research was funded by the RFBR, Krasnoyarsk Territory
and Krasnoyarsk Regional Science Foundation, project No. 20-412-243001

Alexander Yu. Gorbenko

Associate Professor in the Department of World Literature and Teaching Methods

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev

89, Lebedeva st., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation. al_gorbenko@mail.ru

SPIN-code: 7279-9864

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7610-6659>

ResearcherID: ABE-8533-2020

Vikentiy V. Chekushin

Associate Professor in the Department of Journalism and Literature

Siberian Federal University

82a, prospekt Svobodnyi, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation. viksha@bk.ru

SPIN-code: 9046-3576

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9829-0875>

ResearcherID: AAY-5954-2020

Submitted 26 Jul 2022

Revised 23 Sep 2022

Accepted 07 Nov 2022

For citation

Gorbenko A. Yu., Chekushin V. V. Zhurnal ‘Sibirskie zapiski’ kak metatekst: sistema ideologicheskikh implikatsiy (1916–1917) [‘Siberian Notes’ Journal as a Metatext: the System of Ideological Implications (1916–1917)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 75–84. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-75-84 (In Russ.)

Abstract. The article attempts to reconstruct the system of ideological implications of the *Siberian Notes* journal published from 1916 to 1919 in Krasnoyarsk by Vl. M. Krutovsky, a follower of the ‘senior’ regionalists. One of Krutovsky’s main goals was to consolidate the local intelligentsia to solve social and political issues of the Siberian region. Unlike most other Siberian publications of that time, the first issue of *Siberian Notes* did not contain a program manifesto. That is why the study involves the entire corpus of the journal’s materials, considered as a metatext, to reconstruct ideological subtexts. At the beginning of the first issue was published the anonymous poem *Yet frost holds mountains in his diamond chains...*, which can be considered a metaphorical ‘replacement’ for a program article. The last stanza of the poem opens with the image of a sower, referring the reader to two classical pretexts: Pushkin’s poem *As freedom’s sower in the wasteland* and Nekrasov’s *To Sowers*. However, while Pushkin’s sower is unambiguously pessimistic and Nekrasov’s dismal picture of the present gives way to an optimistic forecast not localized in a specific time, the work of the author from *Siberian Notes* expresses confidence that the ‘crops’ of enlightenment will ‘sprout’ as soon as in the ‘coming spring’. The expectation of imminent socio-cultural changes determines the exploitation of ‘spring’-related metaphors – this corpus of images is regularly found in fictional texts. Journal authors believed in the inevitability of reforms, which were expected to improve the life of the region in the near future, but, from the beginning of 1918, significant changes are noted in the opinions expressed in the journal.

Key words: *Siberian Notes*; Vl. M. Krutovsky; Siberian regionalism; metatext; ideological implications.

УДК 821.111

doi 10.17072/2073-6681-2022-4-85-93

«Внутренний» другой в творчестве Джона Фаулза

Зульфия Рафисовна Зиннатуллина**к. филол. н., доцент кафедры зарубежной литературы****Казанский (Приволжский) федеральный университет**

420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18. zin-zulya@mail.ru

SPIN-код: 5457-3364

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1616-9911>

ResearcherID: D-3531-2015

*Статья поступила в редакцию 26.08.2022**Одобрена после рецензирования 02.09.2022**Принята к публикации 21.10.2022***Информация для цитирования***Зиннатуллина З. Р. «Внутренний» другой в творчестве Джона Фаулза // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 85–93. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-85-93*

Аннотация. В творчестве английского писателя Джона Фаулза проблема национального является одной из главных. Это отразилось как в его художественных произведениях, так и в эссеистике. В данной статье рассматривается роль образа «внутреннего» другого в процессе выстраивания его концепции «английскости». В своем эссе «Быть англичанином, а не британцем» писатель, анализируя отношения англичан с жителями Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии, ставит валлийцев, шотландцев и ирландцев в один ряд с австралийцами и американцами, указывая, однако, на их взаимозависимость с англичанами. В повести «Башня из черного дерева» (“The Ebony Tower”) и романе «Червь» (“A Maggot”) в качестве «внутреннего» другого выступают валлийцы Генри Бресли и Дэвид Джонс. Они наделяются такими типичными валлийскими чертами характера, как склонность к выпивке, алчность и хитрость. Оба эти персонажа представлены через восприятие героев-англичан, что позволяет автору обыгрывать стереотипы, фигурирующие среди англичан относительно валлийцев. В романе «Женщина французского лейтенанта» (“French Lieutenant’s Woman”) присутствует ирландец доктор Гроган, которому главный герой Чарльз Смитсон также приписывает черты ирландского национального характера. В то же время Гроган выступает в качестве своеобразного арбитра, пытаясь объяснить поведение героев с научной точки зрения. В романе «Даниэль Мартин» (“Daniel Martin”) к своим шотландским корням апеллирует актриса Дженни. Однако впоследствии она отказывается от них ради «американскости», теряя таким образом свою идентичность.

Ключевые слова: «внутренний» другой; английскость; Фаулз; стереотип; национальный характер; валлиец; ирландец; шотландец.

Значение этничности в современную эпоху обусловлено значимостью государства в индивидуальных и межгрупповых отношениях. Несмотря на ожидания некоторых исследователей относительно того, что концепция государства становится устаревшей из-за формирования надгосударственных региональных систем [Урри 2012], например Европейского Союза, фактически люди все еще живут в системах национальных государств, в которых обычно доминирует какая-либо этническая группа или группа боль-

шинства [Chee Beng 2000]. В связи с этим в современном государстве возникает необходимость выстраивания отношений между представителями различных этнических групп внутри себя для дальнейшего существования в рамках легитимности, так как исторические территории самых разных этносов могут быть закреплены в рамках единого государства. Таким образом, на формирование этнической группы и этническую идентификацию неизбежно влияет характер отношений между этническими группами в госу-

дарстве. Такой формат сосуществования этносов определяется термином «внутренней дружности» или «внутренней инаковости» (“*internal other*”). Географ Д. Янссон называет это «внутренним ориентализмом» (*internal orientalism*), используя термин, введенный литературоведом и культурологом Эдвардом Вади Саидом [Jansson 2003]. Исследователи К. Джонсон и А. Коулман так определяют идею внутреннего другого: «Намеренное позиционирование отличающегося от остальных региона, противостоящего национальным нормам и ценностям» [Джонсон, Коулман 2012: 108]. В ситуации полиэтничных государств «внутренними» другими становятся представители других этносов, которые фактически являются согражданами, но чьи ценности, традиции, язык и т. д. отличаются. В случае с англичанами «внутренними» другими становятся валлийцы, шотландцы и ирландцы. Исследователи Л. Ф. Хабибуллина, Т. Н. Бреева выделяют два этапа взаимоотношения англичан с «внутренними» другими: «Этот процесс разворачивается как минимум в два этапа. Для первого характерно осмысление этнических различий и определения национальных черт “другого”. Для второго – преодоление противоречий и выработка идеологической основы для существования в рамках единого государственного пространства» [Хабибуллина, Бреева 2020: 71].

Для Джона Фаулза, в чьем творчестве проблема национального является одной из главных, взаимоотношения с этническими и национальными другими становятся важной составляющей национальной самоидентификации. Еще в своем эссе «Быть англичанином, а не британцем» (1964) писатель разрабатывает важное для его концепции понятие «английскость» [Baker 1981; Hurwitz 2015; Kumar 2003]. Здесь Джон Фаулз выделяет два концептуальных образа: Зеленая Англия и Красно-сине-белая Британия. Для Дж. Фаулза истинный англичанин – это Справедливый Разбойник, чье лицо и мысли можно увидеть только в лесу, среди деревьев, при выходе из своего укрытия надевающий маску ханжи или безучастного зрителя. Если Англия – Справедливый Разбойник, то Британия – Ноттингемский Шериф. Девизом этой страны, по мнению писателя, стало: «Британия есть и должна быть сильнее любой другой страны мира» [Фаулз 2004: 144]. Она умело использует чисто английские черты, прикрывая свое применение силы идеей справедливости, и «получает отличную возможность очиститься изнутри, благодаря добродетельности английских целей» [Фаулз 2004: 145]. Согласно Дж. Фаулзу, появление Британской империи сильно повлияло на формирование английского национального характера: оно

заставило англичан строить какие-либо взаимоотношения с представителями других этносов, хотя это не всегда соответствовало островной психологии первых [Conradi 1982; Wilson 2006; Hurwitz 2015]. Как отмечает исследователь Т. Л. Селитрина: «По мнению писателя, все другие народы тратят уйму времени, чтобы идентифицировать себя, а англичанам напротив нужна не идентификация, а реконструкция» [Селитрина 2015: 219]. В результате, в своих произведениях Джон Фаулз часто апеллирует к образу другого для акцентирования «английскости». Так, в романе «Женщина французского лейтенанта» (1969) писатель обращается к викторианскому противопоставлению английской нации и нации-соперника – французов. В другом его произведении – «Даниэле Мартине» (1977) – «американскость» выступает в качестве своеобразного фона для «английскости» главного героя.

В такой ситуации интересным является то, что «внутренние» другие рассматриваются Джоном Фаулзом как «истинные» другие и также противопоставляются англичанам. В своем эссе «Быть англичанином, а не британцем» Дж. Фаулз пишет: «Шотландцы, уэльсцы и ирландцы не более (но и не менее) англичане, чем австралийцы или американцы» [Фаулз 2004: 148]. Таким образом, писатель подчеркивает различие между кельтами и англо-саксами, хотя сам же и замечает, что географическая близость все-таки заставила представителей трех наций позаимствовать у англичан определенные качества: «Вдобавок он может столь же щедро вкусить от английских идеалов и ими заразиться, но создается впечатление, что на такой риск каждый идет весьма охотно» [Фаулз 2004: 147]. Анализируя отношения этих четырех наций, писатель констатирует, что они остаются взаимосвязанными и в какой-то степени необходимыми друг другу. Тем не менее для Фаулза очевидна ведущая роль англичан: «Веками англичанам приходилось мириться с агрессивным национализмом трех остальных четвертей, составляющих вместе с ними Соединенное Королевство. Эти три страны так никогда и не простили Англию за то, что она когда-то их “завоевала”; не простили по той, разумеется, причине, что в тот самый миг, как они это делают, им придется отказаться от отмщения. Они чувствуют себя счастливее всего, когда работают кулаками, а англичане, как хорошо известно любому исследователю феномена самобичевания, в свою очередь чувствуют себя счастливее всего, когда их молотят кулаками» [Фаулз 2004: 147].

Такая тесная взаимосвязь отражается и в произведениях Дж. Фаулза. Чаще его герои не являются истинными представителями исключительно одной нации.

В частности, в герое повести «Башня из черного дерева» (1974) Генри Бресли течет валлийская кровь: «Дэвид знал, что по матери Бресли – валлиец, что в годы войны он жил в графстве Брекнокшир; но он не знал, что старик бережно хранит память об этом крае и тоскует по его холмам» [Фаулз]. Интерес писателя к валлийцам можно объяснить тем, что в 1960-е гг. на фоне активизации борьбы за свободу Каталонии и Страны Басков, а также снижения влияния тори, усиливаются валлийские и шотландские национальные движения [Colley 1992: 313]. Сам Бресли – довольно сложный образ и не является носителем черт только валлийского национального характера. Автор акцентирует его наднациональное начало (место жительства, взгляды на искусство и его собственное творчество), противопоставляя его жителям Британских островов: «Родился в 1896 году; студент Слейда в славный период господства там школы Стиров и Тонкса, рьяный пацифист, когда пришло время – это было в 1916 году – призыва в армию; год 1920-й застал его в Париже (с Англией он духовно порвал навсегда)» [Фаулз]. Это позволяет указать на определенную автобиографичность данного образа, так как сам писатель позиционировал себя как «мега-европейца». В то же время с Англией у него неоднозначные отношения: «Не спорьте с ним об Англии и англичанах, избегайте разговоров о его пожизненном изгнании. Он не выносит, когда ему напоминают о том, что он, возможно, упустил» [Фаулз]. С одной стороны, Генри не принимает ее отказ от новых тенденций, замкнутость в себе, но, с другой стороны, именно находясь на расстоянии, художник приходит к пониманию, что своим поведением он всего лишь пытался казаться не тем, кто есть на самом деле, он играл роль, т. е. проявил себя как англичанин. Это подчеркивается и фразой: «Хитрый старый изгой, прячущийся за яркой ширмой озорника и космополита, так же, наверное, неотделим от своей родины, как Робин Гуд» [Фаулз], которая сразу отсылает нас к эссе Дж. Фаулза «Быть англичанином, а не британцем», где Робин Гуд, прячущийся в лесу, становится символом «английскости». Несмотря на такое наслоение, в этом образе можно выделить и валлийское начало. Во-первых, внешность Генри – довольно типичная для валлийцев: «Голова совершенно седая, но в бровях еще сохранились темные волоски; нос луковицей, губы сложены в обманчиво капризную гримасу, на загорелом лице – серо-голубые, с мешками, глаза. Движения преувеличенно энергичные, точно он сознавал, что силы у него уже на исходе; меньше ростом и стройнее, чем Дэвид представлял его себе по фотографиям» [Фаулз]. Светлые

глаза, темные волосы, коренастость – типичный портрет валлийца.

Любовь Генри к алкоголю также может быть рассмотрена как отсылка к его национальной принадлежности, так как это является одной из черт, приписываемых валлийцам: «Англичане нередко смеются над тягой валлийцев к выпивке, пусть и не в таких огромных объемах, как у безудержных шотландцев» [Рыхтик, Жерновая 2011: 157].

Для валлийцев также характерны такие черты, как национальная гордость, стремление к свободе и независимости. Часто это проявляется в трепетном отношении валлийцев к родному языку и культуре (например, Акт о валлийском языке, принятый в 1993 г., согласно которому валлийский приравнивается английскому на территории Уэльса; фестиваль песни Айстеддвод). В образе Генри это трансформируется в умение сохранять свою индивидуальность: «Можно лишь удивляться, сколько национального духа сохранилось в нем за долгие годы эмиграции, как стойко он сопротивлялся вторжению французской культуры» [Фаулз]. Даже на протяжении многих лет живя в другой стране, художник не потерял своего лица, сумел создать «свое» пространство, которое отражает его индивидуальность. Уединенность Котминэ, наличие таблички с запретом и замок, висящий на воротах, своеобразный интерьер – все это отражает внутренний мир героя, его уникальность.

Таким образом, можно говорить о том, что на становление личности Генри Бресли в определенной степени повлияло и его валлийское происхождение.

Следующим произведением Дж. Фаулза, где присутствует образ валлийца, является роман «Червь» (“A Maggot”, 1985). Важно отметить, что действие в произведении разворачивается в XVIII в., так как эта эпоха – время начала формирования понятия «мы» (чему во многом способствовало принятие Акта об Унии в 1707 г. и возникновение Великобритании). Как отмечает исследователь Дж. Тост, процесс создания нации является важным аспектом общества, который следует учитывать в начале 1700-х гг., когда Великобритания только начинала формироваться и объединяться. В этот момент было много угроз британскому единству. Внутренняя проблема заключалась в том, как успешно объединить четыре разных региона – Англию, Уэльс, Шотландию и Ирландию [Toste 2011: 13]. В данный исторический период отношения между англичанами и валлийцами являются довольно неоднозначными. С одной стороны, после заключения парламентами Англии и Шотландии Акта об Унии в 1707 г. в стране началась масштабная

пропаганда положительных сторон объединения в одно государство. В этом плане официальная власть обращается к тем явлениям, которые изначально представляют предмет гордости валлийцев: древность их рода, язык и религия. С другой стороны, у англичан все же сохраняется определенное чувство превосходства, что отражается в некоторой степени пренебрежительном отношении к валлийцам. Дэвид Джонс из романа Дж. Фаулза – актер театра, который в компании путников сопровождает мистера Бартоломью в его поездке. В отличие от Генри Бресли, этот образ более концептуальный. Апелляция к национальности этого персонажа в романе начинается на уровне имени. Во-первых, Джонс – одно из самых распространенных валлийских имен. Во-вторых, почти как у всех главных персонажей, у Джонса есть второе имя – Фартинг, что значит название английской монеты. А одной из основных черт, приписываемых валлийцам, является их любовь к деньгам, что в определенной степени характерна и для Джонса. Интересным авторским приемом является то, что в романе данный образ дается через восприятие других персонажей: мистера Пуддикумба и мистера Аскью. Оба они являются англичанами, и каждый из них так или иначе находится под влиянием определенных предрассудков. Это позволяет писателю обыгрывать в романе основные стереотипы, фигурирующие среди англичан относительно валлийцев.

До поездки в компании с мистером Бартоломью Джонс служил привратником, но страдал традиционным валлийским «недостатком»: «Слабость у него была: любил выпить» [Фаулз 2007: 166]. Речь его также отличается от манеры говорить остальных персонажей, что стало и одной из причин его присутствия в этой компании: «Он большой охотник выхваляться в дружеской компании. Да и рассказчик лихой, сто историй в кармане носит!» [Фаулз 2007: 169].

Самым жестким «критиком» Джонса является мистер Пуддикумб, хозяин постоялого двора. Это, в свою очередь, может быть связано с тем, что, во-первых, он был знаком именно с Фартигом, то есть тем, кого должен был изображать Джонс. Во-вторых, он жил в Бидефорде, провинциальном городе на юго-западе Англии, который находится недалеко от Уэльса, и мистер Пуддикумб, как типичный представитель своей среды, транслирует так называемые «стереотипы инаковости», которые, согласно исследователю К. Бохата, часто использовались англичанами для характеристики своих соседей [Bohata 2004].

С самой первой встречи мистер Пуддикумб определяет национальность Джонса, и у него

формируется предвзятое отношение к нему: «Фартинг – он ведь валлиец, а валлийцы известно какой народ: им ни на волос верить нельзя» [Фаулз 2007: 91]. Именно он озвучивает самые негативные черты характера, приписываемые англичанами валлийцам. К ним можно отнести любовь к самохвальству («Выхвалялся изо всех сил, чтобы перед служанками покрасоваться» [Фаулз 2007: 91].), к еде и выпивке («Так налегал на еду и выпивку, что повариха пошучивала: сержанта нашего-де к Рождеству заколют» [Фаулз 2007: 92].), склонность ко лжи («Все больше про сражения да про свое геройство. И все-то норовит пустить пыль в глаза» [Фаулз 2007: 91].). Учитывая, что главной целью Джонса во время поездки было именно создание такого впечатления, можно сказать, что он добился желаемого результата.

Свою роль он продолжает исполнять и при общении с мистером Аскью, который также придерживается не слишком хорошего мнения о валлийцах, хотя его можно отнести к просвещенным слоям населения: «Смотри мне, Джонс. От твоих слов разит ложью, как от твоих единоземцев луком» [Фаулз 2007: 261]. Но именно мистер Аскью выясняет, что склонность ко лжи и мошенничеству являются истинными качествами Джонса. Во время допроса выясняется, что он изначально был в сговоре с отцом мистера Бартоломью.

Таким образом, для того чтобы получить двойную выгоду, Джонс не гнушается мошенничеством и ложью, подтверждая представления Пуддикумба и Аскью о валлийцах.

Другая черта характера, которая открывается при общении с мистером Аскью, – религиозность. В XVIII в. в Уэльсе начинается методистское движение, которое стало одним из самых значительных религиозных и социальных движений в истории Уэльса. Валлийские методисты не признавали себя частью Англиканской церкви и выступали против любой централизации. Постепенно они создали свои собственные сети, сооружения и даже дома встреч (или часовни), что в конечном итоге привело к отделению от Церкви Англии 1811 г. и официальному созданию кальвинистской методистской Пресвитерианской церкви Уэльса в 1823 г. [Zinnatullina & Khabibullina 2018: 91]. Религиозность Джонса, прежде всего, проявляется в его вере Ребекке. После того как увидел все происходившее возле пещеры и услышал рассказы Ребекки, Джонс следует ее словам: отказывается от всех денег, остается в Кардиффе и начинает жить праведно: «А в Кардиффе мне повстречался приятель. Пригласил к себе, приветил. И случись об эту пору у него в доме один человек, который, узнав, что я

умею читать и считать и повидал свет, рассказал мне про лавку, где он служит – лавку мистера Уильямса, где ваш доверенный меня и разыскал» [Фаулз 2007: 258]. Это можно объяснить тем, что валлийцы, в том числе и Джонс, придерживаются неконформистских взглядов, соответственно, Ребекка, которая транслирует сектантские идеи, оказывает на него большое влияние. Она в его восприятии превращается в пророка, носительницу Божественного света. В то же время готовность Джонса поверить в Князя Тьмы, его страх перед угрозами мистера Аскью подчеркивают некоторую простоватость Джонса, что также считается качеством, присущим валлийцам, что традиционно объясняется их необразованностью.

Таким образом, в обоих произведениях Дж. Фаулза валлийцы представлены через восприятие англичан, что позволяет автору показать их именно как «других». Если в «Башне из черного дерева» валлийскость является лишь одной составляющей образа Генри и только подчеркивает сложность данного персонажа, в романе «Червь» писатель играет со стереотипами, приписываемыми представителям этой национальности. Он показывает, что в XVIII в., в период становления нации, среди англичан происходит некоторая демонизация валлийцев.

В романе «Женщина французского лейтенанта» представителем «внутреннего» другого становится ирландец доктор Гроган. С первого его появления автор делает акцент на его национальной принадлежности: «Этот ирландец в полной мере обладал присущей его племени (и скопцам) удивительной способностью порхать, распускать хвост и расточать комплименты женщинам, не позволяя ни одной из них завладеть его сердцем» [Фаулз 2003: 161]. Не только слабость к женскому полу объясняется его «ирландскостью», но и любовь к еде и выпивке, которые традиционно также считаются частью ирландской сущности: *Since us Irish have become synonymous with a culture of heavy drinkers it appears we have lived up to the name and taken it upon ourselves to honour the title bestowed upon us* [Ronan].

На первый взгляд, Гроган обладает типичными ирландскими ветреностью и расслабленностью («It's also right to say that the Irish are generally more easy-going and relaxed about life than others and they regard an attachment to punctuality as a personality disorder» [Sharapova 2010: 134]), однако в дальнейшем он показывает себя не только как хороший доктор, но и очень образованный и эрудированный человек. Он отлично разбирается и в естественных науках, и в экономике, и в философии. К тому же он оказывается дарвинистом, что определенно вызывает симпатию у Чарльза: «Он более добродушно посмотрел на Чарльза. – Вы дарвинист? – Страстный. Гроган схватил его руку и крепко пожал ее, словно он был Робинзоном Крузо, а Чарльз – Пятницей» [Фаулз 2003: 177]. Важно отметить, что Ирландия еще со Средних веков была одним из центров образования: «В 6 веке Ирландия начала возвращать свои долги. Ее монастырские школы стали интеллектуальными центрами всей христианской Европы. Снова и снова мы слышим о том, что тот или иной знаменитый человек жил в Ирландии из любви к богу и учению» [Мак-Кензи 2008]. Таким образом, Гроган является своеобразным наследником ирландских ученых мужей. Как нам кажется, именно из-за его научного склада ума Дж. Фаулз делает его автором фрейдистской трактовки поведения Сары. При этом с его стороны мы не видим категоричного осуждения героини. В целом Гроган довольно терпим к различным «прегрешениям» людей: «Другие благовоспитанные молодые люди тоже приходили к нему незадолго до своей женитьбы. Иногда речь шла о гонорее, реже о сифилисе, иногда это был просто страх, но по большей части невежество» [Фаулз 2003: 237]. Несмотря на дружеские и доверительные отношения между доктором и Смитсоном, в поведении Чарльза замечен типично английский снобизм: «Ему показалось, что в глазах ирландца промелькнула злорадная искорка, – он как бы суммировал невзгоды этого незадачливого лондонского господина, о которых вскоре будет шептаться и сплетничать весь Лайм. Ведь всем известно, то соплеменники Грогана не умеют держать язык за зубами» [Фаулз 2003: 255]. По мере расхождения их взглядов на Сару, Чарльз все чаще сомневается в честности и профессионализме Грогана, пытаясь найти в нем такие стереотипные черты, как жестокость, глупость, коварство, которые в XIX в. были широко распространены среди англичан: «Англичане наделяли ирландца нелепыми чертами, давали ему оскорбительные прозвища, порой даже сравнивая его с животным» [Жерновая 2011: 289]. Таким образом, несмотря на свою свободу от «британскости», Чарльз все же остается носителем стереотипного сознания относительно «других». Однако именно доктор становится своеобразным арбитром Чарльза Смитсона, давая оценку его поступков с точки зрения логики, но не осуждая его при этом.

В «самом же английском» романе Джона Фаулза «Даниел Мартин» (1977) мы встречаем героиню Дженни – молодую актрису, переехавшую в Америку из Британии. Она часто упоминает о своих шотландских корнях («А может, это моя прабабка из Шотландии» [Фаулз 2012]), но не относится к этому серьезно. Для нее этот

факт, скорее, дает возможность показать себя более сложной, чем есть на самом деле: «Все, что есть во мне шотландского, просто на дыбы от возмущения встает. Все это пришло мне в голову в тот странный последний вечер (разумеется, провидческий дар от бабки – сплошная чепуха, но знаешь, Дэн, поразительно, только я и вправду чувствовала: что-то должно с нами случиться)» [Фаулз 2012].

Этим же пользуется и главный герой, проецируя на Дженни стереотипы, связанные с шотландским характером: «И за исключением ожерелья, купленного для матери, во всех остальных случаях она отвергала вещицы, которые ей нравились, из-за их цены.

– Слышу голос истинного шотландца» [Фаулз 2012].

На протяжении романа Дженни все больше и больше отдаляется от своих шотландских корней, в конце романа полностью принимая свою американскую сущность, которая для Дж. Фаулза несостоятельнее даже «шотландскости». Здесь она противопоставляется самому Дэниелу, который в итоге отказывается от карьеры в США: «“Дэниел Мартин” – это роман о возвращении к собственным истокам» [Conversations 1999: 65]. Эта несостоятельность реализуется писателем на социальном уровне, в частности в области актерства: «Она никогда не станет выдающейся актрисой, какой, видимо, была когда-то та пожилая женщина, с которой я вчера разговаривал; и я видел – к этому Дженни еще не готова, не готова примириться с грядущими компромиссами, с тем, что выбор будет становиться все уже» [Фаулз 2012]. На личном уровне Дженни также терпит крах: Дэниел выбирает Джейн, которая приходит к своей «английскости», а не Дженни, которая в итоге теряет свою идентичность, пытаясь соединить в себе разные английскость, американскость и шотландскость. Такая «потеря национальной целостности» [Романова 2001: 55] часто приписывалась шотландцам и, в частности, объяснялась их попыткой соединить в себе шотландское и британское начала: «Для шотландцев же британскость (британская идентичность) дает преимущества существования в рамках более крупного государственного образования, но, при этом, позволяет им сохранять свою собственную национальную идентичность» [Тюрин 2017: 119]. Англичанину Дэниелу в данном случае не понять эту особенность Дженни, так как для него, как и для Дж. Фаулза, английскость и британскость противопоставлены и не могут сочетаться.

Таким образом, мы видим, что в творчестве Джона Фаулза и его концепции национального «внутренним» другим уделено не очень большое внимание. С одной стороны, писатель приравни-

вает их к «внешним» другим, с другой – все же выстраивает отдельную парадигму взаимодействия с англичанами. Едва ли не во всех произведениях «внутренние» другие стоят ниже по социальной лестнице, чем англичане (Гроган, Фартинг и т. д.). Практически везде существует различия во взглядах героев-англичан и «внутренних» других. Так, если у Дэвида и Генри из «Башни из черного дерева» это почти противоположные концепции, а у Грогана и Чарльза в «Женщине французского лейтенанта» – разные трактовки мотивов поведения Сары, то у Дженни и Даниела из «Даниела Мартина» это проявляется в невозможности Дженни понять душу героя. Кроме этого, Джон Фаулз апеллирует к стереотипам, наделяя своих героев наиболее клишированными чертами национальных характеров. Это позволяет писателю акцентировать внимание на английских персонажах, делая внутренних «других» своеобразным фоном для них.

Список литературы

Джонсон К., Коулман А. Внутренний «другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1, № 2. С. 107–125.

Жерновая О. Р. Изменение этнополитических стереотипов ирландцев в современных международных политических анекдотах и шутках (на примере Северной Ирландии) // Вестник нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 4(1). С. 287–292.

Мак-Кензи А. Кельтская Шотландия. 2008. URL: <https://coollib.com/b/178233-agnes-makkenzi-keltskaya-shotlandiya/read> (дата обращения: 21.06.2022).

Романова Т. Н. Трилогия Льюиса Грессика Гиббона «Шотландская тетрадь» в культурологическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2001. 194 с.

Рыхтик М. И., Жерновая О. Р. Влияние этнического фактора на культурную и языковую идентичность валлийцев в современных английских шутках и анекдотах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2(8): в 3 ч. Ч. I. С. 151–157.

Селитрина Т. Л. Размышления Джона Фаулза об «английскости» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2(2). С. 218–222.

Тюрин Е. А. Особенности формирования шотландского национального самосознания в условиях развития британской государственности: социально-политические аспекты // Среднерус-

ский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 4. С. 116–124.

Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. 336 с.

Фаулз Дж. Башня из черного дерева. URL: <http://lib.ru/FAULS/tower.txt> (дата обращения: 17.08.2021).

Фаулз Дж. Дэниел Мартин. 2012. URL: <https://knijku.ru/books/deniel-martin> (дата обращения: 21.05.2022).

Фаулз Дж. Женщина французского лейтенанта. СПб.: Азбука-классика, 2003. 539 с.

Фаулз Дж. Кротовые норы / пер. И. Бесмертной и И. Тогоевой. М.: Изд-во АСТ», 2004. 702 с.

Фаулз Дж. Червь / пер. В. Ланчикова. М.: АСТ МОСКВА, 2007. 605 с.

Хабибуллина Л. Ф., Бреева Т. Н. Национальный миф в художественной литературе. М.: Флинта, 2020. 500 с.

Baker J. Fowles and the Struggle of the English Aristos // *Journal of Modern Literature*. 1981. Vol. 8, № 2. P. 236–258.

Bohata K. Postcolonialism Revisited. Writing Wales in English. Cardiff: University of Wales Press, 2004. 222 p.

Chee-Beng T. Ethnic identities and national identities: Some examples from Malaysia // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2000. Vol. 6(4). P. 441–480.

Colley L. Britishness and Otherness: An Argument // *Journal of British Studies*. 1992. Vol. 31. P. 309–329.

Conrady P. J. John Fowles. London, 1982. 109 p. Conversations with John Fowles. University Press of Mississippi, 1999. 244 p.

Hurwitz M. Relocating Englishness: the 1960s Postimperial Turn and National Identity in John Fowles's *The Magus* // *Modern Fiction Studies*. 2015. Vol. 61(3). P. 446–68.

Jansson D. R. Internal orientalism in America: W. J. Cash's 'The Mind of the South' and the spatial construction of American national identity // *Political Geography*. 2003. Vol. 22(3). P. 293–316.

Kumar K. The Making of English National Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 367 p.

Ronan M. 11 Irish Stereotypes That Are Actually Very True // *The Sliced Pan*. 2015. URL: <https://www.theslicedpan.com/culture/11-irish-stereotypes-that-are-actually-very-true/298586> (дата обращения: 24.06.2022).

Sharapova Y. V. The Irish national character as it is // *Альманах современной науки и образования*. 2010. № 3(34): в 2 ч. Ч. II. С. 133–137.

Toste J. Using French to Construct British Female Identity: Defoe's *Roxana*, Brontë's *Villette*, and Fowles' *The French Lieutenant's Woman*. Fresno: California State University, 2011. 156 p.

Wilson T. M. The Recurrent Green Universe of John Fowles. Amsterdam; N. Y., 2006. 283 p.

Zinnatullina Z., Khabibullina L. Analyzing the «internal other» in English literature: Welsh characters in J. Fowles «A Maggot» and A. Burgess «Any Old Iron» // *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. 2018. Vol. 10. Iss. 2. P. 87–94.

References

Johnson C., Coleman A. Vnutrenniy 'drugoy': dialekticheskie vzaimosvyazi mezhdunarodnykh regional'nykh i natsional'nykh identichnostey [The internal Other: Exploring the dialectical relationship between regional exclusion and the construction of national identity]. *Kul'turnaya i gumantarnaya geografiya* [Cultural and Human Geography], 2012, vol. 1, issue 2, pp. 107–125. (In Russ.)

Zhernovaya O. R. Izmenenie etnopoliticheskikh stereotipov irlandtsev v sovremennykh mezhdunarodnykh politicheskikh anekdotakh i shutkakh (na primere Severnoy Irlandii) [Changes of ethno-political stereotypes of the Irishmen in contemporary international political anecdotes and jokes (on the example of Northern Ireland)]. *Vestnik nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo Mezhdunarodnye otnosheniya. Politologiya. Regionovedenie* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. International Relationships. Political Science. Regional Studies], 2011, issue 4(1), pp. 287–292. (In Russ.)

MacKenzie A. *Kel'tskaya Shotlandiya* [Celtic Scotland]. Available at: <https://coollib.com/b/178233-agnes-mak-kenzi-keltskaya-shotlandiya/read> (accessed 21 Jun 2022). (In Russ.)

Romanova T. N. *Trilogiya L'yuisa Gressika Gibbona 'Shotlandskaya tetrad' v kul'turologicheskom aspekte*. Diss. kand. filol. nauk [The trilogy of Lewis Gressick Gibbon 'A Scots Quair' in the cultural aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2001. 194 p. (In Russ.)

Rykhtik M. I., Zhernovaya O. R. Vliyanie etnicheskogo faktora na kul'turnuyu i yazykovuyu identichnost' valliytsev v sovremennykh angliyskikh shutkakh i anekdotakh [Ethnic factor influence on Welshmen's cultural and language identity in modern English jokes and anecdotes]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktik* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2011, issue 2(8): in 3 pts., pt. 1, pp. 151–157. (In Russ.)

Selitrina T. L. Razmyshleniya Dzhona Faulza ob 'angliyskosti' [John Fowles's reflections on 'Englishness']. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], 2015, issue 2(2), pp. 218–222. (In Russ.)

Tyurin E. A. Osobennosti formirovaniya shotlandskogo natsional'nogo samosoznaniya v usloviyakh razvitiya britanskoy gosudarstvennosti: sotsial'no-politicheskie aspekty [Peculiarities of forming Scottish national self-consciousness in the conditions of development of British state: Socio-political aspects]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], 2017, vol. 12, issue 4, pp. 116–124. (In Russ.)

Urry J. *Sotsiologiya za predelami obshchestva: vidy mobil'nosti dlya 21 stoletiya* [Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century]. Moscow, HSE Publishing House, 2012. 336 p. (In Russ.)

Fowles J. *Bashnya iz chernogo dereva* [The Ebony Tower]. Available at: <http://lib.ru/FAULS/tower.txt> (accessed 17 Aug 2021). (In Russ.)

Fowles J. *Daniel Martin*. 2012. Available at: <https://knijky.ru/books/daniel-martin> (accessed 21 May 2022). (In Russ.)

Fowles J. *Zhenshchina frantsuzskogo leytenanta* [The French Lieutenant's Woman]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2003. 539 p. (In Russ.)

Fowles J. *Krotovye nory* [Wormholes]. Transl. by I. Bessmertnaya and I. Togoeva. Moscow, AST Publ., 2004. 702 p. (In Russ.)

Fowles J. *Cherv'* [A Maggot]. Transl. by V. Lanchikov. Moscow, AST MOSKVA Publ., 2007. 605 p. (In Russ.)

Khabibullina L. F., Breeva T. N. *Natsional'nyy mif v khudozhestvennoy literature* [National Myth in Fiction Literature]. Moscow, Flinta Publ., 2020. 500 p. (In Russ.)

Baker J. Fowles and the struggle of the English aristos. *Journal of Modern Literature*, 1981, vol. 8(2), pp. 236–258. (In Eng.)

Bohata K. *Postcolonialism Revisited. Writing Wales in English*. Cardiff, University of Wales Press, 2004. 222 p. (In Eng.)

Chee Beng T. Ethnic identities and national identities: Some examples from Malaysia. *Identities: Global Studies in Culture and Power*, 2000, vol. 6(4), pp. 441–480. (In Eng.)

Colley L. Britishness and otherness: An argument. *Journal of British Studies*, 1992, issue 31, pp. 309–329. (In Eng.)

Conrady P. J. *John Fowles*. London, 1982. 109 p. (In Eng.)

Conversations with John Fowles. University Press of Mississippi, 1999. 244 p. (In Eng.)

Hurwitz M. Relocating Englishness: the 1960s postimperial turn and national identity in John Fowles's *The Magus*. *Modern Fiction Studies*, 2015, vol. 61(3), pp. 446–68. (In Eng.)

Jansson D. R. Internal orientalism in America: W. J. Cash's 'The Mind of the South' and the spatial construction of American national identity. *Political Geography*, 2003, vol. 22(3), pp. 293–316. (In Eng.)

Kumar K. *The Making of English National Identity*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 367 p. (In Eng.)

Ronan M. 11 Irish stereotypes that are actually very true. Available at: <https://www.theslicedpan.com/culture/11-irish-stereotypes-that-are-actually-very-true/298586> (accessed 24 Jun 2022). (In Eng.)

Sharapova Y. V. The Irish national character as it is. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 2010, issue 3(34): in 2 pts., pt. 1, pp. 133–137. (In Eng.)

Toste J. *Using French to Construct British Female Identity: Defoe's Roxana, Brontë's Vilette, and Fowles' The French Lieutenant's Woman*. Fresno, California State University, 2011. 156 p. (In Eng.)

Wilson T. M. *The Recurrent Green Universe of John Fowles*. Amsterdam, N.Y., 2006. 283 p. (In Eng.)

Zinnatullina Z., Khabibullina L. Analyzing the 'internal other' in English literature: Welsh characters in J. Fowles 'A Maggot' and A. Burgess 'Any Old Iron'. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, 2018, vol. 10, issue 2, pp. 87–94. (In Eng.)

The 'Internal' Other in John Fowles's Works

Zulfiya R. Zinnatullina

Associate Professor in the Department of World Literature

Kazan Federal University

18, Kremlyovskaya st., Kazan, 420008, Russian Federation. zin-zulya@mail.ru

SPIN-code: 5457-3364

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1616-9911>

ResearcherID: D-3531-2015

Submitted 26 Aug 2022

Revised 02 Sep 2022

Accepted 21 Oct 2022

For citation

Zinnatullina Z. R. «Vnutrenniy» drugoy v tvorchestve Dzhona Faulza [The 'Internal' Other in John Fowles's Works]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 85–93. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-85-93 (In Russ.)

Abstract. The problem of the national is among the main ones in works by English writer John Fowles. This can be seen both in his fiction works and essays. This article discusses the role of the image of the 'internal' Other in the process of building his concept of 'Englishness'. In his essay *On Being English but Not British*, the writer analyzes the relations between Englishmen and the inhabitants of Wales, Scotland, and Northern Ireland, and puts the latter on a par with Australians and Americans, however, pointing out their interdependence with the English. The Welshmen Henry Breasley and David Jones act as the 'internal' Other in *The Ebony Tower* and *A Maggot*. They are endowed with typical Welsh characteristics such as a penchant for drinking, greed, and cunning. Both characters are presented through the perception of English characters, which allows the author to play with the stereotypes about the Welsh circulating among the English. There is an Irishman Dr. Grogan in the novel *The French Lieutenant's Woman*. The protagonist Charles Smithson also attributes to him traits of the Irish national character such as talkativeness, foolishness, frivolity. At the same time, Grogan acts as a kind of arbiter, trying to explain the behavior of the characters from a scientific point of view. In *Daniel Martin*, actress Jenny appeals to her Scottish roots, but she does not take it seriously. That is why the main character also endows her with stereotypical features. However, she subsequently abandons them for the sake of 'Americanness', thus losing her identity. 'Internal' Others do not play a significant role in the writer's conception of national identity. The writer focuses on the English characters, making the internal 'others' a kind of backdrop for them.

Key words: 'internal' Other; Englishness; Fowles; stereotype; national character; Welsh; Irish; Scot.

УДК 821.161.1(09)Пелевин
doi 10.17072/2073-6681-2022-4-94-105

Джойсовская традиция романа В. Пелевина «Empire “V”»: от антисциентизма к изобретению нового персонажа

Юлия Николаевна Мыслина

аспирант кафедры русской и зарубежной филологии

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87. yulia_mislina@mail.ru

SPIN-код: 2275-9948

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5561-1859>

ResearcherID: GLN-4533-2022

Статья поступила в редакцию 14.06.2022

Одобрена после рецензирования 10.10.2022

Принята к публикации 03.11.2022

Информация для цитирования

Мыслина Ю. Н. Джойсовская традиция романа В. Пелевина «Empire “V”»: от антисциентизма к изобретению нового персонажа // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 94–105. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-94-105

Аннотация. В статье исследуется способ преобразования джойсовского отстраненного отношения к прогрессу в романе «Улисс» в пародийно-комический антисциентизм романа В. Пелевина «Empire “V”», где современный автор уже не просто отказывает в возможности позитивного вывода онтологии как науке, но и сводит ее миссию только к разрушению реальности и возвращению к изначальной сущности. Доказывается, что джойсовские принципы расщепления сознания субъекта научного познания воспроизводятся Пелевиным в представлении размноженного до бесконечности сознания субъекта, порождающего субъективно-множественную реальность – как итог – гипертекст. Вследствие этого джойсовское гипостазирование моментов научной достоверности у Пелевина развивается в самостоятельные и независимые субъекты действительности – персонажи нового типа, сталкивающиеся с проблемой их реального / возможного существования в субъективно-множественной реальности. Поэтому интерпретация этих новых персонажей становится возможной только в границах субъект-объектной антиномии, поскольку художественная литература исходит из субъект-объектных отношений. Цель работы – определить влияние джойсовского принципа расщепления субъективного сознания в романе «Улисс» на создание В. Пелевиным персонажей и способов высказывания нового типа в романе «Empire “V”». Предмет изучения – особенности создания персонажей нового типа как инструмента организации художественного высказывания в романе Пелевина «Empire “V”». Научная новизна исследования заключается в том, что впервые доказывается, что художественный прием, отражающий специфику расщепленного сознания героев романа Пелевина «Empire “V”», напрямую развивает джойсовскую эпистемологическую традицию кризиса субъекта научного познания, но только уже в эпоху weigd-философии. Основные методы исследования: компаративный, историко-культурная контекстуализация и дискурс-анализ.

Ключевые слова: Дж. Джойс; В. Пелевин; субъект научного познания; антисциентизм; субъективно-множественная реальность; гипостазированные элементы; гипертекст.

Постмодернизм как понятие, обозначающее широкое течение в западной культуре, появился в конце 1960-х гг. и быстро распространился на все сферы действия и способы осмысления искусства. В Советском Союзе в 1970-е гг. полити-

ческая обстановка кризиса «утопических идеологий» и «исчезновения реальности» [Липовецкий 2006: 53] привела общество к «Состоянию постмодерна» (см. подробнее: [Ж.-Ф. Лиотар 1998]), что нашло свое отражение и в литературе

(А. Битов, В. Ерофеев, Саша Соколов, в ряде аспектов И. Бродский и др.). Как ни парадоксально, но тяга русских постмодернистов к высокому модернизму («стремление “вернуться” в “Серебряный век”») [Липовецкий 2006: 55]) оказалась сильнее вовлеченности в постмодернистские интеллектуальные практики с их критикой существующей идеологии («Постмодернизм намеренно разрушает любые мифологии, понимая их как идеологическую основу власти над сознанием, навязывающей ему единую, абсолютную и строго иерархическую модель истины, вечности, свободы и счастья») [Липовецкий 2006: 55]). Поэтому русский постмодернизм в 1990-х гг. в своем стремлении возобновить отношения с мировой литературой XX в. выбрал в качестве ориентиров классиков модернизма (Х. Л. Борхес, В. Набоков, М. Пруст, Дж. Джойс и др.), которые переизобрели реальность, выведя на первый план постановку новых мировоззренческих вопросов и новое понимание самой функции языка (набоковское понимание языковой игры стало одним из предвестий постмодернизма (см. подробнее: [Липовецкий 1997])).

В сентябре 1920 г. Дж. Джойс писал К. Лигати: «Мое намерение состоит не только в том, чтобы передать миф *sub specie temporis nostri*, но также и в том, чтобы позволить каждому приключению (то есть каждому часу, каждому органу, каждому искусству быть взаимосоединенными и взаимосвязанными в соматическую схему целого) обуславливать и даже создавать собственную технику. Каждое приключение – это, так сказать, одна личность, хотя оно и состоит из личностей – как Фома Аквинский рассказывает о небесных воинствах» [Eilmann 1972: Предисловие xvii]. Джойс хотел создать «некое тотальное произведение», «чьим предметом будет не субъективность поэта, уединившегося в башне из слоновой кости, а человеческое общество, и в то же время – реальность истории и культуры» [Эко: эл. ресурс]. У Джойса каждый элемент бытия, вплетенный в общую структуру, рождает новую структуру, изменяя и саму структуру (космос), и сам механизм ее постижения.

По убеждению М. Липовецкого, постмодернизм должен «преодолеть фундаментальную для культуры антитезу хаоса и космоса...» [Липовецкий 2006: 56], поэтому джойсовское создание «тотального произведения», «произведения-космоса» становится одним из способов преодоления антитезы (паралогии) хаос/космос в современном русском постмодернизме.

Для дальнейшей нашей аргументации обратимся к анализу В. Курицына статьи Л. Фидлера «Пересекайте границы, засыпайте рвы», посвя-

щенной постмодернистской художественной литературе. В статье Фидлера современный филолог выделяет три основные позиции: «“стирание границ” между “массовостью” и “элитарностью”» [Курицын 2000: 11], «...уничтожение рвов и границ не только между массовым и элитарным, но и между чудесным и вероятным. Переход от отношений между автором и текстом к отношению между субъектом и миром» [там же], где сам художник именуется «“двойным агентом”» [там же]. Также в концепции Фидлера Курицын делает акцент: на «множественности миров», «виртуальности реальности» и «неразличении “эстетического” и “метафизического”» [там же], – что свойственно текстовым реальностям современного постмодернизма, в том числе и текстам Пелевина, чье творчество ведущие литературные критики (В. Курицын, М. Липовецкий, И. Кукулин) относят к постмодернистскому.

Исходя из такого динамического восприятия Джойса в русском постмодернизме как инстанции стирания границ между понятиями и преодоления однозначностей одним из основных методологических трудов для нашей работы становится исследование Хосе Вергары «Все будущее уходит в прошлое: Джеймс Джойс в русской литературе» (2021), в котором автор изучает влияние поэтики Джойса на русских авторов на протяжении последних ста лет (от Вс. Вишневского до М. Шишкина и В. Пелевина). Вергара называет Пелевина «самым многообещающим и неоднозначным писателем России», и, хотя американский исследователь приводит Пелевина в качестве «контрпримера» Шишкину как каноничному последователю Джойса, в его труде мы находим больше доказательств рецепции техник и приемов ирландского писателя Пелевиным, нежели утверждает сам Вергара. Американский исследователь, упрекая Пелевина в неразборчивости и повторении расхожих актуальных мотивов (вампиры, наркотики, альтернативные миры), приводит пример прочтения Джойса героями «Священной книги оборотня»:

«– Хм... Вообще-то да. А что тогда литература?»

– Ну, например, Марсель Пруст. Или Джеймс Джойс...

– Да его же не читает никто, “Улисса”. Три человека прочли и потом всю жизнь с этого живут – статьи пишут, на конференции ездят. А больше никто и не осилил» (Пелевин 2004: эл. ресурс).

Вергара предполагает, что Пелевин скорее солидаризируется с героями: для него Джойс стал предметом конференций, высокой культуры, а значит, не отвечает принципам постмодернизма со стиранием границы между высокой и низкой

культурой: «Больше подставное лицо модернизма, чем действительно широко читаемый и уважаемый автор, Джойс, по словам Александра, символизирует тупик. Избранной горстке удается пройти по его романам, опубликовать некоторые статьи о них и таким образом “жить” за счет него, а остальные не могут даже закончить “Улисса”, не говоря уже о том, чтобы осмыслить его многослойность. Его значимость просто преувеличена. Взгляд Пелевина на Джойса определяет ирландскому писателю роль, которую ему часто приписывают, – роль нечитаемого высоко-го модерниста» [Vergara 2021: 141–142]. Но разве Пелевин говорит устами своих героев? Ведь Вергара признает интертекстуальность романов Пелевина, в которых русский писатель «стирает границы между сакральным и профанным, игнорируя при этом те же самые тенденции в творчестве Джойса» [там же: 142], а значит, подхватывает поневоле игровые, а не академические импликации в правилах письма Джойса.

Вместе с тем для квалификации пелевинской рецепции джойсовских техник недостаточно только сопоставлять позиции и высказывания героев, общей рамкой также является эпистемологический кризис, которому принадлежат оба писателя (здесь под эпистемологическим кризисом мы понимаем изменение модели познания: от сознания как основы философии XIX в. к критике «психологизма» и новой функции языка, языка, становящегося объектом познания в его довлеющем значении над субъективным сознанием (см. подробнее: [Витгенштейн 1994]). Хотя эти кризисы разные у обоих писателей: у Джойса – «языковая революция» начала XX в.; у Пелевина – кризис «соцреализма» и постмодернистский поворот конца XX в., – их результатом становится разрушение жанровых условностей, вывод на первый план экспериментов с языком.

Мы в своем исследовании попытаемся определить не только предпосылки, но и степень усвоения Пелевиным джойсовского принципа расщепления субъективного сознания (под джойсовским принципом расщепления сознания мы понимаем новые принципы письма ирландского автора, ведущие «...к аналитическому, расчленяющему представлению человека. Присущая прежней литературе “скульптурная” модель человека (“героя”) как объемной фигуры, как цельного характера фатально распадается и исчезает. С героем происходит истончение и рассечение, разложение на множество проекций и архетипов, которые получают независимую разработку и живут собственной жизнью» [Хоружий 2015: 178]). По выводам С. С. Хоружего: «В “Цирцею” все аспекты блумовой личности отделяются и

гипостазируются, становясь самостоятельными субъектами: Блум-мальчик, Блум-бабник, Блум-деятель, Блум-преступник... вплоть до “Блумумии” [там же] (здесь гипостазирование понимается как обретение отвлеченными понятиями (качествами) самостоятельного существования). Джойсовское гипостазирование элементов единого субъекта научного познания – это один из первых этапов его антропологии, носящей «резко редуционистский уклон» и ведущей, в конечном счете, к «обобщению», «универсализации» и «деперсонизации» человека [там же: 179].

Для выявления путей и методов усвоения Пелевиным джойсовского способа представить расщепление субъективного сознания мы привлекаем понятия из истории философии, которые служат наиболее надежными ключами к пониманию того, как переживание катастрофы и непредсказуемости стало и условием восприятия современности, и условием понимания художественных новаций в романе. Сначала мы рассмотрим кризис понятия субъекта и его значимость для определения знания субъекта как надежного. Далее мы исследуем, как уже признанный в философии кризис субъекта привел к трансформации способов изложения, способов представлять знание, а значит, изменил и отношение романного вымысла и действительности. Наконец, мы рассмотрим, как были созданы концепции выхода из кризиса как сознания, так и выражения, и проанализируем продуктивность этих концепций для обновления формы романа, выделив из них те, которые связывают Джойса и Пелевина.

Проблематизация кризиса субъект-объектных отношений берет свое начало еще в европейской эпистемологической философской мысли XIX в. Немецкий философ Ф. Ницше выступал критиком бытующей в XIX в. метафизической трансценденции, «убив» Бога, он утвердил новую форму бытия как мира явлений, мира становлений. В мире Ницше реальность деонтологизирована, а связь человека с незыблемыми парадигмами бытия мыслится не через привычные порядки субъект-объектных отношений, которые Ницше считал внушенными грамматикой и бытовыми привычками, а через его волю и власть, которая всякий раз должна подвергаться спонтанной критике: «Прясть дальше всю нить жизни, и притом так, чтобы нить делалась все прочнее, – вот истинная задача» [Ницше 2005: 367]. Ницше утверждал, что главная ценность человека и заключается в его способности оценивать, иначе говоря, выносить суждение независимо от прежних структур мышления, что и делает его точкой отсчета и мерилем всех ценностей.

По мнению Джозефа Фелла, «задача Ницше – это задача великой культурной переоценки» [Fell 1979: 15], переоценки прежних привычек философского мышления, которые Ницше считал лишь прикрытием для властолюбия или обывательского разума.

Но вопрос о кризисе субъекта был поставлен еще раньше в предэкзистенциальной традиции. С. Кьеркегор, в противоположность системам немецкого идеализма (И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель), утверждавшим, что из позиции субъекта («Я» Фихте, «Мировой дух» Гегеля) может быть выведена вся философия, говорил, что на самом деле сам субъект оказывается лишь моментом становления, уникальным аспектом поиска недостижимой истины. «Как только бытие истины становится эмпирически конкретным, сама истина вступает в процесс становления и в свою очередь становится – по умолчанию – согласованностью между мышлением и бытием» [Кьеркегор 2012: 187]. Поэтому «объективное» знание не доступно человеку (только Богу как завершеному субъекту), но человеку экзистирующему все же доступна истина в виде моментального этического и религиозного знания, которое должно помочь ему осознать, что главная задача для него – это задача жить.

К концу XIX в. стал очевиден «кризис наук», разрыв между действительным содержанием жизни человека и программами познания в отдельных науках. Далее попытки выхода из кризиса представления о едином субъекте познания были предприняты представителями марбургской школы неокантианства (Г. Коген, П. Наттори, Э. Кассирер). Внимание было смещено с программ познания на собственную сущность познания, которое и диктует человеку условия своего осуществления: «...вопрос, что убеждает познание в его объективной значимости, в его отношении к предмету, должен быть решен на почве самого познания, получить ответ в ясном свете разума при признании его условий и границ» [Кассирер 1977: 114–115]. Поэтому человеческое познание всегда находится в состоянии постоянной незавершенности: с одной стороны, наше «объективное» знание весьма ограничено, следовательно, неистинно, а с другой – объект познания – продукт творческой деятельности нашего мышления, получающий материал из «первоисточника», таким образом, познание оказывается своеобразной практикой себя, способом для субъекта завершить себя в ответ на вызов бытия. Таким образом философия неокантианцев стала основой зарождения и развития феноменологии (Ф. Brentano, Э. Husserl), с развитием

которой проблема кризиса субъекта научного познания вышла на новый уровень.

До исследований Brentano в философии главенствовала мысль об «ощущающем» (элементарные частицы сознания – это дубликаты ощущений) свойстве сознания, но в труде «Психология с эмпирической точки зрения» (1874) философ показал, что психические акты не равны актам восприятия, так как психический феномен имеет интенциональную природу (хотя равнозначность обоих актов для познающего субъекта не отрицалась). Тем самым позиция субъекта не может быть сведена к осуществлению некоторого объективирующего познания, но сама представляет собой некую установку, которая и проблематизируется философией.

Гуссерль, в отличие от Brentano, признающего материальность психической деятельности человека, утверждал, что интенциональность как смыслопорождающий акт сознания может существовать и без объекта познания, поэтому причинно-следственная связь между «объективным» физическим бытием и бытием «субъективным» «противомысленна» [Гуссерль 1999: 119]. В представлении Гуссерля: «...трансцендентность физической вещи – это трансцендентность конституирующегося в сознании и связанного с сознанием бытия...» [там же]. Другими словами, для Гуссерля, в отличие от Brentano и неокантианцев, философия ставит под вопрос и подвергает критическому пересмотру не только привычную систему научного знания, но и привычное понимание бытия, что также способствует проблематизации отношений между внутренней речью и художественной речью.

При этом в ряде философских программ начала XX в. предпринимались попытки найти тот остаток опыта, ту неотменяемую его часть, которая и позволяет говорить о реальности бытия, во всяком случае, как конституирующего наше сознание. Французский философ А. Бергсон представил новый способ перцепции бытия – длительность: «...есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше я просто живет...» [Бергсон 1992: 93]. Понятие длительности Бергсона находит свое воплощение и в эстетических сферах, например, в литературе – выражаясь в художественном приеме потока сознания; в живописи, где оно стало решающим для отказа от прямой репрезентации в пользу переживания времени как напрямую связанного с достоверностью внутреннего опыта: «...от “растянутого момента” перехода состояний в живописи импрессионистов – до особенной темпоральности пространственно-временного становления в кубиз-

ме...» [Духан 2009: 189]. Такая «длительность», соотносящая внутренний опыт достоверности нашего знания и данное в ощущениях бытие человека во времени, затрагивает и литературную жизнь конца XIX в., которая представляла собой «переходы и брожения» (Б. Л. Пастернак). Пастернак обозначал, что символисты «...писали мазками и точками, намеками и полутонами не потому, что так им хотелось и что они были символистами. Символистом была действительность...» [Пастернак 1990: 543].

Но «переходы и брожения» в реальности конца XIX – начале XX в. происходили не только в литературе, они коснулись и других сфер науки и искусства. Итог всех этих смещений подвел французский историк науки Г. Башляр, для которого процессы в искусстве модернизма, новой науке XX в. (теория относительности) и новом ощущении действительности (катастрофические переживания, вызванные мировыми войнами) были частью одной большой смены парадигм. Башляр выдвинул идею «эпистемологического разрыва» – научный термин концепции развития науки, – при котором научное знание представляет собой не объективное отражение окружающего мира в непрерывном его накоплении, а ряд «взрывов», революционных сломов в понимании мира. По убеждению Башляра: «В ходе прогресса научного духа всегда проявляется разрыв между научным познанием и обыденным сознанием» [Башляр 2000: 369], который и порождает новый способ познания, совершенствующийся в диалектическом контакте с предметами познания, трансформированными человеческой активностью.

Продолжателями принципа эпистемологического сомнения в проектировании «объективной» реальности, признававшими приоритет «эпистемологического разрыва» над способами конструирования субъекта познания, в англоязычной традиции были К. Поппер, Т. Кун; во франкоязычной – Ж. Делёз, М. Фуко, Л. Альтюссер, Ж. Деррида. Постмодернизм второй половины XX – начала XXI в., заявивший о смерти прежнего субъекта, субъекта, сконструированного привычками старых наук, принципиально отказывается от создания онтологии, по мнению Деррида, бытие мыслится как «трансцендентальное означаемое», как гиперреальность, как гипертекст. «Превращение культуры в текст – самое значительное событие, происходящее в ситуации постмодерна» [Уваров 1997: 21], поэтому познание мира становится познанием текста, вмещающим в себя всю культуру, язык, социальные отношения и т. д. и содержащим в себе «разрывы», то есть различия и расхождения

между выражением и содержанием, позволяющие осмыслить тот самый эпистемологический разрыв.

Наконец, новый угол зрения на проблему кризиса субъекта научного познания с попыткой осмыслить философское наследие XX в. в постиндустриальную кибернетическую эпоху XXI в. утверждает *weird*-философия. Термин *weird* – «причудливый, темный, сверхъестественный» – не имеет общепринятого перевода на русский язык. В работе “Old and New Weird” Б. Нойс и Т. С. Мерфи приводят краткую историю понятия *weird*, начиная от «поздневикторианского» и до New Weird (*The New Weird* – термин, введенный М. Дж. Харрисоном в 2003 г. [Noys, Murphy 2016: 118]), которое «...принимает более радикальную политику, рассматривая чужое, гибридное и хаотичное как подрывную деятельность различных форм нормализации власти и субъективности» [там же: 125]. Основными представителями направления являются наши современники: Г. Харман, Ю. Такер, Т. Мортон, Р. Негарестани, Д. Харауэй, К. Мейяссу и др.

По выводам современного американского писателя М. Сиско: «*weird-fiction* – это способ написания художественной литературы, который возникает из-за внутреннего различия религиозного, морализаторского и/или определенного рода философствования художественной литературы, когда создание причудливого становится самоцелью, а не средством для достижения цели (обычно это приводит к большему благочестию, большему послушанию и т. д.)» [Cisco 2021: эл. ресурс]. Основными представителями этого направления для Сиско являются: Генри Джеймс «Поворот винта», Уильям Хоуп Ходжсон «Невидимая вещь», Джеральд Буллетт «Улица глаза». В этих произведениях взаимодействуют два основных понятия – это странность и судьба, которые и порождают новый сверхъестественный мир, становящийся сродни виртуальному. «Странность» становится вызовом реальности и целостности мира, поэтому, когда с ней сталкивается человек, «она» отделяет его от привычного мира и становится его судьбой, меняя персонажа кардинально. Таким образом, «...странная история действует на читателя не как иллюстрация знакомого религиозного или метафизического представления о жизни или мире, а, скорее, как шокирующий отход от привычности как таковой» [там же].

Исходя из такого понимания странного как гносеологически продуктивного, американский философ Бен Вудард интерпретирует появление литературы *weird-fiction* как новый способ постижения основ реальности. В своих исследованиях он отверг весь категориальный аппарат

Канта с защищающими мир от безумия всевозможными «границами» и предложил в качестве инструмента познания работу с текстом, где текст и представляет собой это «Великое Внешнее» по отношению к читателю, так как он находится «за границей», «извне».

В данном философском направлении постановка субъекта речи под вопрос достигает кульминации. Г. Харман интерпретировал творчество Г. Ф. Лавкрафта с позиции философии «зазоров» (что нам представляется одним, на самом деле может быть двояким и наоборот). Поэтому, например, дух идола Ктулху («Зов Ктулху» Лавкрафта) должен восприниматься как аллюзия на реальный объект: «В этом отношении Ктулху ничем не отличается от молотка, стула, атома или человека» [Харман 2020: 221]. Здесь непредсказуемость бытия ставит под вопрос и статус субъекта, и привычные результаты познания, требуя постигать не столько закономерное, сколько непредсказуемое, «контингентное» (К. Мейяессу).

В своем исследовании мы выделим следующие основные тезисы weird-философии XXI в.

1. Человек не обладает монополией на то, чтобы быть разумным существом на Земле: разумом могут обладать животные, стихии, вещи, закономерности, фантастические существа и фантомы воображения.

2. Разумное поведение еще не является предсказуемым поведением: наоборот, разумное поведение может включать в себя сломы, разрывы, «контингентное», и поэтому может быть псевдо-разумное поведение, не отличающееся от поведения фантастических существ, в том числе вампиров.

3. Weird, причудливое, следует из того, что мы никогда до конца не знаем степень разумности другого существа и дальнейшее поведение, поэтому вампир как сверхъестественное агрессивное существо в попытке поглотить все тело и кровь своей жертвы, оказывается не просто героем отдельных сюжетов, но и символом потребительского поведения вообще.

Серия произведений Пелевина, посвященных вампирам («Empire V» (2006), «Бэтман Аполло» (2013)), вполне соответствует weird-философии не только развитием сюжетных линий, но и постановкой под вопрос объективной реальности, самих процедур познания и «шокирующим отходом от привычности как таковой». При этом данная философия в ее художественном представлении смыкается с антисциентизмом. Антисциентизм – это философско-мировоззренческая позиция, представляющая собой негативное и отстраненное отношение человека к прогрессу и науке. Обсуждая влияние джойсовского антис-

циентизма на роман Пелевина «Empire “V”», мы опираемся на монографию С. Ф. Денисова «Антисциентизм: конфликтность и негативность», в которой автор выделяет «три вида антисциентизма: иронический, пророческий и нигилистический» (см. подробнее: [Денисов 2013]).

Исходя из философского контекста тех реформ художественного изложения, которые предприняли Джойс и Пелевин, для установления того, как именно конфигурация речи и вымысла у Джойса могла определить установки Пелевина, мы ставим следующие задачи:

1) показать, исходя из квалификаций антисциентизма Денисова, каким образом джойсовское отстраненное отношение к прогрессу и науке в романе «Улисс» трансформируется в комический антисциентизм романа Пелевина «Empire “V”»;

2) доказать, что антисциентизм романа «Empire “V”» представляет собой переосмысленное современным автором экзистенциально-онтологическое мировоззрение Джойса;

3) показать, как джойсовская техника расщепления субъекта познания превращается во множественно-сборную личность субъективно-множественной реальности в романе Пелевина «Empire “V”»;

4) на материале романа «Empire “V”» доказать, что пелевинские вампиры суть переосмысленные джойсовские гипостазированные элементы единого субъекта научного познания, только с учетом weird-философии.

Иронический антисциентизм свойствен модернистско-постмодернистской эстетике текстов Джойса и Пелевина – само представление авторами отношения героев к науке и знанию показано в пародийно-комическом ключе. Поэтому такой важный для каждого человека процесс, как обучение, буквально «вывернут наизнанку», например, Бык Маллиган хочет обучить Стивена греческому пониманию красоты: «– Как верно названо море у Элджи: седая снежная мать! Сопливо-зеленое море. Яйцещемящее море. Эпи ойнопа понтон. Ах, эти греки, Дедал. Надо мне тебя обучить» (Джойс, 9). Здесь Джойс ставит вопрос отношения художника и искусства, рефлексии художника не только по поводу искусства вообще, но и по поводу своего собственного творчества. Поэтому у Джойса субъект познания превращается из творца, работающего с первозданной природой, в человека, работающего со всем вторичным, с «художеством по поводу другого художества» – шире – с текстом и гипертекстом.

В романе «Empire “V”» «...обучение заключается в том, что вампир кусает ученика» (Пелевин 2021, 13), – здесь укус представлен как транс-

грессия, как переход границы возможного и невозможного (как эффект «эпифании» у Джойса), но только превращающий человека в вампира и переносящий его из мира живых в мир мертвых, из мира «объективной» реальности в мир симуляционного бытия, обращая в копию, в симулякр. Поэтому субъект познания у Джойса и Пелевина, отказывая науке в существовании, утверждает никчемность «ясного» сознания и невозможность познания «объективной» реальности ввиду отсутствия ее как «реального» объекта (также примеры иронического антисциентизма представлены в романе «Улисс» на с. 41: «история... это кошмар, от которого я пытаюсь проснуться», на с. 48: «... припомни свои эпифании...», с. 50: «Ты собирался творить чудеса...», в романе «Empire “V”» на с. 124: «“Искусство боя и любви”», на с. 125: «Секрет живучести самого живучего человека...», с. 126: «Боевое искусство вампиров предельно аморально...»).

Пророческая форма антисциентизма представляет собой образ «Врага» (см. подробнее: [Денисов 2013]), поэтому будущее может быть окрашено только в черные тона. В «Улиссе» Стивен, размышляя о судьбе «англичанки и итальянки» (Британской империи (англиканской церкви) и Римской апостольской церкви) приходит к мысли, что в итоге всех ожидает только пустота: «Орды ересей в скособоченных митрах разбегаются наук... Неизбежная пустота ожидает их, всех...» (Джойс, 26), – в этом эпизоде юный художник отрицает служение как Британской империи, так и Римской церкви, которые, по убеждению Р. Элмманна, символизируют «тело и душу» [Ellmann 1972: 11]. Поведение Стивена представляет собой сплошные отказы (отказ молиться за мать, отказ служить «англичанке и итальянке», даже отказ купаться с Маллиганом), что в целом являет собой отказ от духовного и физического очищения, выступая одной из форм негативизма субъекта познания.

В романе Пелевина «Empire “V”» пророчество может начаться только после укуса вампира: «– Ты вспомнишь всю свою жизнь. Язык будет знакомиться с твоим прошлым...» (Пелевин 2021, 13), – здесь укус как новый этап кризиса субъекта научного познания (укус как «великая культурная переоценка» [Fell 1979: 15]), так как, с одной стороны, он открывает иные способы получения информации (через кровь укушенных), а с другой – закрывает путь к классической науке и философии как устаревшим методам познания окружающей реальности.

Третьим видом антисциентизма является нигилистический (по уточнению Денисова, кинический – отвергающий абстрактные идеи, направ-

ленный на изучение внутреннего мира человека, см. подробнее [Денисов]). В романе «Улисс» мнение Стивена о Гамлете обозначил Маллиган: «– Мы уже переросли Уайльда и парадоксы... Он с помощью алгебры доказывает, что внук Гамлета – дедушка Шекспира, а сам он призрак собственного отца» (Джойс, 23), – упомянутый О. Уайльд как представитель модернизма отказывал современной ему реальности в первозданности (в «Улиссе» есть слово “shopsoiled” – «замусоленный в лавке»). Поэтому в опошленном мире лучшим способом выживания становится философия киников, нашедшая свое иронико-патетическое преломление в трудах Ницше о появлении «сверхчеловека», пародийная версия которого озвучена Маллиганом: «У меня нет двенадцатого ребра... Я Uebermensch (сверхчеловек)» (Джойс, 28).

В романе «Empire “V”» нигилистический вид антисциентизма представлен крайней формой отказа человеку в попытках повлиять на свою жизнь, так как «... всеми нами управляет судьба» (Пелевин 2021, 13), – здесь единственный выход для субъекта познания, подчинившись судьбе, стать вампиром (карнавальным «сверхчеловеком» Джойса) и, получив сверхъестественную силу, использовать ее лишь для собственного блага.

Таким образом, джойсовский антисциентизм в пародийном представлении человека – «сверхчеловеком» – переосмысливается Пелевиным в трансформацию человека в вампира как агрессивного властного кровососущего существа в обществе потребления, а функция науки сводится лишь к деконструкции реальности и возвращению ее к первоосновам.

Но деконструкция «объективной» реальности и антисциентизм способствуют лишь углублению кризиса единого субъекта познания, дробя его до бесконечности и собирая вновь. Свидетельства страсти к всеобщей множественности и сборности («желание всеобъемлющего образа отцовства», «“множественного” отцовства» [Ellmann 1972: 5]) мы находим даже в биографии ирландского писателя: «Джойс чувствовал несоответствие между своим генетическим происхождением от беспутного отца и ортодоксальной матери, хотя и любил их, и своим творческим происхождением от Ибсена, Флобера, Данте и Д’Аннунцио. Не отрекаясь от своих настоящих родителей, они со Стивеном души не чаяли в тайне множественного происхождения» [там же]. Поэтому в эпизоде «Цирцея» галлюцинации Блума «размножают» его сознание до бесконечности, материализуя каждое качество: Блум-ребенок: «узкоплечий юноша в голубом элегант-

ном оксфордском костюме...» (Джойс, 489); Блум-ловелас (при виде Молли): «Он дышит глубоко, возбужденно...» (Джойс, 490), по отношению к миссис Брин: « (...Пальцы его медленно скользят вдоль ее запястья...)» (Джойс, 494); Блум как представитель разных профессий: «дантист», «Член Клуба Молодых Офицеров Армии и флота», «Лорд-мэр Дублина» и др. вплоть до превращения в «Блумумию» (Джойс, 572). Расщепление сознания Блума – это один из первых этапов «новой антропологии» Джойса – антропологии универсализации и деперсонизации. Ведь для того, чтобы собрать нового человека, нужно дойти до основ прежнего, разложив его на «элементарные структуры» [Хоружий 2015: 179].

В романе Пелевина «Empire “V”» единый субъект познания также «размножен», как и у Джойса, только с поправкой на *weird*-философию. Вампир представляет собой симбиоз «языка» и его носителя-человека. «Язык» имеет свойство менять носителя: «... где жил язык до того, как поселиться в человеке... В этой огромной мышце...» (Пелевин 2021, 167), но при этом: «– Нельзя сказать, что язык жил в Великой Мыши. Он был ею» (Пелевин 2006, 168). Для вампиров «язык» – это вся «суть», «Это была как бы переносная флэш-карта с личностью...» (Пелевин 2021, 169). Здесь у Пелевина «язык» выступает как материализованный элемент вампирского сознания, как его «альтер-эго», как скрытое желание неограниченной власти (Ницше) и дающее ему эту власть над миром и людьми, что вполне соответствует тому, как понимается контингентность, непредсказуемость языка и языковых структур в *weird*-философии. Отказываясь от объяснения языка как просто системы оппозиций и инструмента манипуляций в постмодернистской философии, *weird*-философия, настаивающая на «конце человеческой исключительности», видит в языке особый тип фантома, непредсказуемый генератор смыслов, определяющий вторжение не-человеческого (в том числе вампирского) в человеческое. Поэтому вампиры создают новую реальность с «героически-насильственной» культурой, в которой им нужно «... дойное животное... человек» (Пелевин 2021, 170). У Пелевина «место» человека в современной реальности представлено сообразно учению *weird*-философии, в которой он больше не «вершина пирамиды» – в иерархии других живых существ позиция человеческого разума смещена с первого места. Вся человеческая культура в долгом историческом периоде доказала свою несостоятельность и непродуктивность, поэтому высшим разумом на земле становятся вампиры как итог «бесчеловечной» деятельности людей.

Но постоянное разложение единого субъекта познания трансформирует и окружающую его реальность, превращая ее в субъективно-множественную: «...людям лишь кажется, что они ходят по поверхности шара и глядят в бесконечное пространство, а в действительности они живут внутри полой сферы, и космос, который они видят, – просто оптическая иллюзия» (Пелевин 2021, 171–172). Реальность для вампиров и людей – лишь «отпечатки» их же собственных ощущений: «...мы живем не среди предметов, а среди ощущений, поставляемых нашими органами чувств» (Пелевин 2021, 172). Поэтому, человеческий ум – это «... зеркало внутри этого полого шара» (Пелевин 2021, 172). В постмодернистской философии Пелевина реальность не может быть представлена как нечто целое и описана с помощью общих теорий, претендующих на единственно верное знание о мире. Поэтому в романе «Empire “V”» вампиры не стремятся построить новый мир или усовершенствовать старый, их девизом становится установка: «Спешите жить. Ибо придет день, когда небо лопнет по швам...» (Пелевин 2021, 412), – вектор вампирской философии направлен на деконструкцию, но понятую уже в духе *weird*-философии, как вторжение некоей не-человеческой «ярости», непредсказуемого контингентного развития событий, не зависящих от человеческого опыта и сознания, представляющих собой что-то вроде сбоя в безличной компьютерной программе.

Такой «сбой» ставит под вопрос саму систему субъект-объектных отношений: «... ум “Б” является одним из объектов ума “А”. И те фантазмы, которые он производит, воспринимаются умом “А” в одном ряду с фотографиями внешнего мира» (Пелевин 2021, 173). Здесь у Пелевина на первый план выходит гиперреальность (гипертекст) как результат виртуальной симуляции «объективной» действительности. Поэтому если вся реальность – это текст, то познание его представляет собой бесконечное количество его интерпретаций «размноженным» сознанием субъекта научного познания, который в итоге и порождает субъективно-множественную реальность.

Но такая субъективно-множественная реальность у Пелевина не является устойчивой, как у многих постмодернистов, а становится подвержена все большей энтропии, одним из источников которой является роман «Улисс». Если в эпизоде «Цирцея» Джойсом был представлен «театр личности» (Блум), то в «Итаке» – уже «ее аналитическое разложение» (Блум и Стивен) (Джойс: комм. Хоружего, 1027). Про написание эпизода «Итака» сам Джойс утверждал: «...он производит “математико-астрономико-физико-

механико-геометрико-химическую сублимацию Блума и Стивена...» (Джойс: комм. Хоружего, 1030). Поэтому если понимать сублимацию как процесс преобразования «либидо» в социально-продуктивные результаты (З. Фрейд), то слияние и разложение Стивена и Блума не становятся первозначимыми, так как представляют собой универсальный (единый) субъект научного познания: «Какие два темперамента они индивидуально представляли? Научный. Художественный» (Джойс, 691). И хотя Стивену и Блуму, например, представляются разные сцены, навеянные общей беседой, то они все же происходят в одном и том же отеле «Куинз» (Джойс, 693). И на вопрос: «Отнес ли он эту омонимию за счет осведомленности, или совпадения, или интуиции?» (Джойс, 693). Ответ – «Совпадения...», но «...которые не были рассказаны, однако подразумевались существующими...» (Джойс, 693). Здесь представлено полное расщепление сознания единого субъекта научного познания, каждый элемент которого гипостазирован – поэтому окружающая действительность воспринимается обрывисто и мозаично, например, только через зрительные ощущения (у Стивена) или слуховые (у Блума), которые должны быть одновременными, но они «были квазисовременные». Поэтому на вопрос: «Какое предложение сделал ноктамбулическому Стивену диамбулический Блум...?» (Джойс, 704) – получаем ответ о сомнамбулическом сознании «Стума» и «Бливена», для которого возможность познания «объективной» реальности тождественна возможности познания сна, т.е. априори невозможна. И обращение Блума к зеркалу с вопросом: «Какое сложное и асимметричное отражение в зеркале привлекло затем его внимание? Отражение одинокого (самосоотносительно) изменчивого (иносоотносительно) мужчины» (Джойс, 718) – представляет собой лишь результат когнитивной работы его мозга, способного производить замещения реальных людей на гипостазированные элементы своего собственного «Я», тем самым превращая единый субъект научного познания во множество редуцированных элементов.

В романе Пелевина «Empire “V”», как и ранее у Джойса, единый объект познания также разложен и гипостазирован, но исходя из учений weird-философии, где человеческое, звериное и монструозное – это контингентные моменты одной и той же энтропии, распада языка и расщепления сознания. Поэтому «комар» из стиха Митры превращается в человека, затем в вампира, а позже и в саму богиню Иштар («Комар» равен «князю мира сего»: «Комар... будь он человеком, он был бы – герой» (Пелевин 2021, 393)).

Если сама действительность романа «Empire “V”» – это гиперреальность (гипертекст), то гипостазированные части трансформируются и взаимопревращаются в симулякры, а возможность их познания сводится к их пониманию через другие тексты, которые интерпретируются через следующие, и так до бесконечности.

Однако мир бесконечных интерпретаций Пелевина имеет вектор крайней степени агрессивности у его обитателей (вампиров), и не только к человеку, но и к себе подобным. Гибель любого представителя кровососущего рода не вызывает ни капли сострадания у сородичей, а представляется как великое служение общему делу, поэтому смерть Митры остается практически незамеченной: «...Митра ушел навсегда, и это грустно. До самой последней секунды он ни о чем не догадывался» (Пелевин 2021, 405). Также ни о чем не догадывалась и Гера, никого не интересовало ее желание / нежелание перевоплощения в богиню Иштар, что в очередной раз утверждает в мысли агрессивно-потребительского поведения вампиров. Но в пелевинских парадигмах реальности наличие большой доли хаоса не отрицает четкой иерархической структуры власти, поэтому когда постоянно меняющемуся вампирскому миру понадобился новый бог (точнее, богиня Иштар), для ее перерождения все разрозненные гипостазированные элементы (расщепленный субъект научного познания) вновь собрались в единый субъект, ощущающий себя: «...носовой фигурой огромного корабля...» (Пелевин 2021, 404). Но это уже не субъект опыта, а субъект события, по отношению к которому любой опыт оказывается частным.

В итоге, если в конце эпизода «Итака» вновь собранный Блум получает имя «Всякий-и-никто» – универсальный деперсонализированный общечеловек, то истолкование облика Иштар у Пелевина представляет собой такой дискурс, который может быть интерпретирован только с помощью других дискурсов, в том числе и дискурса романа «Улисс». Поэтому джойсовский расщепленный субъект научного познания переосмысливается Пелевиным в такой субъект познания, который даже не может быть признан существующим, так как отрицание субъект-объектных отношений утверждает нас в мысли, что исследуемое явление не может быть исследовано никем, кроме субъекта познания, т.е. самого себя, таким образом становясь своеобразным мифическим «уроборосом» как репрезентацией бесконечно циклической природы жизни в бесконечно-множественной реальности. Этот субъект вполне отвечает представлению о множественности в современной weird-философии, множественно-

сти опыта как структурном условии утверждения какого-либо бытия.

Таким образом, Пелевин, переосмысляя джойсовскую эпистемологическую традицию в категориях, соответствующих weird-философии, создает новых персонажей, способы высказывания которых определяет фантомный генератор смыслов, поэтому в человеческие языковые структуры вторгаются не-человеческие (вампирические) паттерны, производя экспансию и интерференцию. Но даже всемогущие вампиры в романе Пелевина «Empire “V”» лишены возможности влияния на ход событий, всем управляет «судьба» (контингентность в weird-философии), а персонажи – симулякры в симулятивной реальности, где смерть любого – лишь механический сбой в компьютерной программе. Поэтому в субъективно-множественной реальности Пелевина разрушительная сила вампиров направлена на обеспечение возможности разрыва границ опыта и достижения трансгрессии (сродни джойсовской эпифании) как способа сделать невозможное возможным.

Список источников

Джойс Дж. Улисс / пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего. М.: АСТ, 2019. 1056 с.

Пелевин В. Священная книга оборотня. М.: Эксмо, 2004. URL: <https://www.furtails.pw/texts/1343> (дата обращения: 10.05.2022).

Пелевин В. Empire «V». СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. 416 с.

Список литературы

Башляр Г. Рациональный материализм. Заключение. Познание обыденное и познание научное // Башляр Г. Избранное: Научный рационализм. Т. 1. М., СПб.: Университетская книга, 2000. 395 с.

Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память // Бергсон А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. 325 с.

Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч. / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева; вступ. ст. М. С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. 206 с.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. А. В. Михайлова, вступ. ст. В. А. Куренного. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 336 с.

Денисов С. Ф. Антисциентизм: конфликтность и негативность. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2013. 318 с.

Духан И. Искусство длительности: философия Анри Бергсона и художественный эксперимент // Логос. 2009. № 3(71). С. 185–202.

Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб.: Университетская книга, 1977. 447 с.

Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2000. 288 с.

Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / пер. с дат. яз. Н. Исаевой, С. Исаева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 680 с.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Липовецкий М. Н. Постмодернизм в русской литературе: агрессия симулякров и саморегуляция хаоса // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2006. № 1(17). С. 52–82.

Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1997. 317 с.

Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культурная Революция, 2005. 880 с.

Пастернак Б. Л. Поль-Мари Верлен // Зарубежная поэзия в переводах Б. Л. Пастернака: сб. / сост. Е. Б. Пастернак, Е. К. Нестерова. М.: Радуга, 1990. 639 с.

Уваров М. С. Смерть смерти: постмодернистский проект // Перспективы метафизики. Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков: материалы междунар. конф. (Санкт-Петербург, 28–29 сентября 1997 г.). СПб.: Изд-во Ин-та человека РАН, 1997. С. 21–27.

Харман Г. Weird-реализм: Лавкрафт и философия / пер. с англ. Г. Коломийца и П. Хановой. Пермь: Гиле Пресс, 2020. 258 с.

Хоружий С. «Улисс» в русском зеркале. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. 384 с.

Эко У. «Поэтики Джойса»: II Улисс. URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/umberto-eco-potiki-joyca6.htm> (дата обращения: 20.05.2022).

Cisco M. Weird Fiction. A Genre Study. USA, NY, Bronx.: CUNY Hostos Community College, 2021. URL: <http://library.lol/main/79198992EF2BD4459B521A72661F5F3B> (дата обращения: 11.05.2022).

Ellmann R. Ulysses on the Liffey. Oxford University Press, 1972. 213 p.

Fell J. Heidegger and Sartre: an Essay on Being and Place. N. Y.: Columbia University Press, 1979. 518 p.

Noys B., Murphy T. S. Introduction: Old and New Weird // Genre. 2016. № 49(2). P. 117–134.

Vergara J. All Future Plunges to the Past: James Joyce in Russian Literature (NIU Series in Slavic, East European, and Eurasian Studies). Ithaca (N. Y.): Cornell University Press, 2021. 270 p.

References

- Bashlyar G. Ratsional'nyy materializm. Zaklyuchenie. Poznanie obydennoe i poznanie nauchnoe [Rational materialism. Conclusion. Everyday knowledge and scientific knowledge]. Bashlyar G. *Izbrannoe: Nauchnyy ratsionalizm* [Bashlyar G. Selected Works: Scientific Rationalism]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000, vol. 1. 395 p. (In Russ.)
- Bergson A. Opyt o neposredstvennykh dannykh soznaniya. Materiya i pamyat' [An essay on the immediate data of consciousness. Matter and memory]. Bergson A. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collection of Works: in 4 vols.]. Moscow, Moskovskiy klub Publ., 1992, vol. 1. 325 p. (In Russ.)
- Wittgenstein L. *Filosofskie raboty: v 2 ch.* [Philosophical Investigations: in 2 pts.]. Transl. from Germ. by M. S. Kozlova, Yu. A. Aseev, introd. by M. S. Kozlova. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 206 p. (In Russ.)
- Husserl E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy]. Transl. from Germ. by A. V. Mikhaylov, introd. by V. A. Kurennoy. Moscow, Dom intellektual'noy knigi Publ., 1999, vol. 1. 336 p. (In Russ.)
- Denisov S. F. *Antistsientizm: konfliktnost' i negativnost': monografiya* [Anti-Scientism: Conflict and Negativity: monograph]. Omsk, Omsk State Pedagogical University Press, 2013. 318 p. (In Russ.)
- Dukhan I. Iskustvo dlitel'nosti: filosofiya Anri Bergsona i khudozhestvennyy eksperiment [The art of duration: The philosophy of Henri Bergson and art experiment]. *Logos*, 2009, issue 3 (71), pp. 185–202. (In Russ.)
- Cassirer E. *Zhizn' i uchenie Kanta* [Kant's Life and Thought]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1977. 447 p. (In Russ.)
- Kuritsyn V. *Russkiy literaturnyy postmodernizm* [Russian Literary Postmodernism]. Moscow, OGI Publ., 2000. 288 p. (In Russ.)
- Kierkegaard S. *Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k 'Filosofskim krokhm'* [Concluding Unscientific Postscript to the Philosophical Fragments]. Transl. from Dan. by N. Isaeva, S. Isaev. St. Petersburg, Saint Petersburg University Press, 2005. 680 p. (In Russ.)
- Lyotard J.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition]. Transl. from Fr. by N. A. Shmatko. Moscow, Institute of Experimental Sociology Publ., St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1998. 160 p. (In Russ.)
- Lipovetskiy M. N. Postmodernizm v russkoy literature: agressiya simulyakrov i samoregulyatsiya khaosa [Postmodernism in Russian literature: Aggression of simulacra and autoregulation of chaos]. *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty* [Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects], 2006, issue 1(17), pp. 52–82. (In Russ.)
- Lipovetskiy M. N. *Russkiy postmodernizm (Ocherki istoricheskoy poetiki)* [Russian Postmodernism (Essays on Historical Poetics)]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 1997. 317 p. (In Russ.)
- Nietzsche F. *Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vsekh tsennostey* [The Will to Power. Experience the Revaluation of All Values]. Transl. from Germ. by E. Gertsyk et al. Moscow, Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., 2005. 880 p. (In Russ.)
- Pasternak B. L. *Pol'-Mari Verlen* [Paul-Marie Verlaine]. *Zarubezhnaya poeziya v perevodakh B. L. Pasternaka: Sbornik* [Foreign Poetry in B. L. Pasternak's Translation]. Comp. by E. B. Pasternak, E. K. Nesterova. Moscow, Raduga Publ., 1990. 639 p. (In Russ.)
- Uvarov M. S. Smert' smerti: postmodernistskiy proekt [The death of death: a postmodern project]. *Perspektivy metafiziki. Klassicheskaya i neklassicheskaya metafizika na rubezhe vekov: materialy mezhdunarodnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 28–29 sentyabrya 1997 g.)* [Prospects of Metaphysics. Classical and Non-Classical Metaphysics at the Turn of the Centuries: Proceedings of the International conference (St. Petersburg, September 28–29, 1997)]. St. Petersburg, Human Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997, pp. 21–27. (In Russ.)
- Harman G. *Weird-realizm: Lavkraft i filosofiya* [Weird-Realism: Lovecraft and Philosophy]. Transl. from Eng. by G. Kolomiets and P. Khanova. Perm, Gile Press, 2020. 258 p. (In Russ.)
- Khoruzhiy S. *'Uliss' v russkom zerkale* ['Ulysses' in the Russian Mirror]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2015. 384 p. (In Russ.)
- Eco U. *Poetiki Dzhoysa: II Uliss* [The Poetics of Joyce: II 'Ulysses']. Available at: <http://www.james-joyce.ru/articles/umberto-eco-poetiki-joyca6.htm> (accessed 20 May 2022). (In Russ.)
- Cisco M. *Weird Fiction. A Genre Study*. USA, NY, Bronx, CUNY Hostos Community College, 2021. Available at: <http://library.lol/main/79198992EF2BD4459B521A72661F5F3B> (accessed 11 May 2022). (In Eng.)
- Ellmann R. *Ulysses on the Liffey*. Oxford University Press, 1972. 213 p. (In Eng.)
- Fell J. *Heidegger and Sartre: An Essay on Being and Place*. N. Y., Columbia University Press, 1979. 518 p. (In Eng.)
- Noys B., Murphy T. S. Introduction: Old and New Weird. *Genre*, 2016, issue 49 (2), pp. 117–134. (In Eng.)
- Vergara J. *All Future Plunges to the Past: James Joyce in Russian Literature (NIU Series in Slavic, East European, and Eurasian Studies)*. Ithaca (N. Y.), Cornell University Press, 2021. 270 p. (In Eng.)

The Joyce's Tradition of V. Pelevin's Novel «Empire 'V'»: from Anti-scientism to the Invention of a New Character

Julia N. Myslina

Postgraduate Student in the Department of Russian and Foreign Philology

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

87, Gor'kogo st., Vladimir, 600000, Russian Federation. yulia_mislina@mail.ru

SPIN-code: 2275-9948

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5561-1859>

ResearcherID: GLN-4533-2022

Submitted 14 Jun 2022

Revised 10 Oct 2022

Revised 03 Nov 2022

For citation

Myslina Ju. N. Dzhoysovskaya traditsiya romana V. Pelevina «Empire “V”»: ot antistsientizma k izobreteniyu novogo personazha [The Joyce's Tradition of V. Pelevin's Novel «Empire 'V'»: from Anti-Scientism to the Invention of a New Character]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 94–105. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-94-105 (In Russ.)

Abstract. The article examines how Joyce's detached attitude to progress in the novel *Ulysses* transforms into the parody-comic anti-scientism of Victor Pelevin's novel *Empire 'V'*. The Russian author not only refuses to recognize positive ontology as of scientific mood but also reduces its mission only to the destruction of reality and return to the basic intuition. The paper proves that Joyce's methods of splitting the consciousness of the one acquiring scientific knowledge (cognizer) are rethought by Pelevin as the cognizer's consciousness multiplied to infinity, which produces a subjective multiple reality, turning into a hypertext. Therefore, Pelevin turns Joyce's hypostatized elements into independent agents, being characters of a new type. These characters are faced with the question of their real / possible existence in a subjective multiple reality. Thus, these new characters are interpreted within the framework of the subject-object antinomy, as fiction proceeds from subject-object relations. The paper aims to determine the influence of the Joycean principle of splitting subjective consciousness in *Ulysses* on the creation by V. Pelevin of characters and ways of expressing the new type in *Empire 'V'*. The subject of study is the features of the invention of the new-type characters as a tool for organizing fictional decisions in Pelevin's novel *Empire 'V'*. The paper is the first study to prove that the artistic method showing the split consciousness in the heroes of the Pelevin's novel directly develops Joyce's epistemological tradition of the cognizer's crisis, but in the era of weird-philosophy. The main research techniques employed: comparative method, historical and cultural contextualization, discourse analysis.

Key words: J. A. A. Joyce; V. Pelevin; cognizer; anti-scientism; subjective multiple reality; hypostatized elements; hypertext.

УДК 811.111-26
doi 10.17072/2073-6681-2022-4-106-114

Графический способ стилизации детской речи и моделирования детского мировосприятия в художественных произведениях (на примере романов “Room” Э. Донохью и “All the Lost Things” М. Сакс)

Наталья Николаевна Николина

старший преподаватель кафедры германской филологии

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. nickolyasya@yandex.ru

SPIN-код: 5003-9377

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8187-6829>

ResearcherID: AAS-6884-2021

Статья поступила в редакцию 26.07.2022

Одобрена после рецензирования 25.09.2022

Принята к публикации 05.10.2022

Информация для цитирования

Николина Н. Н. Графический способ стилизации детской речи и моделирования детского мировосприятия в художественных произведениях (на примере романов “Room” Э. Донохью и “All the Lost Things” М. Сакс) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 106–114. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-106-114

Аннотация. В статье рассматриваются графические приемы, используемые в речи рассказчика-ребенка в художественных произведениях, предназначенных для взрослой аудитории. Имитация повествования от лица детей в таких произведениях является сложной задачей для автора, поскольку речь детского персонажа не может полностью соответствовать речи реального ребенка. Поэтому детский нарратив в литературе для взрослых обладает высокой степенью искусственности и осознается читателем как прием. Анализ научных работ, посвященных речи персонажей-детей, показывает, что их речь стилизуется под детскую. Стилизация подразумевает, что авторы используют определенный набор языковых элементов, которые соотносятся с реальными характеристиками детской речи, но в то же время могут быть художественно усилены. Авторы могут стилизовать детскую речь на разных языковых уровнях.

Графический способ стилизации детской речи и воспроизведения детского мировосприятия выделяется редко и некоторыми исследователями называется нетрадиционным. Отмечается его использование для выражения интонации, обозначения новых слов и реалий, выделения чужого слова и др.

В статье анализируются современные произведения на английском языке, где рассказчиками являются дети 5 и 7 лет: “Room” (Emma Donoghue, 2010) и “All the Lost Things” (Michelle Sacks, 2019). В представленных романах графический способ стилизации детской речи и мышления используется в качестве как самостоятельного, так и дополнительного. Самостоятельно графический способ применяется для выделения новых, непонятных, сложных для героев слов и фраз, слов на другом языке, а также чужого слова в их речи. В качестве дополнительного графический способ используется для усиления других приемов и языковых единиц, имитирующих детскую речь: олицетворений, звукоподражательных междометий, преувеличений.

Ключевые слова: рассказчик-ребенок; детская речь; стилизация; графика; олицетворение; звукоподражательные междометия; гипербола.

В литературе не редки случаи использования главных героев-детей или рассказчиков-детей в произведениях, рассчитанных на взрослую аудиторию. Такой прием не является новым, достаточно вспомнить «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена. Образ наивного главного героя в сочетании с критическим, но юмористическим взглядом на мир стал «настоящим событием для генезиса детского образа в истории мировой литературы» [Ненилин 2006: 7]. Сегодня все чаще можно встретить произведения, написанные для взрослых, где повествователь или рассказчик значительно младше читателя: это может быть ребенок дошкольного, младшего школьного, а также подросткового возраста. Сандра Динтер, рассуждая о современной британской литературе для взрослых, упоминает такие произведения, как «Песни мертвых детей» Тоби Лита (2001), «Случайно» (2005) и «Кроме» (2011) Али Смит, «Флоренс и Джайлс» Джона Хардинга (2010), «Пиджин-Инглиш» Стивена Келмана (2011) и «Девочка в красном пальто» Кейт Хэмер (2015) [Dinter 2018]. Можно также отметить британские, американские и ирландские романы, в которых рассказчиками являются дети или подростки: «Милые кости» Элис Сиболд (2002), «Загадочное ночное убийство собаки» Марка Хэддона (2003), «Жутко громко и запредельно близко» Джонатана Сафрана Фоера (2005), «Комната» Эммы Донохью (2010), «Щегол» Донны Тартт (2013). Список подобных произведений, безусловно, не ограничивается представленными в данной статье романами. Можно отметить некую тенденцию увеличения числа персонажей- или рассказчиков-детей в современной литературе. Как следствие, выявление и изучение особенностей детского нарратива, а также речи персонажей-детей составляет особый интерес исследователей. При этом стоит отметить, что в истории литературы рассказчик-ребенок является «недавним феноменом» [Dinter 2018: 50] и только начинает становиться объектом научного интереса – с точки зрения как лингвистики, так и литературоведения. Последнее обуславливает актуальность данного исследования.

Отмечается, что создание речи рассказчика-ребенка, моделирование детского мировосприятия, как и выстраивание повествования в целом, является непростой задачей для авторов: создание рассказчика-ребенка понимается как «исключительно трудная затея, при которой автор должен использовать определенные стратегии, чтобы представить себя как заслуживающего доверия рассказчика» [ibid.: 53].

Проблематичность выстраивания повествования от лица детей в литературе объясняется не-

способностью реальных детей вести повествование: «маленькие дети не способны вести развернутое повествование ни в устной, ни в письменной форме; даже короткие сообщения о происшествиях, сообщаемые детьми, как правило, звучат сбивчиво» [Björling 1983: 7]. Кроме того, «способность организовывать повествовательный материал иерархически, по-видимому, требует такого уровня развития, которого маленькие дети еще не достигли» [ibid.]. Тем не менее повествование в художественном произведении, как правило, предполагает последовательность и организованность. В таком случае авторы могут пренебречь достоверностью в пользу понятности и относительной ясности повествования, создавая таких рассказчиков, которые больше напоминают взрослых, учитывая то, что они могут рассказать логично выстроенную историю. Следовательно, «художественное произведение, рассказанное голосом ребенка, с самого начала воспринимается как прием, читатель знает, что рассказчик не может быть настоящим ребенком» [ibid.]. «Относительное неумение детей ясно выражаться делает любое представление их сознания неизбежно условным и принципиально искусственным построением взрослых писателей» [Dinter 2018: 53].

В ряде работ, посвященных детской речи, а также речи персонажей-детей, способам имитации детского мировосприятия в литературе [Амзаракова 2005, Солнцева 2008, Войткова 2011, Шипова 2011, Николина 2016], отмечается искусственность речи персонажа-ребенка, ее стилизация под детскую.

Н. К. Войткова утверждает: «если же в роли адресата выступает взрослый читатель, уподобление детской речи происходит за счет стилизации повествования» [Войткова 2011: 10]. Г. А. Шипова, анализируя языковые приемы для создания эффекта детского мировосприятия, используемые в современной художественной автобиографии, выявляет корреляцию между ними и действительными особенностями детской речи. Тем не менее это не полное соответствие реальной детской речи: «авторы не копируют ее, а используют стилизацию, о чем свидетельствует включение элементов с яркой разговорной окраской. При этом используется ограниченный репертуар средств, создающих иллюзию естественности и спонтанности речевого поведения персонажа-ребенка» [Шипова 2011: 13]. Похожую мысль находим у К. В. Солнцевой: «представленная в художественных произведениях детская речь отличается от естественной детской речи тем, что представляет ее не полностью, а только лишь некоторыми отдельными элементами, иными словами, она стилизуется, что создает

впечатление ее реальности, достоверности» [Солнцева 2008: 1]. Н. А. Николина, анализируя детскую речь так же в автобиографической прозе, отмечает, что «в большинстве случаев, за исключением отдельных словообразовательных инноваций и окказиональных грамматических форм, сохраненных в памяти или подтвержденных записями родителей, перед нами стилизация детской речи, попытка воссоздания своих высказываний в прошлом. Обращаясь к воспоминаниям детства, автор часто моделирует процесс освоения мира словом, перевоплощается в рассказчика» [Николина 2016: 486]. В исследовании И. П. Амзараковой выражается мысль о том, что детский образ, создаваемый писателем, не является точным воспроизведением детской речи и мышления, а скорее заключает в себе представления автора о детях и детстве: «исследователь мира детства не должен безоговорочно доверять этому источнику в силу его субъективности» [Амзаракова 2005: 23].

Стилизация речи персонажа под детскую происходит на разных языковых уровнях, при этом выделяются традиционные, наиболее часто используемые способы стилизации детской речи, представленные как в детской литературе, так и в литературе для взрослой аудитории. К таковым относятся: «слоговая элизия, сокращение кластеров и звуковая субституция» [Солнцева 2008: 6] на фонетическом уровне; аффиксация, сокращение, конверсия, стяжение, редупликация [Солнцева 2013] на словообразовательном уровне; «использование олицетворения, конкретизации и деметафоризации» [Шипова 2011: 21] на лексическом уровне; использование простых и коротких предложений [Sanger 1998, Николина 2016], «эллипсис, отсутствие инверсивного словоупорядка в общих вопросах» [Солнцева 2008: 15], «сегментация, парцелляция, параллелизм» [Шипова 2011: 16], «сложносочиненные предложения с повторяющимися соединительными и противительными союзами» [там же: 8] на синтаксическом уровне. Отмечается, что при стилизации детской речи в основном в центре внимания авторов оказывается «постепенное освоение лексической семантики, метаязыковая деятельность ребенка, детское словотворчество» [Николина 2016: 487].

Использование графических приемов в работах, посвященных речи персонажей-детей, отмечается не так часто. Г. А. Шипова графический способ создания детской речи и мировосприятия называет «нетрадиционным»: с его помощью автор «выражает интонацию, новизну слова в детском словаре, выделяет ключевые слова, чужое слово в субъектно-речевом плане персонажа» [Шипова 2011: 21]. Исследователь выделяет

такие проявления графического способа, как: «написание слов в одно или через дефис; применение прописных букв или так или иначе выделенного шрифта» [там же: 21–22]. Н. А. Николина отмечает, что графически обозначаются «новые для героя предметы или реалии» [Николина 2009: 57]. Цель данного исследования – проанализировать предназначенные для взрослой аудитории произведения, где рассказчиками являются дети младшего возраста, чтобы определить, насколько часто и в каких случаях используется графический способ для стилизации детской речи и воспроизведения детского мышления. В качестве материала исследования были выбраны романы Эммы Донохью и Мишель Сакс “Room” (2010) и “All the Lost Things” (2019) соответственно, где рассказчиками являются дети дошкольного и младшего школьного возрастов соответственно. Два выбранных произведения объединяет и тяжелая, мрачная тематика. Произведение Донохью рассказывает историю пятилетнего Джека и его матери. Несколько лет они удерживаются в закрытом помещении, которое называют Комнатой, затем сбегает и адаптируется к жизни в обществе. В романе Мишель Сакс отец после убийства жены в ходе ссоры пускается в бег с семилетней дочерью Долли.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных авторов, а именно научные труды И. П. Амзараковой, Н. К. Войтковой, Н. А. Николиной, К. В. Солнцевой, И. М. Чеботаревой, Г. А. Шиповой и др., а также некоторые работы зарубежных исследователей: Ф. Бюрлинг, С. Динтер, М. Карачоло, М. Рубик, К. Сэнгер. В ходе исследования был произведен лингвистический анализ, сбор материала осуществлялся методом сплошной выборки.

Анализ выбранных произведений показал, что в указанных романах графический способ создания детской речи и мировосприятия используется неодинаково, преимущественно наряду с другими лексическими и грамматическими способами, редко является основным или самостоятельным и чаще носит дополняющий, сопроводительный, усиливающий характер.

В романе “Room” автор стилизует речь рассказчика – пятилетнего Джека – под детскую на нескольких уровнях: морфологическом, лексическом, синтаксическом. Так, в речи Джека довольно много различного рода грамматических ошибок, связанных с неверным образованием форм, неправильным порядком слов или опущением необходимых членов предложения; нередко используется конверсия, а также встречается неверное употребление некоторых слов (здесь и далее полужирным выделено нами. – Н. Н.):

“You **cutted** the cord and I was free...” (Donoghue, 4).

“I go even **fasterer** like Superman flying” (ibid., 19).

“We take down all the **furnitures** from Bed...” (ibid.).

“**Why you didn't** tell him before ...” (ibid., 47).

“**How you did** a picture asleep?” (ibid., 5).

“She gets out of Bed and goes to Thermostat to **hot** the air” (ibid., 4).

“You were all sad till I **happened** in your tummy” (ibid., 3).

“To **sick** me like when I was three with throw-up and diarrhea?” (ibid., 4).

Детское мышление и мировосприятие выражается в непонимании героем переносных значений, фразеологизмов, незнании чего-либо и вопросах о новых словах или вещах:

“At five, they're still **plastic**.” But I'm **not plastic**, I'm a **real boy**” (Donoghue, 260–261).

“Anything **ringing a bell**?” I **don't hear any bells**” (ibid., 187).

“I **didn't know** Baby Jesus grows up” (ibid., 35).

“What's **equinox**?” (ibid., 30).

На лексическом уровне отличительной чертой речевого портрета Джека являются олицетворения. В основном олицетворению подвергаются предметы быта (мебель, техника, комнатные растения), которые окружают Джека в Комнате и с которыми он регулярно взаимодействует (в ходе игр или выполнения повседневных действий). Они воспринимаются главным героем как живые существа, об этом свидетельствует использование личных и притяжательных местоимений *he/his* и *she/her* вместо грамматически верного *it/its*, отсутствие артиклей (как в случае с именами собственными), а также использование с такими словами глаголов, обозначающих действия людей:

“I look down at **Rug** with **her** red and brown...” (Donoghue, 4).

“...to look at **Watch**, **he** says 07:14” (ibid., 5).

“I choose **Meltedy Spoon** <...> when **he** **leaned** on the pan...” (ibid., 7).

“...like give **Plant** a cup of water in **Sink** for no spilling, then put **her** back on **her** saucer on **Dresser**...” (ibid., 10).

“**Plant** used to live on **Table**...” (ibid.).

“...**TV** **died**...” (ibid., 12).

“**Bouncy Ball** loves to get lost in **Labyrinth**...” (ibid., 17).

Отмечается, что олицетворения действительно часто встречаются в речи детей младшего возраста [Чеботарева 1996]. Это может объясняться, во-первых, тем, что «ребенок измеряет все формы бытия в масштабе собственного опыта и знания и по своему образу и подобию» [там

же 7], а во-вторых, тем, что ребенок еще не освоил разделение мира на живое и неживое [Костылев 1987: 74]. Исходя из этого, можно предположить, что использование олицетворения в речи рассказчика-ребенка помогает автору создать более правдоподобный детский речевой образ.

Однако необходимо отметить, что наличие олицетворений в речи Джека объясняется не только тем, что они являются маркерами детской речи, но и особенностями его картины мира. Мировосприятие Джека отличается от того, как видят мир остальные дети, из-за того, что он всю свою жизнь провел в замкнутом помещении. Его мир ограничен пространством Комнаты и вещами, которые в ней находятся, а они, как правило, представлены в единичном экземпляре. Отсюда его восприятие этих вещей не только как одушевленных, но и уникальных: «он не подозревает, что множество объектов одного вида существуют в мире» [Rubik 2017: 221]. Уникальность и одушевленность предметов в сознании Джека усиливается написанием обозначающих их слов с заглавной буквы. Подобное написание говорит о том, что «Джек не видит разницы между обычными нарицательными именами, такими как “стол”, и именами собственными, поскольку он воспринимает их как относящиеся к уникальному знаку, а не к типу или категории объектов» [Caracciolo 2014: 186].

Эмма Донохью также использует звукоподражательные междометия для имитации детской речи, что оправдано, так как ее особенностью является «повышенная звукоподражательность и звукоизобразительность» [Белоглазова 2010: 30]. Активное же использование детьми междометий «связано с психофизиологическими и коммуникативно-прагматическими факторами: с чуткостью ребенка к звуковой форме, с его эмоциональностью и импульсивностью, со стремлением к речевому доминированию (заполнению коммуникативных пустот)» [Амзаракова 2005: 17]. «Особенностью функционирования междометия в детской речи следует считать его использование в номинативной функции» [там же: 18].

В речи Джека представлены как устоявшиеся, так и неологические звукоподражательные междометия. Они имитируют звуки окружающих ребенка предметов, передают динамику, движение, сопровождают деятельность Джека (в том числе игровую) и его фантазии:

“After I flush I watch the tank filling up going **bubble gurgle wurble**” (Donoghue, 14).

“Also another time there was a thing in the night **nnnnng nnnng nnnng** biting me...” (ibid., 10).

“...she says, holding up the little bag and shaking it **shickety shick**...” (ibid., 27).

“Ma leans out of Bed to switch on Lamp, he makes everything light up *whoosh*” (Donoghue, 3).

“I go nearer and *whew* it’s gone under Stove so I hardly saw it...” (ibid., 38).

“I’m a bit jiggly so Ma says let’s play Orchestra, where we run around seeing what noises we can bang out of things. I drum on Table and Ma goes *knock knock* on the legs of Bed, then *floomf floomf* on the pillows, I use a fork and spoon on Door *ding ding* and our toes go *bam* on Stove, but my favorite is stomping on the pedal of Trash because that pops his lid open with a *bing*” (ibid., 20).

“...when I wiggle one of the switches with my thumb the jeep’s wheels spin *zhhhhung*” (ibid., 54).

“*Zoom zoom* through the jungle” (ibid., 51).

“I’ll burst through Skylight into Outer Space and go *boing boing* between each the planets...” (ibid., 16).

“In a minute the police are going to come *weee-ahhh weee-ahhh weee-ahhh* and lock those bad guys up in jai” (ibid., 42).

Иногда междометия используются в номинативной функции. Ниже представлены примеры, в которых междометия выступают в роли существительных или глаголов:

“I can skateboard on Rocker without holding on to her, then I *whew* back onto Duvet and I’m snowboarding instead” (Donoghue, 5).

“I move my chair to Sink to wash up, with bowls I have to do gently but spoons I can *cling clang clong*” (ibid., 8).

“...Jeep *vrums* his wheels as loud as he can” (ibid., 55).

“An awful *waah waah* starts, I cover my ears” (ibid., 317).

В романе звукоподражательные междометия выделяются курсивом, что помогает показать их отличие от остальных слов, передает, возможно, их более яркое восприятие Джеком и подчеркивает неологический, творческий характер.

Курсивом также выделяются испанские слова и фразы в речи Джека и его матери. Их наличие объясняется влиянием его любимой телевизионной программы *Dora the Explorer*, в которой героиня иногда говорит на испанском языке. Использование курсива позволяет подчеркнуть необычность, инаковость этих слов в восприятии Джека, их отличие от слов «реального» (английского) языка:

“Dora says bits that aren’t in real language, they’re Spanish, like *lo hicimos*” (Donoghue, 12).

“It means it’s OK. *No hay problema.*” (ibid., 16).

“Mary’s there too, she’s cuddled in her Ma’s lap that’s Baby Jesus’s Grandma, like Dora’s *abuela*” (ibid., 22).

“I bet it’s going to be *delicioso* with candles the same number as me and on fire like I’ve never seen for real” (ibid., 26).

Новые, сложные и непонятные для Джека слова и фразы, которые он слышит в речи взрослых, и надписи также выделены курсивом:

“...Ma finds hard words to test me from the milk carton like *nutritional* that means food, and *pasteurized* that means laser guns zapped away the germs” (Donoghue, 41).

“What’s *in general*?” (ibid., 81).

“What’s *bonsai*?” (ibid., 270).

“...Dr. Clay wanted me to stay for *continuity* and *therapeutic isolation*...” (ibid., 315).

“There’s a little hatch that says *INCINERATOR*...” (ibid., 377).

Что касается романа Мишель Сакс “All the Lost Things”, то в нем рассказчицей является Долли, девочка 7 лет. В ее речи нет такого обилия маркеров детской речи, как в романе Донохью, однако присутствует метаязыковая рефлексия – размышления о значении слов и выражений:

“...it was **MARVELOUS** which is like excellent but way better” (Sacks, 30).

“...we **collapsed into STITCHES**, which is when you laugh so hard you burst open and need to be sewn back together again” (ibid., 31).

“She calls this one **BENEATH HIM** and **HUMILIATING**, whatever that means” (ibid., 67).

“...they were **GREEN WITH ENVY** which is what happens when you are so jealous it makes you want to throw up” (ibid., 125).

Отличительной чертой речи этого персонажа являются преувеличения:

“Anyway, I was **THRILLED IN PIECES**...” (Sacks, 12).

“Of course, I promised that I would never tell **A LIVING SOUL** and I will keep that promise until my most **DYING BREATH** because that is what true friends should do” (ibid., 27).

Безусловно, мы не можем с полной уверенностью утверждать, что гиперболы в речи Долли являются именно маркерами детской речи, а не только особенностями мышления и речи эмоциональной девочки. Однако мы можем предположить, что использование гипербол не только показывает нам живой и яркий характер Долли, но и придает речи главной героини правдоподобия, так как коррелирует с реальными особенностями развития речи и мышления детей. Уже в возрасте 3–4 лет они «снабжают предметы и объекты гиперболизованными оценками» [Амзаракова 2019: 126]. С переходом в школу «в речи ребенка младшего школьного возраста все чаще появляются экспрессивные средства – гиперболические сравнения и метафоры для выражения

своего отношения к человеку и действию» [Амзаракова 2019: 130].

В представленном романе преувеличения выражаются разными способами. Часто это прилагательные в превосходной степени в сочетании с порядковыми числительными и фразой “in the world”:

“Some of the **WORST WORDS in the world** are *divorce, Los Angeles, and depressed...*” (Sacks, 18).

“Being lost is the **SECOND WORST THING in the world...**” (ibid., 23).

Гиперболы также могут быть выражены числительными “hundred(s)”, “thousand(s)”, “million(s)”, иногда в сочетании со словом “ever” и фразой “in one’s life”. Так, подобные преувеличения, выражая большое количество чего-либо, зачастую передают восторг или удивление героини:

“They have **HUNDREDS** of them and all of the cars are nice and new-looking...” (Sacks, 18).

“There were **MILLIONS** of trees everywhere, maybe more than I ever saw before **in my life** all at once” (ibid., 37).

Гиперболы с указанными числительными также передают другие эмоции героини. Это может быть:

а) радость, радостное волнение

“I was **ONE HUNDRED PERCENT excited...**” (Sacks, 11).

“Inside my stomach, I had **ONE THOUSAND butterflies**” (ibid., 14).

б) грусть

“I wish he could spend **hundreds of hours** playing games with me...” (ibid., 30).

“Actually it felt like a **thousand years**. A **thousand bad years** of tears and plagues and very bad things” (ibid., 257).

в) скука

“What time is it now?” I asked Dad. It felt like **hundreds of hours** had passed” (ibid., 82).

Числительные встречаются в преувеличениях, которые выражают самоуверенность Долли, ее преумножение своих знаний и опыта, а также могут быть элементами игры, отражая фантазию девочки и ее склонность к выдумыванию:

“...I knew that was the way you go to get to Manhattan because I have been **HUNDREDS** of times with Mom” (Sacks, 24).

“We used the glass cups from the bathroom and pretended that I was a grownup lady with creamy-colored skin who worked in an ice-cream parlor that was inside a hotel. There were **ONE THOUSAND** flavors to choose from and also **hundreds** of toppings like sprinkles and caramel chunks and M&Ms...” (ibid., 44).

Гиперболы также выражаются словами “forever” и “never”:

“...and it was a double treat because Dad was all for me and that **ALMOST NEVER PROBABLY EVER** happens” (Sacks, 19).

“...if he spilled that very strong glue that can stick your fingers together **FOREVER...**” (ibid., 50).

Гиперболы в речи Долли позволяют передать силу и яркость ее детского мировосприятия, делая ее речь более эмоциональной и живой. Зачастую (но не всегда) преувеличения в речи Долли выделяются прописными буквами. Как и в случае с олицетворениями и междометиями в романе Донохью, графический прием здесь применяется в качестве дополнительного. И, похожим образом, в качестве основного графический прием используется для обозначения новых для Долли слов, а также слов, принадлежащих миру взрослых и не всегда используемых ребенком самостоятельно:

“...but 366 days when it’s a **LEAP YEAR** that jumps ahead but only every four years on the 29th of February” (Sacks, 11).

“We are fluent in **TELEPATHY** which means we can speak to each other with only our minds...” (ibid., 15).

“It melted a little from being in my bag, but she didn’t mind and she said it was **SCRUMPTIOUS...**” (ibid., 17).

“Because of being advanced, I can spell very tough words like **PALEONTOLOGY** and **PHOSPHATES**” (ibid.).

“...he wears a gray suit every day along with a badge that says his name and the word **SALES EXECUTIVE** beneath it” (ibid., 18).

“...until I found the perfect amount of **VENTILATION** which is air and another word I can spell if I concentrate hard” (ibid., 20).

Выделение таких слов прописными буквами, а иногда и курсивом, подчеркивает не только их новизну, но и значимость для Долли: она гордится тем, что знает такие серьезные, «взрослые» слова и умеет их правильно написать (для обозначения этого и используется курсив).

Прописными буквами также выделяется чужое слово в речи Долли:

“I have an **ADVANCED BRAIN**. That’s what Miss Ellis says and she’s my teacher...” (Sacks, 17).

“Dad is up for a promotion soon and that means he will get an even more important badge, **FINGERS CROSSED**. He will also get more money and that’s good news because **MONEY IS TIGHT** and the house is **MORTGAGED TO THE HILT** and that means **BILLS BILLS BILLS**” (ibid., 18).

Подводя итог, можно отметить следующее. Создание произведений для взрослой аудитории, где повествование ведется от лица ребенка, является сложной задачей для авторов, что связано с

неумением реальных детей выстраивать связанное и логичное повествование. Поэтому использование персонажей-детей в таких случаях зачастую осознается как прием. Речь таких персонажей обладает высокой степенью искусственности, так как она стилизуется под детскую: авторы не переносят абсолютно все особенности детской речи в художественный текст, а выбирают только некоторые из них, которые могут быть при этом художественно усилены. Стилизация может осуществляться на фонетическом, словообразовательном, лексическом, синтаксическом и метаязыковом уровнях.

Графический способ стилизации речи под детскую, а также моделирования детского мировосприятия встречается не так часто и относится к нетрадиционным. Его использование в проанализированных произведениях неравномерно. В романе "Room" используются курсив и написание с заглавной буквы. Как самостоятельный графический способ применяется для выделения новых и непонятных для героя слов и фраз из речи других, надписей, а также слов на другом языке. В качестве дополнительного графического способ используется для усиления других приемов и языковых единиц, которые используются для стилизации детской речи: олицетворений и звукоподражательных междометий. Аналогично в романе "All the Lost Things" написание слов прописными буквами усиливает гиперболы в речи рассказчицы, которые используются для стилизации ее речи под детскую. Самостоятельно графический способ применяется для выделения новых и сложных слов, а также чужого слова в речи героини.

Относительно графического способа можно также сделать вывод, общий для обоих произведений. Самостоятельно графический способ используется в большей степени для воспроизведения детского мировосприятия, в то время как в качестве дополнительного он применяется для передачи не только детского восприятия, но и особенностей речи.

Список источников

- Donoghue E. Room. London: Picador, 2010. 401 p.
Sacks M. All the Lost Things. New York; Boston; London: Little, Brown and Company, 2019. 288 p.

Список литературы

- Амзаракова И. П. Преувеличение и преуменьшение как маркеры речевого развития ребёнка: акмеологический подход // Филология и человек. 2019. № 2. С. 123–133. doi 10.14258/filichel(2019)2-11

Амзаракова И. П. Языковой мир немецкого ребенка младшего школьного возраста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 44 с.

Белоглазова Е. В. Дискурсная гетерогенность литературы для детей: когнитивный и лингвопрагматический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 41 с.

Войткова Н. К. Лингвистическая специфика изображения повествователя-ребёнка в современном немецком художественном нарративе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 22 с.

Костылев А. О. Обращение в детской речи // Детская речь как предмет лингвистического изучения: межвуз. сб. науч. тр. Ленинград: ЛГПИ, 1987. С. 69–76.

Ненилин А. Г. Стивен Кинг и проблема детства в англо-американской литературной традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2006. 25 с.

Николина Н. А. «История ребенка для детей...» («Детские годы Багрова-внука» О. Т. Аксакова) // Русский язык в школе. 2009. № 2. С. 55–59.

Николина Н. А. Детская речь в зеркале русской автобиографической прозы // Проблемы онтолингвистики – 2016: материалы ежегод. междунар. науч. конф. Иваново: ЛИСТОС, 2016. С. 484–487.

Солнцева К. В. Словообразовательные средства английского языка как способ создания речевого портрета ребенка в англоязычной художественной прозе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 3. № 4(53). С. 77–81.

Солнцева К. В. Языковые маркеры речевой характеристики детского персонажа в англоязычной художественной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 17 с.

Чеботарева И. М. Олицетворение в детской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 1996. 16 с.

Шупова Г. А. Языковые средства создания эффекта детского мировосприятия в современной художественной автобиографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 25 с.

Björling F. Child narrator and adult author: The narrative dichotomy in karej poláček's bylo nás pět // Scando-Slavica. 1983. Vol. 29, issue 1. P. 5–19.

Caracciolo M. Two Child Narrators: Defamiliarization, Empathy, and Reader-Response in Mark Haddon's The Curious Incident and Emma Donoghue's Room // Semiotica. 2014. Vol. 202. P. 183–205.

Dinter S. The Child Narrator in Contemporary British Fiction and Literary Criticism. The Case of Stephen Kelman's Pigeon English // Transdisciplinary Perspectives on Childhood in Contemporary

Britain Literature, Media and Society / ed. by S. Dinter and R. Schneider. New York: Routledge, 2018. P. 50–66.

Rubik M. Out of the Dungeon, into the World: Aspects of the Prison Novel in Emma Donoghue's Room. *How to Do Things with Narrative: Cognitive and Diachronic Perspectives* / ed. by Jan Alber and Greta Olson. Berlin; Boston: De Gruyter, 2017. P. 219–240.

Sanger K. The language of fiction. London: Routledge, 1998. 113 p.

References

Amzarakova I. P. Preuvelichenie i preumen'shenie kak markery rechevogo razvitiya rebenka: akmeologicheskii podkhod [Hyperbole and diminution as markers of the child's speech development: Acmeological approach]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Human], 2019, issue 2, pp. 123–133. doi 10.14258/filichel(2019)2-11. (In Russ.)

Amzarakova I. P. *Yazykovoy mir nemetskogo rebenka mladshogo shkol'nogo vozrasta*. Avtoreferat diss. dokt. filol. nauk [The language world of a German child of primary school age. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. 44 p. (In Russ.)

Beloglazova E. V. *Diskursnaya geterogennost' literatury dlya detey: kognitivnyy i lingvo-pragmaticheskiy aspekty*. Avtoreferat diss. dokt. filol. nauk [Discourse heterogeneity of literature for children: Cognitive and linguopragmatic aspects. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2010. 41 p. (In Russ.)

Voytkova N. K. *Lingvisticheskaya spetsifika izobrazheniya povestvovatelya-rebenka v sovremennom nemetskom khudozhestvennom narrative*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Linguistic features of depicting a child-narrator in modern German literary narrative. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Irkutsk, 2011. 22 p. (In Russ.)

Kostylev A. O. Obrashchenie v detskoy rechi [Addressing in children's speech]. *Detskaya rech' kak predmet lingvisticheskogo izucheniya: mezhvuz. sb. nauchn. tr.* [Children's Speech as a Subject of Linguistic Study: Inter-University Collection of Scientific Works], Leningrad, Leningrad State Pedagogical Institute Press, 1987, pp. 69–76. (In Russ.)

Nenilin A. G. *Stiven King i problema detstva v anglo-amerikanskoy literaturnoy traditsii*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Stephen King and the problem of childhood in the English-American literary tradition. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2006. 25 p. (In Russ.)

Nikolina N. A. 'Istoriya rebenka dlya detey...' ('Detskie gody Bagrova-vnuka' O. T. Aksakova) ['The story of a child for children...' ('The Childhood Years of Bagrov-Grandson' by O. T. Aksakov)]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], 2009, issue 2, pp. 55–59. (In Russ.)

Nikolina N. A. Detskaya rech' v zerkale russkoy avtobiograficheskoy prozy [Children's speech in the mirror of Russian autobiographical prose]. *Problemy ontolingvistiki – 2016: materialy ezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Problems of Ontolinguistics – 2016: Proceedings of the Annual International Scientific Conference]. Ivanovo, LISTOS Publ., 2016, pp. 484–487. (In Russ.)

Solntseva K. V. Slovoobrazovatel'nye sredstva angliyskogo yazyka kak sposob sozdaniya rechevogo portreta rebenka v angloyazychnoy khudozhestvennoy proze [Word-forming means of the English language as the way of creating a speech portrait of a child In English-language fiction]. *Vestnik Cherepoveczkogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2013, vol. 4, issue 4, pp. 77–81. (In Russ.)

Solntseva K. V. *Yazykovye markery rechevoy kharakteristiki detskogo personazha v angloyazychnoy khudozhestvennoy proze*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Language markers of the speech features of a child character in English-language fiction. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2008. 17 p. (In Russ.)

Chebotareva I. M. *Olitsetvorenje v detskoy rechi*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Personification in child speech. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Belgorod, 1996. 16 p. (In Russ.)

Shipova G. A. *Yazykovye sredstva sozdaniya efekta detskogo mirovospriyatiya v sovremennoy khudozhestvennoy avtobiografii*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Linguistic means of creating the effect of children's perception of the world in modern fictional autobiography. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2011. 25 p. (In Russ.)

Björling F. Child narrator and adult author: The narrative dichotomy in karei poláček's bylo nás pět. *Scando-Slavica*, 1983, vol. 29, issue 1, pp. 5–19. (In Eng.)

Caracciolo M. Two child narrators: Defamiliarization, empathy, and reader-response in Mark Haddon's The Curious Incident and Emma Donoghue's Room. *Semiotica*, 2014, vol. 202, pp. 183–205. (In Eng.)

Dinter S. The child narrator in contemporary British fiction and literary criticism. The case of Stephen Kelman's Pigeon English. *Transdisciplinary Perspectives on Childhood in Contemporary Britain Literature, Media and Society*. Ed. by S. Dinter and R. Schneider. New York, Routledge, 2018, pp. 50–66. (In Eng.)

Rubik M. Out of the dungeon, into the world: Aspects of the prison novel in Emma Donoghue's Room. *How to Do Things with Narrative: Cognitive and Diachronic Perspectives*. Ed. by Jan Alber and Greta Olson. Berlin, Boston, De Gruyter, 2017, pp. 219–240. (In Eng.)

Sanger K. *The Language of Fiction*. London, Routledge, 1998. 113 p. (In Eng.)

Graphic Method of Stylization of Children's Speech and Modeling a Child's Perception of the World in Literary Fiction (a case study of the novels 'Room' by E. Donoghue and 'All the Lost Things' by M. Sacks)

Natalia N. Nikolina

Assistant in the Department of Germanic Philology

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

51, prospekt Lenina, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation. nickolyasya@yandex.ru

SPIN-code: 5003-9377

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8187-6829>

ResearcherID: AAS-6884-2021

Submitted 26 Jul 2022

Revised 25 Sep 2022

Accepted 05 Oct 2022

For citation

Nikolina N. N. Graficheskiy sposob stilizatsii detskoy rechi i modelirovaniya detskogo mirovospriyatiya v khudozhestvennykh proizvedeniyakh (na primere romanov «Room» E. Donokh'yu i «All the Lost Things» M. Saks) [Graphic Method of Stylization of Children's Speech and Modeling a Child's Perception of the World in Literary Fiction (a case study of the novels 'Room' by E. Donoghue and 'All the Lost Things' by M. Sacks)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 106–114. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-106-114 (In Russ.)

Abstract. The article discusses graphic techniques used in the speech of a child narrator in works of fiction intended for an adult audience. Imitation of a child narration in such works is a challenge for the author since the speech of a child character cannot fully correspond to the speech of a real child. Therefore, the child narrative in adult literature appears to be highly artificial and is perceived by the reader as a device. The analysis of scientific papers devoted to the speech of child characters shows that their speech is stylized as a child's. Stylization implies that authors use a certain set of linguistic elements that correlate to the real characteristics of children's speech, but at the same time can be artistically enhanced. Authors can stylize children's speech at different language levels.

The graphic way of stylizing children's speech and modeling a child's worldview is rarely distinguished and is called unconventional by some researchers. It can be used for expressing the intonation, marking new words and phenomena, communicating someone else's words, etc.

The article analyzes modern works in English where the narrators are children aged 5 and 7: *Room* (by Emma Donoghue, 2010) and *All the Lost Things* (by Michelle Sacks, 2019). In the chosen novels, the graphic way of stylizing children's speech and thinking is used both as an independent and as an additional method. Independently, the graphic technique is used to mark words and phrases that are new, incomprehensible, difficult for the characters, words in another language, as well as someone else's words in their speech. As an additional method, it is used to enhance other techniques and linguistic units that imitate children's speech: personifications, onomatopoeic interjections, hyperbole.

Key words: child narrator; children's speech; stylization; graphics; personification; onomatopoeic interjections; hyperbole.

УДК 821.111(09):8211161.1
doi 10.17072/2073-6681-2022-4-115-125

Блоковские мотивы в поэме «Бесплодная земля» Т. С. Элиота

Ольга Михайловна Ушакова

д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Тюменский государственный университет

625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. olmiva@yandex.ru

SPIN-код: 8129-2110

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0656-3774>

Статья поступила в редакцию 08.09.2022

Одобрена после рецензирования 26.11.2022

Принята к публикации 05.12.2022

Информация для цитирования

Ушакова О. М. Блоковские мотивы в поэме «Бесплодная земля» Т. С. Элиота // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 115–125. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-115-125

Аннотация. Одним из перспективных направлений современного элиотоведения является сравнительное изучение творчества Т. С. Элиота (1888–1965) в самых различных ракурсах (влияние, взаимодействие, типология, контексты и др.). Исследовательские принципы данной работы определяются установками компаративистики на типологическое изучение литературных явлений. В статье проводятся параллели между двумя важнейшими поэтическими текстами XX в.: «Двенадцать» А. А. Блока (1918) и «Бесплодная земля» Т. С. Элиота (1922). Объектами нашего внимания стали тексты, относящиеся не только к одной культурной эпохе, но и объединенные схожими художественными принципами и видением мира. Цель работы – зафиксировать точки пересечения двух поэтических универсумов в едином исследовательском пространстве. Оба поэта были свидетелями колоссальных цивилизационных разломов – Первой мировой войны и Русской революции. И тому, и другому поэту присуще «чувство истории», позволившее в поэтической форме предвидеть и представить Закат Европы, передать «шум времени» во всей полифонии смыслов и ритмов. Авторы обеих поэм прошли сходный творческий путь, траекторию которого можно обозначить как «от символизма к модернизму». А. А. Блок и Т. С. Элиот – поэты-драматурги, создатели собственных теорий поэтической драмы, отсюда драматургия и яркая характерность персонажей «Двенадцати» и «Бесплодной земли». В своих послевоенных поэмах и А. А. Блок, и Т. С. Элиот используют язык современного города, его ритмику, экспериментируют с поэтической формой. В статье рассматривается ряд сходных мотивов в поэмах «Двенадцать» и «Бесплодная земля»: апокалиптическое видение современности, Запад и Восток, Эрос и Танатос.

Ключевые слова: модернистский поэтический эпос; русско-английские литературные параллели; «Двенадцать» А. А. Блока; «Бесплодная земля» Т. С. Элиота; апокалипсис; Эрос и Танатос; Восток и Запад.

В 2022 г. литературная общественность и академические круги отмечают столетие публикации двух великих модернистских текстов: «Улисс» Дж. Джойса и «Бесплодная земля» Т. С. Элиота. Столетний юбилей дает повод для размышлений о том, почему именно эти два текста стали классическими образцами высокого модернизма и с течением времени воспринимаются во все большем масштабе и продолжают привле-

кать интерес широкой читательской аудитории и исследователей. Несмотря на то что корпус мирового джойсоведения и элиотоведения насчитывает тысячи работ, авторы которых обращаются к огромному количеству тем и проблем, остается еще ряд вопросов, обойденных вниманием исследователей. Одним из перспективных направлений современного элиотоведения является сравнительное изучение элиотовского твор-

чества в самых различных ракурсах: влияние, взаимодействие, типология, контексты и т. п. В качестве примеров таких новых ракурсов можно привести недавние исследования влияния Элиота на русскую поэзию: диссертации испанской исследовательницы Анны Курасовой «Завоевание времени: “Поэма без героя” А. Ахматовой и “Четыре квартета” Т. С. Элиота» (“Conquering Time: A. Akhmatova’s ‘Poem without a Hero’ and T. S. Eliot’s ‘Four Quartets’”) [Kurasova 2020]) и американской – Натальи Карагеоргос «Запретный плод: русские поэты читают Т. С. Элиота во время холодной войны» (“Forbidden Attraction: Russian Poet Read T. S. Eliot during the Cold War” [Karageorgos 2019]). В частности, Карагеоргос во вступлении к диссертации свою цель определяет следующим образом: исследовать, «как три выдающихся русских поэта – Иосиф Бродский, Аркадий Драгомощенко и Ольга Седакова – взаимодействуют с поэзией и поэтической теорией Т. С. Элиота. Русские поэты откликнулись на две тенденции, инициированные Элиотом: его переосмысление лирической субъективности, проявившееся в теории деперсонализации, с одной стороны, и в возможности современной литургической поэзии, с другой» [там же: 5]. Очевидно, что такой исследовательский сюжет мог появиться только при условии уже сложившейся традиции рецепции Элиота в современной отечественной поэзии.

С другой стороны, появляющиеся с течением времени публикации архивных материалов (писем, мемуаров и др.), «возвращение» имен и текстов (например, «Париж» Хоуп Мерлиз) и т. п. позволяют пересмотреть и расширить круг влияний на самого Элиота, выявить не «пойманные» ранее аллюзии, а также с «высоты» времени увидеть проявившиеся в новом культурно-историческом контексте параллели. В этом плане представляется интересным обратиться к сопоставительному анализу двух великих поэм XX в.: «Двенадцать» А. А. Блока (1880–1921) и «Бесплодная земля» Т. С. Элиота. Исследовательские принципы в данном случае определяются установками сравнительного литературоведения: «увидеть литературу типологически, в условиях более общих и важных закономерностей» [Шайтанов 2009: 102]. Объектами нашего внимания стали тексты, относящиеся не только к одной культурной эпохе, но и объединенные определенными художественными принципами.

Сходство «Бесплодной земли» и «Двенадцати» отмечалось уже современниками Элиота: «Отражение этого настроения проявилось в поэме “Двенадцать”, написанной в январе 1918 г. В свое время признанная шедевром, она звучала ежедневно перед толпами слушателей и переве-

дена на большинство европейских языков. Она не похожа на другие произведения Блока и является бесспорным шедевром. По своим поэтическим принципам она напоминает “Бесплодную землю”, хотя отличается меньшим уровнем символизма и выраженным повествовательным характером» [Bowra 1967: 435]. Это мнение тем более ценно, что статья С. М. Боуры «Значение Александра Блока» (“The Position of Alexander Blok”) была опубликована в 1932 г. в журнале «Крайтерион» (“The Criterion”), редактором которого был автор «Бесплодной земли», не вымаравший это мнение из текста. Можно было бы поспорить с сэром Боурой относительно меньшей степени символизма и повествовательности в «Двенадцати», но проблема (схожесть поэтических принципов) поставлена, на наш взгляд, абсолютно точно.

Поскольку ни блоковеды, ни элиотоведы не обращались к параллельному прочтению двух поэм, есть смысл, поместив их в единое исследовательское пространство, зафиксировать в общих чертах точки пересечения двух поэтических универсумов. Авторы обеих поэм прошли разный по сюжету, но сходный творческий путь, траекторию которого можно обозначить «от символизма к модернизму»: Блок – признанный мэтр символизма, Элиот – ученик французских символистов и их последователь в поэзии 1910-х гг. И Блок, и Элиот – поэты-драматурги, создатели собственных теорий поэтической драмы, отсюда яркая характерность персонажей (“*dramatis personae*”) «Двенадцати» и «Бесплодной земли». Оба поэта были свидетелями колоссального цивилизационного разлома: Великой войны (Первой мировой войны) и Русской революции (Великой Октябрьской социалистической революции). В их до- и послевоенной поэзии предстают абсолютно разные миры: «духи и туманы» незнакомок и Пруфрока сменяются разрухой и «пьяной песней» люмпена. И тому, и другому поэту присуще «чувство истории», позволившее в поэтической форме предвидеть и представить закат Европы в космическом масштабе, передать «шум времени» во всей полифонии смыслов и ритмов. В своих послевоенных поэмах и Блок, и Элиот используют язык современного города, его ритмику, ритмические структуры популярной культуры, экспериментируя с поэтической формой:

Трах-мах-мах!
Трах-мах-мах!

Twit twit twit
Jug jug jug jug jug jug

Это лишь некоторые точки сопряжения творчества двух наиболее влиятельных поэтов XX в. Ниже мы обратимся к некоторым сходным мотивам в их поэмах «Двенадцать» и «Бесплодная земля».

Следует также обратиться к истории появления блоковской поэмы на английском языке, что сделало ее доступной широкому кругу англоязычных читателей. Автор обзора английских переводов Блока, известная британская исследовательница Блока и русского символизма Аврил Пайман отмечает: «Так получилось, насколько мне известно, что в Англии, кроме двух случайных переводов, попавших в один из первых сборников русской поэзии, вышедших тоже случайно в 1917 г., всерьез начали переводить Блока с конца, а не с начала его творческого пути. Начали с “Двенадцати” и со “Скифов”» [Пайман 1993: 364]. Именно поэма «Двенадцать» стала наиболее узнаваемым произведением Блока на Западе в 1920-е гг., время создания «Бесплодной земли». Американский писатель Гленвей Вескотт, живущий в 1920-е гг. в Европе, в своем некрологе, опубликованном в декабрьском номере 1921 г. знаменитого чикагского журнала «Поэтри» (“Poetry”), того самого, где состоялась первая публикация элиотовской «Любовной песни Дж. Альфреда Пруфрока», отмечая всемирное значение Блока, пишет о нем, прежде всего, как об авторе «Двенадцати»: «Смерть Александра Блока в конце лета – потеря не только русской, но и всей мировой литературы. Ему был сорок один год, и он достиг международной известности только в последние два года после публикации своей революционной поэмы “Двенадцать”. Он был первым выдающимся русским писателем, открыто поддержавшим деятельность большевиков и был одним из немногих первоклассных художников, которым, кажется, было достаточно подпитаться черным хлебом революции» [Wescott 1921: 149].

Первой публикацией «Двенадцати» на английском стал перевод Карла Эрика Бехофера-Робертса в 1920 г. в издательстве «Чатто и Виндус» (“Chatto & Windus”). Также в 1920 г. в нью-йоркском издательстве «Б. У. Хьюбш» (“B. W. Huebsch”) поэма «Двенадцать» была опубликована в переводе Бабетты Дойч (Babette Deutsch) и Абрама Ярмолинского (Abraham Yarmolinsky). В настоящее время эти книги являются библиографической редкостью, хотя их можно купить на Amazon.com, где они представлены в нескольких экземплярах, цена которых находится в диапазоне от тысячи до двух тысяч долларов. Часть иллюстраций к первому английскому изданию выставлена в интернете. Американская книга вышла без иллюстраций. Мы работали с британским оригинальным изданием в отделе редких книг Британской библиотеки.

Отдельно стоит остановиться на иллюстрациях к первому британскому изданию, выпол-

ненных Михаилом Федоровичем Ларионовым (1881–1964). Ларионов оформил обложки, фронтиспис, в книге имеются семь иллюстраций. Большая часть иллюстраций перенесена из первого французского издания «Двенадцати» (А. Блок. «Двенадцать. Скифы». С четырнадцатью иллюстрациями Н. Гончаровой и М. Ларионова. Париж: Мишень, 1920). Для этого английского издания Ларионов усилил рисунки тушью, чтобы сделать их более отчетливыми. Обложка была новой, на ней были изображены солдаты. Автор монографии «Михаил Ларионов и русский авангард» Энтони Партон подчеркивает, что иллюстрации были выполнены «в новой, более энергичной манере. Солдаты Красной Армии нарисованы жирными ступенчатыми линиями в неправильных монохромных блоках, создающих эффект монументальности, возвышающий их до уровня мифологических героев. Их суровость, однако, смягчается довольно комичным изображением пуль из их ружей. К сожалению, поэму Блока встретили с непониманием» [Parton 1993: 181]. Более подробно об иллюстрациях Ларионова к английскому изданию см. работы петербургского искусствоведа Г. Г. Поспелова [Поспелов 2005] и нидерландских исследователей А. Лемменса и С.-А. Стоммельса [Лемменс, Стоммельс 2008]. В контексте предложенной темы стоит акцентировать модернистский характер иллюстраций Ларионова, точно почувствовавшего модернистскую сущность поэтического метода Блока. Можно только предположить, что манера Ларионова могла быть конгениальной тексту «Бесплодной земли», но, как известно, Элиот отрицательно относился к попыткам иллюстрировать его поэзию (исключение составили только рисунки к «Популярной науке о кошках, написанной старым Опоссумом», 1939, первые иллюстрации к которой были выполнены самим Элиотом).

Стоит сказать также несколько слов о первом английском переводчике «Двенадцати». Им стал Карл Эрик Бехофер-Робертс (Carl Eric Bechhofer Roberts, 1894–1949), личность и творчество которого заслуживает более пристального внимания отечественных историков литературы. В русскоязычном контексте его имя чаще упоминается историками в связи с книгой «В деникинской России и на Кавказе» (“In Denikin’s Russia and the Caucasus, 1919–1920”, 1921). Личность авантюристического склада (участник военных действий, путешественник, в том числе по послереволюционной России, увлекавшийся мистикой, встречавшийся с Г. Е. Распутиным, открывший в 1919 г. в Тифлисе Г. И. Гурджиева, написавший книгу о Е. П. Блаватской и т. п.), плодовитый литератор, романист, переводчик

и т. п. Бехофер в 1910–1920-е гг. активно переводит и издает русских писателей, в частности, в 1916 г. он выпустил антологию «Пять русских пьес с включением одной украинской» (“Five Russian Plays: with One from the Ukrainian”), а в 1917 г. вышла его «Русская антология на английском» (“A Russian Anthology in English”), составителем и переводчиком большей части текстов которой являлся сам Бехофер. В антологию вошли переводы стихотворений, былин и отрывков из прозы и драматургии таких русских писателей, поэтов и драматургов, как И. А. Крылов, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев, А. Н. Островский и др. В предисловии Бехофер дает оценку русской литературе, которая в 1910-е гг., прежде всего благодаря усилиям Констанс Гарнетт (Constance Clara Garnett, 1861–1946), начинает приходить к британскому читателю во все более репрезентативном объеме: «все же, однако, я хотел бы думать, что эта книга будет иметь особое значение среди переводов с русского языка. Русская литература довольно молода, но уже богата. И мы уже понимаем степень ее богатства. Почти все авторы русской литературы, достойные перевода, уже переведены на английский язык. В этой книге, например, только Вольтер окажется новым для английских читателей. Это значит, что Достоевских больше не откроют. Старый лес срублен; мы должны пойти дальше. Как свод всего лучшего в русской литературе до 1917 года, эта антология является пробным камнем, по которому можно оценивать все русские книги, которые будут переводиться в будущем»

*Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер –
На всем божьем свете!*
[Блок 1960: 347]

Мы уже ранее выдвигали предположение о том, что этот перевод «Двенадцати» вряд ли мог пройти мимо Элиота [Ушакова 2017]. Повторим некоторые аргументы, добавив еще ряд соображений. Во-первых, Элиот и Бехофер вращались в одном кругу лондонской модернистской богемы. У них были общие знакомые (Борис Анреп, Кэтрин Мэнсфилд и др.). Анреп помогал Бехоферу с переводом «Двенадцати», о чем переводчик упоминает в предисловии: «Я выражаю свою благодарность моей жене и капитану Борису Анрепу, которые помогали как с русской, так и с английской частью перевода» [Behchofer 1920: vii].

[A Russian... 1917: xi]. Не случайным является то, что именно Бехофер открывает для английского читателя Блока, продолжая нести свою миссию популяризатора русской литературы.

В предисловии к первому книжному изданию поэмы на английском языке Бехофер замечает: «“Двенадцать” Блока – первый шедевр большевистской литературы. В своей поэме Блок стремится прорваться сквозь убожество и ханжество большевизма к тем импульсам и страстям, которые способствовали его перерастанию во всемирное движение, поставившее под свои знамена тысячи энтузиастов во многих странах» [Blok 1920: v]. В большинстве работ, в которых упоминается перевод Бехофера, принято критиковать результат его переводческой деятельности. Не вдаваясь в тонкости перевода (оставим это специалистам по переводоведению), заметим, что первые переводы какого-либо поэтического шедевра, как правило, уступают последующим. Их основная миссия в другом – представить иноязычному читателю новое явление. Эту свою задачу перевод Бехофера, безусловно, полностью выполнил, вызвав интерес к малоизвестному в Британии поэту. И второе – первое английское издание «Двенадцати» воспринималось и воспринимается в своей целостности, с новаторскими иллюстрациями Ларионова, с предисловием переводчика, то есть как книга, обладающая в целом большим художественным потенциалом. Ну а сам перевод, как минимум, передавал содержание, образный ряд, по большей части ритмические структуры и т. п. Приведем в качестве примера перевод первой строфы:

*Black evening.
White snow.
The wind! The wind!
No one can keep upon his feet.
The wind! The wind!
Through all God's earth!*
[Blok 1920: 1]

Бехофер тесно общался с русскими мистиками (Г. И. Гурджиевым, П. Д. Успенским), которыми в начале 1920-х гг. интересуется Элиот. Поэт был страстным поклонником русского балета, поэтому его мог заинтересовать иллюстратор поэмы, который был автором декораций к балетам С. Дягилева. Именно о «балетной» деятельности Ларионова сообщалось в благодарственных словах иллюстратору [там же: ix]. Можно сказать, что эта книга отвечала всем требованиям бытующей художественной моды и в то же время представляла новое для европейской культуры явление – «большевистскую», рево-

люционную по духу и форме поэзию. Не исключено, что новаторская поэтика могла привлечь профессиональное внимание будущего классика модернистской поэзии, что нашло от-

клик в его собственных произведениях этого периода. Обратимся к некоторым мотивам и поэтическим образам в «Бесплодной земле», сходным с блоковскими.

Поэтика апокалипсиса

*Ветер, ветер –
На всем божьем свете!*
[Блок 1960: 347]

*Ибо в холодном ветре не слышу иных вестей
Кроме хихиканья смерти и лязга костей.*
[Элиот 2014: 25]¹.

Обе поэмы стали отражением трагического послевоенного/послереволюционного опыта, что проявляется в апокалиптическом/постапокалиптическом видении/видениях авторов. Так, американский исследователь Дж. Гаррард в своей обстоятельной статье «“Двенадцать”: апокалипсис Блока», с опорой на архивные материалы и глубокое знание библейского текста, ставит и последовательно решает вопрос об апокалиптическом дискурсе в поэме: «Многие историки и литературные комментаторы отмечали апокалиптические элементы в “Двенадцати”; их трудно не заметить. Однако, несмотря на приличный объем критической библиографии, до сих пор не было проведено удовлетворительного исследования проблемы “Откровения” и его отношения к тексту Блока» [Garrard 2003: 46]. Для Гаррарда явление Христа в финале поэмы является не чем иным, как знаком Второго пришествия, которому в соответствии с «Откровением Иоанна Богослова» предшествуют многочисленные бедствия и катастрофы. В работе Гаррарда последовательно анализируются все апокалиптические образы, складывающиеся в общую картину всемирной катастрофы. Таким образом, мы имеем дело с видением «открытых небес», что, по мнению англиканского теолога Кристофера С. Роланда («Открытые небеса: исследование апокалиптики в иудаизме и раннем христианстве»), является важным признаком апокалипсиса.

В поэме Элиота не произносится имя Христа, но его образ проступает в одной из строф (с. 359–365) пятой части поэмы «Что сказал гром»: «Кто он, третий, вечно идущий рядом с тобой? // Когда я считаю, нас двое, лишь ты да я, // Но, когда я гляжу вперед на белеющую дорогу, // Знаю, всегда кто-то третий рядом с тобой, // Неслышный, в плаще, и лицо закутал, // И я не знаю, мужчина то или женщина, // – Но кто он, шагающий рядом с тобой?» [Элиот 2014: 37]. Сам Элиот в своих комментариях к поэме отсылает читателя к антарктической экспедиции Э. Шеклтона [там же: 51]. Ключ же к библейскому источнику этого эпизода дается также в комментариях: «В первой части V развиваются три

темы: путь в Еммаус, приближение к Часовне Опасностей (см. книгу мисс Уэстон), нынешний закат Восточной Европы» [там же: 49]. В Евангелиях от Луки и Марка описывается путешествие учеников Христа в селение Еммаус (Еммаус), во время которого к ним присоединился Христос, не узнавший ими: «После сего явился в ином образе двум из них на дороге, когда они шли в селение» (Мк. 16, 12). Таким образом, этим загадочным третьим, идущим впереди по снежной («белой») дороге является Христос: “When I look ahead up the white road” [там же: 36]. Так возникает аналогия с блоковским Христом: «Снежной россыпью жемчужной, // В белом венчике из роз – // Впереди – Исус Христос» [Блок 1960: 357] – и одновременно поднимается тема заката Восточной Европы.

Процитированные строки о «третьем спутнике» непосредственно предшествуют эпизоду, связанному с темой заката Восточной Европы, на что указывает сам Элиот в комментариях (см. ниже), содержащему аллюзию на «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского. Однако в анализируемой строфе содержится еще одна аллюзия на Достоевского, не отмеченная автором, но являющаяся практически цитатой из одиннадцатой книги «Братьев Карамазовых» (глава 8 «Третье и последнее свидание со Смердяковым»): «–Никакого тут призрака нет-с, кроме нас обоих-с, да еще некоторого третьего. Без сумления тут он теперь, третий этот, находится, между нами, двумя. – Кто он? Кто находится? Кто третий? – испуганно проговорил Иван Федорович, озираясь кругом и поспешно ища глазами кого-то по всем углам. –Третий этот – Бог-с, самое это провидение-с, тут оно теперь подле нас-с, только вы не ищите его, не найдете» [Достоевский 2006: 805–806]. Третий с «закутанным» лицом (“hooded”) в «бурой мантии» также может быть частью закутанных (“hooded”) орд, третьим «черным» всадником Апокалипсиса в следующей строфе. Или же тем самым Христом, который ведет за собой революционные массы и является знаком Второго пришествия. Таким образом, в этой строфе в пятой части «Бесплодной земли» возникает сложный аллюзивный «русский» ком-

плекс, связанный с недавними и текущими историческими процессами.

Британская исследовательница Корнелия Кук в своей статье «Скрытый апокалипсис: раннее творчество Т. С. Элиота» подчеркивает опосредованный характер решения темы апокалипсиса в поэме, отмечая, что поэма в целом является скрытым свидетельством апокалипсиса: «Техника апокалипсиса заключается в переводе желаемого в категории памяти. На бесплодной земле даже этот процесс невозможен, сорван; слова, как отмечает Элиот в другом месте, “терпят неудачу”. Но в “Бесплодной земле” повсюду есть намеки на скрытый апокалипсис. Ссылку на Иоанна Богослова в черновике поэмы пришлось убрать, поскольку она была нелегитимной в дискурсе земли/сознания, где блокируется даже эксплицитная (историческая) память визионера. В голосах, звучащих в поэме, не должно быть голоса, говорящего: “Я, Иоанн, видел это и слышал это”. Это то, что в поэме объявляется желаемым, и, как это ни парадоксально, безмолвный голос является одним из самых громких слышимых» [Cook 1996: 79–80]. Эти знаки «откровения» явлены через ряд образов и аллюзий. Как и в «Двенадцати», в «Бесплодной земле» нигде не сообщается напрямую об апокалипсисе, но его знаки проступают везде: от «вавилонской блудницы» до эсхатологического пейзажа. Так, ветер, который буквально «пронизывает» обе поэмы (например, «это пустая часовня, жилище ветра» [Элиот 2014: 39]), являясь символом разрушения, бесприютности, пустоты, по мнению Кука, может

быть также и библейским символом, «пневмой», духом, как в Евангелии от Иоанна (Ин 3:8). Блоковский Петроград и элиотовский Лондон – это города-призраки, призраками же населенные: «Призрачный город, // Толпы в буром тумане зимней зари, // Лондонский мост на веку повидал столь многих, // Никогда не думал, что смерть унесла столь многих» [там же: 17]. И у Блока, и у Элиота стерта грань между реальностью и потусторонним миром: «Город есть, но он – призрак (“быть пусто”). Буржуй, писатель, поп, барыня, проститутки, бродяга – это лишь тени прошлого мира. Петербургская слаженность, его “геометрическая четкость” если и проступает, то лишь в поступи “ночного дозора” нового времени, в этих красногвардейцах с “винтовочками стальными”» [Федякин 2017: 534], но даже эти земные материальные персонажи уходят в финале в некое метафизическое пространство, в «открытые небеса». Послереволюционный Петроград и послевоенный Лондон – бесплодная земля, на которой царят или пронизывающий холод, или засуха и зной. Эта разруха и запустение, в категориях легенды о Граале и Короле-Рыбаре, – результат нарушения божественных законов, насилия и преступления. В этом контексте финальные строфы обеих поэм можно интерпретировать и как надежду на духовное возрождение. Очевидно, что сложность и концептуальная неоднозначность рассматриваемых текстов обусловлена не только «многим знанием» авторов, но и сложностью и незавершенностью тех глобальных процессов, которые пытаются осмыслить поэты.

Запад и Восток

*И день придет – не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может.*
[Блок 1960: 360]

*Что за город там над горами
Разваливается в лиловом небе.*
[Элиот 2014: 37]

В поэтическом континууме «Бесплодной земли» Русская революция предстает как часть мифологии бесплодной земли и угроза европейской культуре. В пятой части поэмы «Что сказал гром» (с. 366–376) разворачивается панорама распада и крушения основных центров западной цивилизации под натиском наступающих орд: «Что за звук высоко в небе // Материнское тихое причитанье // Что за орды лица закутав роятся // По бескрайним степям спотыкаясь о трещины почвы // В окружении разве что плоского горизонта» [Элиот 2014: 37]. На русский, «карамазовский» след в этом эпизоде указывает сам автор в своих комментариях к поэме, отмечая, что этот образ – аллюзия к книге Г. Гессе «Взгляд в хаос», опубликованной в английском переводе в

июне 1922 г. в американском журнале «Дайал» (“The Dial”) по рекомендации самого Элиота (в этом же американском журнале в ноябрьском номере будет опубликована «Бесплодная земля»). Элиот в заметках к соответствующим строкам «Бесплодной земли» цитирует Гессе: «Уже половина Европы, уже по меньшей мере половина Восточной Европы на своем пути к Хаосу продвигается в опьянении и священном безумии к краю бездны и поет, поет опьяненно и экстаично, как пел Дмитрий Карамазов. Оскорбленный бюргер смеется над этими песнями, святой и духовидец слушают их плача» (пер. В. М. Толмачева) [там же: 51]. Элиот разделяет позицию части западного интеллектуального сообщества, увидевшей в Русской революции не прогрессив-

ное политическое событие, а начало распада многовекового цивилизационного уклада, высвобождение темной первозданной материи, донисийского стихийного начала, несущего угрозу западной цивилизации.

У русского читателя «Бесплодной земли» неизбежно возникает еще одна поэтическая ассоциация, являющаяся неотъемлемой частью европейского поэтического контекста, отзвуком «музыки революции» – это «Скифы» (1918) Блока. Представляется достоверным, что Элиот мог читать прозаический перевод «Скифов» в еженедельнике «Таймс Литерэри Сапплемент» (“The Times Literary Supplement”), автором которого он являлся. Образ бесчисленных азиатских орд органично вписывался в современный поэтический и философский контекст и отражал страхи части западного общества. Отметим, что эту азиатскую природу русской культуры подчеркивает и Ларионов в своих иллюстрациях к «Скифам» и «Двенадцати». Партон так комментирует ярко выраженные азиатские черты героев в рисунках Ларионова: «Этот образ является метафорой России, именно он нашел особенный отклик у Ларионова, поскольку в неопрimitивизме сделана попытка подчеркнуть подлинно азиатский аспект русского искусства. На его иллюстрации изображено варварское лицо Востока, которое прячется за покорной маской, являемой Западу [Parton 1993: 181].

Скифско-карамазовский поэтический образ наступающей с Востока «тьмы» орд, траектория нашествия которых в одном из черновых вариантов «Бесплодной земли» привязана к конкретному географическому пространству («польским равнинам»), претворится позднее в элиотовскую идею Русской революции как сугубо восточного, азиатского, примитивного архаического явления. В черновике слово “Polish” («польские») зачеркнуто с исправлением сначала на “perished” («затерянные», «гиблые»), потом на “endless” («бескрайние») [The Waste... 1971: 74–75]. Большевицкая Россия воспринимается Элиотом как часть чуждого, иного, враждебного «азиатского» пространства, что коррелирует с основным посылом «Скифов» Блока. Последующие за процитированными выше строками картины рушащихся башен, основных «опорных» точек европей-

ской цивилизации, вполне могли бы быть своеобразным эпилогом «Скифов»: «Что за город там над горами // Разваливается в лиловом небе // Рушатся башни // Иерусалим Афины // Александрия // Вена Лондон // Призрачный» [Элиот 2014: 37].

В письме С. Райсу от 1 октября 1923 г. Элиот в качестве редактора журнала «Крайтерийон», отвечая на предложение корреспондента подготовить для журнала материалы о «влиянии Азии на Европу и Европы на Азию», уже в критическом разрезе объединяет имена Достоевского и Гессе как носителей «ориентального», азиатского сознания, несущего угрозу разрушения европейской культурной традиции: «Если германо-азиатское влияние проникнет в Западную Европу, то результатом этого может быть ослабление тех европейских традиций, без следования которыми мы можем впасть в состояние варварства подобное тому, в котором пребывают Америка или Россия. Мой друг Герман Гессе, чей талант я безмерно ценю, являет собой пример такого рода ориентализации, в отношении которой я питаю страх, и у меня даже был соблазн написать что-либо критическое в адрес его книги <...> и писателя, которого он так высоко ценит – Достоевского» [Eliot 2009: 230]. Образ высвобождения темной, архаической, примитивной энергии, связанный с выходом на историческую арену низших социальных слоев («Двенадцать»), наступления со стороны Востока темной разрушительной стихии («Скифы»), осмысленная в поэтической форме, найдет также свое рациональное выражение в идее о «реакционном» и популистском характере Русской революции, высказываемой Элиотом в дискуссиях на страницах журнала «Крайтерийон». Эта раскрепощенная, освобожденная архаическая стихия представлена в образах главных героев, сюжете и основной мелодике блоковских «Двенадцати»: «Не слышно шуму городского, // Над невской башней тишина, // И больше нет городского – // Гуляй, ребята, без вина!» [Блок 1960: 355]. Для Элиота это высвобожденная революцией и войнами хтоническая мощь связана не только с актуальной политической ситуацией, но и с ориентальным началом. Россия Тургенева и Дягилева, столь почитаемая поэтом, входит в противоречие с новой послереволюционной Россией.

Эрос и Танатос

*Эх, эх! Попляши!
Больно ножки хороши!*
[Блок 1960: 352].

*Ах, льет сиянье месяца молодой
На миссис Портер с дочкой молодой,
Что моют ноги содовой водой.*
[Элиот 2014: 25–27].

Главными выразителями духа новой русской архаической стихии стали Катька, Петруха и Ванька, которых война и революция выносит на авансцену истории. Эти персонажи сменяют утонченных протагонистов и стилизованных героев в духе комедии дель арте или Вертера. Американский славист Людмила Шлейфер Лавин отмечает эту трансформацию в духе времени: «Драматическую любовную интригу “Балаганчика” нетрудно разглядеть в “Двенадцати”. Коротко говоря, оба произведения построены вокруг любовного треугольника, с бросающимся в глаза соответствием имен персонажей (Колумбина/Катька, Пьеро/Петька). Пьеро/Петька проигрывают девушку своим конкурентам (Арлекин/Ванька). В результате женский объект соперничества либо падает (в пьесе), либо сбит с ног и лежит в снегу (в поэме)» [Shleyfer Lavine 2005: 577]. С уверенностью можно констатировать смену культурных эпох, когда в литературу приходят не просто персонажи, представляющие социальные низы, – меняется гендерный формат. Так, уходят в прошлое Венеры в мехах, Саломеи, Кармен и прочие роковые красавицы. Это связано прежде всего с войной, на которой нет времени на долгие любовные истории, а женщина легко становится объектом насилия. Катька – жертва этого нового брутального милитаризованного мира, сохраняющего еще и криминальные обычаи мира довоенного.

Подобную гендерную метаморфозу мы наблюдаем в поэзии Элиота. «Эра Саломеи», как и эпоха модерна, продуктом которой еще во многом является «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока», завершилась в литературе и искусстве, не только исчерпав себя обильным тиражированием и «омассовлением». В силу своей установки на интимное, индивидуально-личностное начало, тема «роковой женщины», губительницы душ, не смогла пройти испытания Первой мировой войны. Дантовский эпитаф к «Пруфроку», появившийся уже после войны, в томе «Пруфрок и другие наблюдения» (1920), символизировал в том числе безвозвратность ушедшей эпохи и окончательное расставание с ее духом утонченной эротики, погруженностью в личные проблемы и самокопание. «Условному» Пруфроку, которому придется пройти окопы и ужасы Первой мировой, а из прошлого, как из дантовского подземного мира, уже нельзя вернуться, вряд ли удастся снова надеть маску меланхолического влюбленного и костюм «лунного Пьеро».

Декадентские страдания и демонизация Эроса не могли восприниматься всерьез на фоне массовых жертв реальных войн и революций, а не войны полов и сексуальной революции,

в дыму пожарищ, а не в клубах каминного дыма. И хотя еще собирательный образ “la femme fatale” проглядывает в истерических женских типах последующей элиотовской поэзии, переключаясь с другими героинями этого периода (например, со зловещим «ледимакетовским» образом Рашели, урожденной Рабинович, «Суини среди соловьев»), он трансформируется или в более абстрактные обобщенные архетипические образы (например, мифологические женщины-злодейки и одновременно жертвы насилия, элементы «составной женщины» во второй части поэмы «Игра в шахматы»), или же в безликих проституток и загубленных «девушек» из народа в других эпизодах «Бесплодной земли»: «А за спиною, вместо новостей, // Гудки машин: весной в такой машине // К девицам миссис Портер ездит Суини» [Элиот 2014: 25]. Примечательно, что и сцены с Катькой, и эпизод с Суини (разбогатевшим люмпеном и криминальным типом) мелически выстроены на ритмах уличной, массовой песни (частушки, городской романс, плясовые народные песни и т. п. у Блока, рэгтайм, наигрыши мюзик-холла, солдатские песни и т. п. у Элиота, например, песня про миссис Портер и ее девиц – обценная песенка австралийских солдат Первой мировой войны) [The Poems... 2015: 655]).

Война и революция также усилили эротическое напряжение, которое из сферы любовного томления и декадентской сложной игры перемещается в область насилия, жестокости и теории «стакана воды» (например, клерк и машинистка в «Бесплодной земле»). Взаимосвязь Эроса и Танатоса становится все более тесной, реальной и конкретной: «А между тем писатели говорили о том, что видели: о том, как в эпоху, наследующую великим переменам, люди кидаются в разврат и смерть, потому что опять убедились в роковой неповоротливости человеческой природы, в подлой и спасительной неизменности ея» [Быков* 2019: 7–8]. Таким образом, в обеих поэмах героинями-любовницами и одновременно жертвами насилия становятся представительницы социальных низов с их незамысловатыми понятиями о взаимоотношении полов, эротика тесно связана с жестокостью, насилием, оргиастической хтонической стихией. Блок и Элиот одними из первых уловили эту смену эротической парадигмы как свидетельство еще одного разлома цивилизационной коры.

* Быков Дмитрий Львович включен в реестр физических лиц, выполняющих функции иностранного агента. 29.07.2022. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-09-12-2022.pdf> (дата обращения: 14.12.2022)

Мы обратились лишь к некоторым параллелям в творчестве двух великих поэтов XX в. Столетняя временная дистанция позволяет не только укрепиться в оценке высочайшего поэтического качества «Двенадцати» и «Бесплодной земли», но и увидеть те общие закономерности развития цивилизации, которые сумели отразить поэты в своем творчестве.

Примечание

¹ Здесь и далее цитаты из поэмы приводятся в переводе А. Сергеева.

Список литературы

Блок А. А. Двенадцать // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1960. С. 347–362.

Быков Д. Л. От составителя // Маруся отравилась: секс и смерть в 1920-е: антология / сост. Д. Быков. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. С. 7–33.

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: ЭКСМО, 2006. 1005 с.

Лемменс А., Стоммельс С.-А. «Двенадцать» Александра Блока в иллюстрациях русских художников-эмигрантов (1920–1950) // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение русского зарубежья: сб. ст. СПб: Дмитрий Буланин, 2008. С. 212–219.

Пайман А. Блок в английском и американском литературоведении // Литературное наследство. М.: Наука, 1993. Т. 92, кн. 5. С. 362–401.

Поспелов Г. Г. «Двенадцать» Блока в иллюстрациях Ларионова (из собрания Государственной Третьяковской галереи) // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1. М.: Собрание; Наука, 2005. С. 491–499.

Ушакова О. М. Журнал “Criterion” о русской революции и коммунизме // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 335–362.

Федякин С. Р. Послесловие к 1917-му: (Ещё раз о поэме Блока «Двенадцать») // Литературоведческий журнал. 2017. № 41. С. 186–212.

Шайтанов И. О. Зачем сравнивать. Компаративистика и/или поэтика // Филологическая регионалистика. 2009. № 1–2. С. 99–108.

Элиот Т. С. Бесплодная земля. М.: Ладомир: Наука, 2014. 528 с.

Bechhofer C. E. Introduction // Blok A. The Twelve. London: Chatto and Windus, 1920. P. v–ix.

Blok A. The Twelve / Translated from Russian with an introduction and notes by C. E. Bechhofer, with illustrations and cover-designs by Michael Larionov. London: Chatto and Windus, 1920. 26 p.

Bowra C. M. The Position of Alexander Blok // The Criterion. The Collected Edition. Vol. XI. London, Faber and Faber Ltd., 1967. P. 422–438.

Eliot T. S. Letter to Stanley Rice (October 1, 1923) // The Letters of T. S. Eliot. Vol. 2 (1923–1925). New Haven; London, 2009. P. 229–230.

Cook C. The Hidden Apocalypse: T. S. Eliot's Early Work // Literature and Theology. 1996. Vol. 10, No. 1 (March 1996). P. 68–80.

Garrard J. “The Twelve”: Blok's Apocalypse // Religion & Literature. 2003. Vol. 35, No. 1 (Spring, 2003). P. 45–72.

Karageorgos N. Forbidden Attraction: Russian Poets Read T. S. Eliot during the Cold War. New York: The City University of New York, 2019. 330 p.

Kurasova A. Conquering Time: A. Akhmatova's ‘Poem without a Hero’ and T. S. Eliot's ‘Four Quartets’. Doctorate Thesis. Salamanca: Departamento de Filologia Inglesa, 2020. 263 p.

Parton A. Mikhail Larionov and the Russian Avant-garde. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1993. 254 p.

The Poems of T. S. Eliot. Vol. I. Collected and Uncollected Poems / Ed. by Christopher Ricks and Jim McCue. London: Faber and Faber, 2015. 1309 p.

A Russian Anthology in English / Ed. by C. E. Bechhofer. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd; New York: E. P. Dutton & Co., 1917. 288 p.

Shleyfer Lavine L. Aleksandr Blok's “The Twelve”: The Transformation of “Commedia Dell'Arte” into an Epic // The Slavic and East European Journal. 2005. Vol. 49, No. 4. P. 570–590.

The Waste Land: A Facsimile and Transcript of the Original Drafts, Including the Annotations of Ezra Pound. San Diego; New York; London, 1971. 149 p.

Wescott G. Alexander Blok // Poetry. Vol. 19, No. 3 (Dec., 1921). P. 149–151.

References

Blok A. A. Dvenadtsat' [The Twelve]. *Sobranie sochineniy*: [Collection of Works: in 8 vols.]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1960, vol. 3, pp. 347–362. (In Russ.)

Bykov D. L. Ot sostavitelia [Compiler's introduction]. *Marusya otravilas': seks i smert' v 1920-e: antologiya* [Marusya Got Poisoned: Sex and Death in the 1920s: Anthology]. Comp. by D. Bykov. Moscow, AST Publ., 2019, pp. 7–33. (In Russ.)

Dostoevsky F. M. *Brat'ya Karamazovy* [The Brothers Karamazov]. Moscow, EKSMO Publ., 2006. 1005 p. (In Russ.)

- Lemmens A., Stommels S.-A. 'Dvenadtsat' Aleksandra Bloka v illyustratsiyakh russkikh khudozhnikov-emigrantov (1920–1950) ['The Twelve' by Alexander Blok in the illustrations of Russian émigré artists (1920–1950)]. *Izobrazitel'noe iskusstvo, arkhitektura i iskusstvovedenie russkogo zarubezh'ya: sbornik statey* [Visual Arts, Architecture, and Art Criticism of Russian Community Abroad: Collection of Articles]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2008, pp. 212–219. (In Russ.)
- Pyman A. Blok v angliiskom i amerikanskom literaturovedenii [Blok in English and American Literary Criticism]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Inheritance]. Moscow, Nauka Publ., 1993, vol. 92, book 5, pp. 362–401. (In Russ.)
- Pospelov G. G. 'Dvenadtsat' Bloka v illyustratsiyakh Larionova (iz sobraniya Gosudarstvennoy Tret'yakovskoy galerei) [Blok's 'The Twelve' illustrated by Larionov (from the collection of the State Tretyakov Gallery)]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva* [History, Literature, and Art Almanac]. Moscow, Sobranie, Nauka Publ., 2005, vol. 1, pp. 491–499. (In Russ.)
- Ushakova O. M. Zhurnal 'Criterion' o russkoy revolyutsii i kommunizme [The Russian revolution and communism in 'The Criterion']. *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas], 2017, issue 3, pp. 335–362. (In Russ.)
- Fedyakin S. R. Posleslovie k 1917-mu: (Eshche raz o poeme Bloka 'Dvenadtsat') [Afterword for 1917: (One more time about Blok's Poem 'The Twelve')]. *Literaturovedcheskiy zhurnal* [Journal of Literary History and Theory], 2017, issue 41, pp. 186–212. (In Russ.)
- Shaytanov I. O. Zachem sravnivat'. Komparativistika i/ili poetika [Why to compare. Comparative studies and/or poetics]. *Filologicheskaya regionalistika* [Philological Regional Science], 2009, issue 1–2, pp. 99–108. (In Russ.)
- Eliot T. S. *Besplodnaya zemlya* [The Waste Land]. Moscow, Lodomir: Nauka Publ., 2014. 528 p. (In Russ.)
- Bechhofer C. E. Introduction. *Blok A. The Twelve*. London, Chatto and Windus, 1920, pp. v–ix. (In Eng.)
- Blok A. *The Twelve*. Translated from Russ. with an introduction and notes by C. E. Bechhofer, with illustrations and cover-designs by Michael Larionov. London, Chatto and Windus, 1920. 26 p. (In Eng.)
- Bowra C. M. The position of Alexander Blok. *The Criterion. The Collected Edition*. London, Faber and Faber Ltd., 1967, vol. XI, pp. 422–438. (In Eng.)
- Eliot T. S. Letter to Stanley Rice (October 1, 1923). *The Letters of T. S. Eliot*. New Haven, London, 2009, vol. 2 (1923–1925), pp. 229–230. (In Eng.)
- Cook C. The hidden apocalypse: T. S. Eliot's early work. *Literature and Theology*, 1996, vol. 10, issue 1 (March 1996), pp. 68–80. (In Eng.)
- Garrard J. 'The Twelve': Blok's apocalypse. *Religion & Literature*, 2003, vol. 35, issue 1 (spring 2003), pp. 45–72. (In Eng.)
- Karageorgos N. *Forbidden Attraction: Russian Poets Read T. S. Eliot During the Cold War*. New York, The City University of New York, 2019. 330 p. (In Eng.)
- Kurasova A. *Conquering time: A. Akhmatova's 'Poem without a Hero' and T. S. Eliot's 'Four Quartets'*. Doctorate Thesis. Salamanca, Departamento de Filologia Inglesa, 2020. 263 p. (In Eng.)
- Parton A. *Mikhail Larionov and the Russian Avant-garde*. Princeton, N. J., Princeton University Press, 1993. 254 p. (In Eng.)
- The Poems of T. S. Eliot*. Vol. I. Collected and Uncollected Poems. Ed. by Christopher Ricks and Jim McCue. London, Faber and Faber, 2015. 1309 p. (In Eng.)
- A Russian Anthology in English*. Ed. by C. E. Bechhofer. London, Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd; New York, E. P. Dutton & Co., 1917. 288 p. (In Eng.)
- Shleyfer Lavine L. Aleksandr Blok's 'The Twelve': The transformation of 'commedia dell'arte' into an epic. *The Slavic and East European Journal*, 2005, vol. 49, issue 4, pp. 570–590. (In Eng.)
- The Waste Land: A Facsimile and Transcript of the Original Drafts, Including the Annotations of Ezra Pound*. San Diego, New York, London, 1971. 149 p. (In Eng.)
- Wescott G. Alexander Blok. *Poetry*, 1921, vol. 19, issue 3 (Dec.), pp. 149–151. (In Eng.)

Alexander Blok's Motifs in T. S. Eliot's 'The Waste Land'

Olga M. Ushakova

Professor in the Department of Russian and Foreign Literature

University of Tyumen

6, Volodarskogo st., 625003, Tyumen, Russian Federation.

SPIN-code: 8129-2110

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0656-3774>

Submitted 08 Sep 2022

Revised 26 Nov 2022

Accepted 05 Dec 2022

For citation

Ushakova O. M. Blokovskie motivy v poeme «Besplodnaya zemlya» T. S. Eliota [Alexander Blok's Motifs in T. S. Eliot's 'The Waste Land']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 115–125. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-115-125 (In Russ.)

Abstract. One of the notable trends in contemporary T. S. Eliot studies is the comparative study of Eliot's works from various perspectives (influence, interaction, typology, contexts, etc.). The methodological principles of this research are determined by the orientation of comparative studies toward the typological study of literary phenomena. The paper deals with the parallels between two most important poetic texts of the 20th century: *The Twelve* by A. A. Blok (1918) and *The Waste Land* by T. S. Eliot (1922). The texts under study belong to the same cultural period and are united by similar artistic principles and vision of the world. The purpose of this paper is to reveal the points of intersection of two poetic universes in one research space. Both poets were the witnesses of colossal civilization collapses: the Great War and the Russian Revolution. Both poets had a 'sense of history', which made it possible for them to foresee and depict the Decline of Europe in poetic form, to convey the 'noise of time' in all its polyphony of meanings and rhythms. The authors of both poems went similar aesthetic trajectories, which can be designated as the way 'from symbolism to modernism'. Both Blok and Eliot were poets-playwrights, creators of their own theories of poetic drama, hence the dramatic plot and many colorful characters in *The Twelve* and *The Waste Land*. In their post-war poems, both poets created the language of the modern city, using its rhythms, experimented with poetic form. The paper reveals and analyzes a number of similar motifs in *The Twelve* and *The Waste Land*: an apocalyptic vision of modernity, West and East, Eros and Thanatos.

Key words: modernist poetic epic; Russian-English literary parallels; Alexander Blok's *The Twelve*; T. S. Eliot's *The Waste Land*; apocalypse; Eros and Thanatos; East and West.

УДК 821.112.2.09

doi 10.17072/2073-6681-2022-4-126-133

Концепт «дом» в очерках Ф. Зальтена «Новые люди на старой земле»

Оксана Петровна Халезина

аспирант кафедры литературы и методики обучения литературе

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

454080, Россия, г. Челябинск, просп. Ленина, 69. Dysphoria12@mail.ru

SPIN-код: 9509-6315

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0118-6914>

ResearcherID: CAJ-4876-2022

*Статья поступила в редакцию 17.06.2022**Одобрена после рецензирования 04.09.2022**Принята к публикации 20.09.2022***Информация для цитирования**

Халезина О. П. Концепт «дом» в очерках Ф. Зальтена «Новые люди на старой земле» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 126–133. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-126-133

Аннотация. Предметом исследования является этноспецифический концепт «дом» в очерках австрийского писателя еврейского происхождения Феликса Зальтена «Новые люди на старой земле». Духовные искания автора, которые воплощены в размышлениях повествователя-путешественника, наблюдающего развивающуюся Палестину начала XX в., находят отражение во многих романах и рассказах писателя. Именно убеждение в важности строительства нового дома на старой земле породило в дальнейшем поиск Зальтеном пути к созданию «всеобщего мира» в творчестве. Цель статьи – выявление места концепта «дом» в концептосфере Зальтена и определение его смыслонаполнения для автора очерков. Методология исследования опирается на принципы реляционно-реалистической парадигмы методологии, обозначая особенности реализации концепта в тексте. Новизна исследования заключается в определении и актуализации концепта «дом» в творчестве Ф. Зальтена. Автор очерков «Новые люди на старой земле» создает сложный амбивалентный концепт, понятийное наполнение которого отражает проблему самоидентификации личности самого писателя. В статье показана связь исторических изменений порубежного переломного времени и художественной системы очерков Ф. Зальтена. Концепт «дом» для Зальтена – это прежде всего утопическое пространство Эдема, надежда на обретение потерянного рая. «Дом» выступает и объектом созидания – долгого терпения и сложного труда на пустынных землях Палестины. В то же время это утопия спасения цивилизации в целом, ведь обретение дома носит пацифистский характер людского единения.

Ключевые слова: концепт «дом»; литература начала XX в.; Феликс Зальтен; «Новые люди на старой земле»; «Молодая Вена»; Теодор Герцль; сионизм; утопия.

Понятие «концепт» является «стержневым термином понятийного аппарата культурологической лингвистики» [Килыбаева, Отелбаева 2017], представляющим собой «сложный когнитивный лингвосоциальный конструкт, соотносимый с категориями значения и смысла, «составляющими когнитивно-базисные подсистемы мнения и знания» [Красавский 2001: 34]. Концепт в современном литературоведении занимает важное ме-

сто, поскольку связан с категориями мироощущения и концептуализации мира в художественном тексте, сближается «с художественным образом, заключающим в себе обобщающие и конкретно-чувственные моменты» [Зусман 2003: 3], а система концептов «выражает форму эмоционального отражения, помимо рациональной репрезентации окружающего мира» [Кольцова 2001: 6] На сегодняшний день одним из наиболее

интересных концептов культуры, отражающих этноспецифические особенности национального характера и личности писателей, является концепт «дом» – «одна из вариаций организации культурного пространства, моделирующей координаты восприятия мира человеком» [Лотман 1992: 389]. Примером интерпретации в этом контексте служит концепт «дом», включенный в художественную концептосферу произведений прозаика и журналиста еврейского происхождения Феликса Зальтена. Центром всей художественной системы очерков Зальтена 1925 г. «Новые люди на старой земле» является концепт «дом». Автор, пришедший в литературу «агонизировавшей империи», на фоне «глобального кризиса, в полном объеме мобилизовавшего интеллектуальные ресурсы времени» [Архипов, Седельник 2009: 9], ощущает необходимость дать актуальное смысловое наполнение понятия «дом» и на фоне распада Австро-Венгерской империи – его «европейского» дома, и в связи с набирающим силу сионистским движением: выступлениями Т. Герцля, погромами 1904 г., миграцией и декларацией Бальфура. Зигмунд Зальцманн на протяжении всего творческого пути писал под псевдонимом, поддерживал интерес публики иногда скандальными литературными экспериментами, маневрировал между либеральными заявлениями в широкой венской прессе и «целенаправленно антиассимиляционной и воинственной позицией» [Schwarz 2009] в националистских кругах. Несмотря на принадлежность к кружку австрийских писателей «Молодая Вена» (нем. Jung Wien 1891–1897), завоевавшему «к 1900-му году <...> господствующее положение в австрийской культуре, которое обеспечивается большой сплоченностью молодой культурной элиты и сохраняется до Первой мировой войны» [Жеребин 2009: 15], он является на сегодняшний день одним из наиболее недооцененных немецкоязычных классиков, «unbekannte Bekannte».

Представители «Молодой Вены» «составили четкий каталог “девизов эпохи”, которые снова и снова появляются в виде упорядоченных тем в текстах авторов “Молодой Вены”: Я и Душа, Мечта и Желанный мир, Жизнь и Искусство, Язык и неспособность к языку, историзм» [Dagmar 2007: 69]. Эссе Зальтена отразило авторский поиск мечты, понимание которой необходимо для осознания духовных ориентиров, пути и миссии его народа. Оно тесно связано не только с личными исканиями писателя: в 1924 г., движимый интересом к библейской истории своего народа, он едет в Палестину и, вдохновленный увиденным, приурочивает публикацию путевых заметок «Новые люди на старой земле» (“*Neue Menschen auf alter Erde*”, 1925) к двадцатой го-

довщине смерти провозвестника будущего государства иудеев Теодора Герцля, – но и с историко-литературным и культурным контекстом. В Австрии, где сильны были пангерманистские и ассимиляционные настроения, еврейство было и позицией изгоя, и формой осознания избранности, инакости, возвращения к духовным истокам. Спектр нравственно-этических и религиозных исканий включал «политических сионистов» во главе с Т. Герцлем, мечтавших об успешном переселении народа в палестинские земли, ведущих активную журналистскую и издательскую деятельность М. Бубера и М. Брода с их идеями духовного возрождения еврейства, мечтавшего о воссоединении католиков и иудеев Фр. Верфеля, рисующего мощные картины «трагедии ассимилирующегося еврейства» Фр. Кафку [Арендт 2008: 83]: «В начале XX века утопии восточного возрождения соединяются с проектами восстановления еврейской государственности <...> и на фоне важных для модернизма поисков предпонимания (“*Vorverständnis*” по Хайдеггеру) и прообраза (“*Urbild*” Гессе) порождают целый поток “Восточных” текстов. Один за другим австрийские писатели иудейского происхождения – Ф. Зальтен, Ф. Верфель, Э. Канетти – совершают “паломничество” на Восток, обогащающее их творчество знаковыми произведениями» [Сейбель, Шастина 2022: 321].

Дом, искомый Зальтеном, – это прежде всего дом исторический – родная земля, библейская Земля обетованная, к которой исконно стремятся иудеи. В библейском каноне «Земля Израильская» используется для наименования Земли обетованной, обещанной, согласно Танаху, Богом и по праву принадлежащей еврейскому народу. Этнотерриториальные смыслы соединяются в очерках с архетипически-символическими. Через концепт «дом» автор очерков «Новые люди на старой земле» решает вопрос роли и судьбы избранного Богом народа – иудеев, судьба которых полна страданий. Обреченный на скитание еврейский народ стойко принял всю горечь изгнания, сохранив при этом верность своему Богу и главному библейскому принципу – делать добро ради добра, «естественное, как кровь, текущая в жилах» [Salten 1926]. Наградой за страдания и изгнание, по утверждению Зальтена, становится выпавшая еврейскому народу роль духовного спасителя в возрождении культуры и утраченного миропорядка прошлого в современном мире ненависти: «Люди, для которых Моисей вырезал заповедь: “Возлюби ближнего твоего, как самого себя”, никогда не смогут проявить высокомерную враждебность по отношению к другим народам» [ibid.]. Зальтен видит первые признаки наступления времени, когда

«преследования ради рас и национальных войн будут столь же немислимы, как и инквизиции и религиозные войны» [Salten 1926], а жертва собой еврейского народа будет не напрасной, сможет реализовать идеал мира.

Мотив поиска идеального, желанного мира в тексте развивается постепенно. Эрец-Исраэль – старая новая земля колониальных проектов евреев-переселенцев. Рассказчик попадает в утопический мир еврейских сельскохозяйственных поселений, наблюдает за колониями, где каждый элемент общей структуры неразрывно взаимосвязан: «...Микве Исраэль похож на поместье среднего размера, и ученики обрабатывают землю под руководством учителей» [ibid.], «все так же идеально и образцово, как в любом крупном европейском поселении» [ibid.]. Этот мир поселений замкнут и самодостаточен, в нем реализуется идея иерархии и целостности, преемственности и связи поколений, труд разделен и каждый знает свою работу: «Каждый из них является его частью, ежедневно вращающимся колесом великой машины» [ibid.], «иммигрирующую сюда молодежь сначала используют для тяжелой работы» [ibid.], – что, безусловно, вызывает симпатию и одобрение автора, ведь труд на некогда потерянной «земле отцов» воспринимается как несомненное благо, способствующее единению еврейского народа («эти судьбы похожи друг на друга и вместе они – судьба евреев» [ibid.]).

Линейность и ретроспекция времени в колониях сливаются воедино, образуя статичность и автономию от окружающего мира: «...завтра постепенно превращается в сегодня, а сегодня в завтрашний день» [ibid.]. Цикличное время земли отцов, Святой земли, несет в себе утопический характер времени Эдема. Восприятие времени героем, наблюдающим Иерусалим, отражается в олицетворении «говорящие камни», придающем ностальгический характер и ощущение сопричастности с вечным через оживающую историю, а концепт дома при этом связывается с мотивом памяти (величие библейских праотцов и их ветхозаветное слово, которое живо в настоящем и будет живо в веках).

Сближение города с библейским местом появления первых людей – Эдемом – отражает описание возрождаемой природы: «Изящно тихая местность, пастбища, зеленые насаждения, которые снова должны стать полями. Добрая воля природы проявляется здесь повсюду несмотря на долгое время, когда ею пренебрегали и плохо обращались» [ibid.] – обретение дома и восстановление природы неразрывно взаимосвязаны, жители поселений верят в светлое будущее, в дальнейшее единение «большой семьи». Случайная встреча повествователя с двумя женщи-

нами подтверждает это: они не тоскуют по своему прежнему «европейскому» дому, по покинутым родственникам, каждый из них связан с землей, наполнен и пронизан общей задачей, для них дом здесь. Атмосфера нереальности, сказочности проявляется во время прогулки рассказчика по Иерусалиму, город ассоциируется у него со средневековой арабской «Книгой тысячи и одной ночи»: узор ворот, базарные лавки, восточные мотивы песен, пестрота толпы, по которой, как в старые времена, узнается деятельность, уровень образования и социальный класс людей. Это идеализированный мир людей, где для решения споров не нужна физическая сила или угроза, а конфликты устраняются использованием Псалма как главного аргумента для восстановления порядка и спокойствия.

В связи с восприятием рассказчиком такого единства появляется концепт «дом» как объект созидания, приложения усилий, строительства, устремления в будущее: Земля обетованная как будущий возрожденный и отстроенный заново дом, где «старые проблемы человечества приближаются к своему решению» [ibid.], мир бытия общечеловеческих ценностей, к которому естественно стремиться.

Но даже мотив его обретения не лишен недостатков: любая возвышенная идея, особенно та, которой увлекаются юные и молодые, может оказаться переоцененной и привести к разочарованию в ней. Рассказчик критикует «внутренних» врагов дела сионизма: фанатизм суждений молодых людей, пагубное действие религиозно-радикалистской агитации, атеизм, отсутствие единства у мигрантов, вынужденных переселиться из-за обстоятельств, а не из-за веры, напускное страдание просящих милостыню атеистов у Стены Плача, выставленное напоказ. Зальтен фиксирует различия во взглядах на судьбу строящейся Палестины: радикалы в духе Жаботинского и Йозефа Трумпельдура, пропагандисты-утописты Людвиг Шпайдель, Гуго Виттман и Теодор Герцль – и те, и другие для него – герои вновь зарождающегося отечества, но сам он все же исповедует принцип «мирного» завоевания.

Дом у Зальтена – одновременно и земля предков, и *terra nullius* (ничейная земля), открытая для будущих свершений новых людей. Открытость будущему, зафиксированная в концепте «Новые люди / новый человек» – одним из важнейших для младовенцев («Новые люди» называлась пьеса «главного идеолога литературы и искусства венского модерна» [Цветков 2003: 182] Германа Бара) – «восходит как к религиозной... традиции..., так и к политическим воззрениям современности» [Млечина 2008: 415]. Заль-

тен в центр своей эстетической системы ставит концепт, который совмещает прошлое и будущее, старое и новое, отчасти следуя за Теодором Герцлем, уже в заголовке очерков перефразируя название герцлевского романа-утопии «Старая новая земля» («Altneuland», 1902).

Творчество большинства писателей-модернистов начала XX в. отражает перелом в мироощущении людей пограничного времени, «ощущение общей дисгармонии современного мира; нестабильность положения в нем отдельной человеческой личности; ее отчуждение от общества», «трансцендентальные и неуловимые стороны действительности» [Голованова 1997]. Писателей венского модернизма отличает осмысление проблем интеграции и самоидентификации, акцент на катастрофичности бытия порубежного времени, «совмещение разноплановых векторов венской культуры», «поиск индивидуального эстетического моделирования мира», создавший «особое интеллектуальное поле <...> трудно постигаемую картину бытования австрийской культуры» [Цветков 2020: 43]. Следствием трагического этапа в истории Австро-Венгрии становится предчувствие «мировой катастрофы», утрата и распад былого миропорядка, а проблема определения самоидентичности в творчестве венских писателей в большинстве своем была сформирована ностальгией по традициям и культуре старой империи Габсбургов. Антисемитский дискурс начала XX в., сложившийся под влиянием развития идеологических течений в начале XIX в. в Европе, оказал воздействие на процесс формирования идентичности писателей-евреев, привел к кризису еврейской идентичности в общественной мысли. Антисемитские тенденции в публичном дискурсе на рубеже веков также повлияли на представителей «Молодой Вены», в которой состояли преимущественно писатели еврейского происхождения. Именно в этот период Феликс Зальтен обращается к политическому сионизму еврейского общественного и политического деятеля Теодора Герцля (1860–1904), целью идеологической концепции которого стало объединение и возрождение еврейского народа. В очерках «Новые люди на старой земле» звучит гимн Герцлю как духовному отцу, узнается восхищение фигурой Герцля, подмечается его человечность, самоотверженность, мужество. Схожей оказываются позиция наблюдателя-путешественника и убеждение автора: только такой сильный лидер, как Герцель, может объединить, воссоздать землю отцов.

На протяжении всего повествования западный, европейский мир противопоставлен «старой земле», культура Запада, по мнению автора, оказывается лишенной братства, чуткости и чело-

вечности. Европа остается для автора почвой, на которой еврейский народ был изуродован, обезцвечен и чужд для себя самого. Зальтен утверждает, что приоритет материальных ценностей над духовными в европейском обществе – путь вражды, распада, социальной деструкции, которые далеки от сионистской идеи обретения «дома». Современные автомобили западной цивилизации не могут проехать по историческим узким улицам, а точная наука европейских стран бессильна против созидательной силы веры Земли обетованной («Эта вера создает факты, которые имеют большую силу, чем реальность, ушедшая в прошлое» [Salten 1926]). Антитеза единства евреев в Палестине и «ступой яд Европы» [ibid.], где царят погромы, распад и война, усилена намеком на жертвенность еврейского народа. Благородство и чистота последнего проявляется в долготерпении и готовности к принятию на себя ненависти и несправедливости мира, это народ, который не ощущает свой героизм даже после перенесенных страданий. Но возникает сложность для восприятия и двойственность понимания читателем образа героя-народа: несмотря на романтизацию ветхозаветной судьбы евреев, «новые люди» на «старой земле» не лишены реально-конкретной характеристики – европеизации (описание быта приезжих из Англии и Германии), а новое время вторгается в историю библейских руин.

Проблема историзма, поднятая в очерках Зальтеном, связана с дискуссией об историзме, которая началась еще в XIX в. (Ницше), по отношению к традиции и прошлому модернисты выделяли «два аспекта: с одной стороны, вопрос о том, насколько объективно историческое знание, с другой стороны, исторический релятивизм, который ставит под сомнение вневременные иерархии ценностей и нормы, помещая объекты своих исследований рядом друг с другом как имеющие одинаковую ценность» [Dagmar 2007: 70]. Пытаясь осмыслить противоречия современности, модернисты активно ищут исторические сходжения, обращаются к эпохам, похожим на современность и способным дать ответы на актуальные вопросы, указать возможные пути развития ситуации. Отсюда вытекает исторический параллелизм «Новых людей...»: история римского декаданса и современности, когда каждый новый виток в истории воспроизводит схожие модели развития событий – идеи извечного повторения истории, имеющей характер вечной потери и обретения. Дом в таком контексте оказывается вновь обретенной Родиной и связан с мотивом утраченного рая и желанием обрести его вновь. Идея повторения в череде потерь и обретений родом из библейских сюжетов, упо-

минание о которых Зальтен вводит в повествование (изгнание Иосифа в Египет и последующее захоронение согласно агадическому мидрашу его костей на Земле обетованной, сорокалетние скитания Моисея по пустыне и долгожданное возвращение израильского народа в земной рай). Идею цикличности истории с поиском и обременением утраченного дома иллюстрируют отсылки к временам Тита Ливия, захвату Иудеи римлянами, к описанию Стены Плача (символу скорби по утраченному храму, разрушенному римлянами), сравнение иврита с другими древними языками. В этом контексте подчеркивается особая роль иудеев – быть посредниками между старыми (языческими) и новой (христианской) цивилизациями. Великие миры римлян и греков не справились с этой задачей, поскольку были территориально оседлыми, привязка только к одному месту способствовала замкнутости и отсутствию интеллектуальной экспансии извне, а потому, чтобы не погибнуть со старым миром, евреи должны были рассеяться – оказаться не только вне времени, но и вне пространства, тем самым сохранив и распространив танахическое наследие.

Идея братства людей появляется в тексте с описанием Иерусалима: пестрота города, людское разногласие, музыка улиц сливаются в нечто целое. Иерусалим отражает идею свободы, восстания против всякого рабства, в том числе рабства предрассудков. Проявляется эта идея и на языковом уровне: через местоимения первого лица («история моего народа» [Salten 1926]). Здесь чувствуется единство всех людей, которые молятся единому Богу, Иерусалим – центр всех религий, основанных на библейской традиции, а ветхозаветный иудаизм выступает основой мировых религий. Еврейский доктор лечит всех людей, не отказывает даже арабам. Диалог араба и еврея начинается со старого еврейского приветствия «Мир тебе!», единого для евреев и арабов, сохранившегося с библейских дней. Автора восхищает стремление к пониманию тех, кто по ветхозаветному канону является братьями. Братство арабов и евреев, взаимопонимание между евреями и христианами для Зальтена в настоящем лишь мечта, но в будущем допустимая реальность на земле Палестины. «Есть мир, есть понимание среди созданий этого мира» [ibid.], усиливает это утверждение метафора взаимоотношений кошки и собаки, которые, подобно людям, одинаково являются Божьими созданиями. За бестиарными образами создателя «Бемби» угадывается судьба двух народов, показанная на примере собаки, которая начинает заботиться о кошке несмотря на естественную вражду, отказ от которой является действенным путем созда-

ния нравственного мира, лишённого злобы и угнетения.

Вторая половина очерка посвящена путешествию по арабским землям, композиционно и семантически образуя эксплицитную параллель частей текста. Поменялось не только географическое положение героя, но и сенсуальное восприятие. Чувство возвращения на землю предков и переполненность радостью постепенно сменяются непониманием, а затем и отчуждением рассказчика. Образ Назарета (промежуточная территория повествования) старого не соотносится с новым, видится как чуждая земля: вокруг суэта, вместо набожности чужаки, которые торопятся и бегло осматривают необходимые достопримечательности. С авторской позицией меняется концепт «дом», пропадает чувство сопричастности, герой начинает замечать толпу. Впервые в наблюдениях после того, как рассказчик покинул еврейские поселения, появляется настроение одиночества и недоверия: местные жители-евреи молчаливы с европейцем-чужаком, говорят только то, о чем он у них спрашивает, в их глазах рассказчик остается приезжим туристом, гостем, поэтому на протяжении общения сохраняется церемонность в обращении с ним. В дальнейшем «пейзаж души» разочарования и картины окружающей природы начинают сливаться: рассказчик и его спутник попадают на землю арабов. Вокруг разрушение, бездорожье, одинокие редкие минареты, безжизненная пустыня, болотистые места, затопленные Мертвым морем, – противный всему живому пейзаж смерти и одиночества. Непрерывающиеся картины проклятой унылой природы, чувство тревоги, беспокойства, близость и непредсказуемость опасности мусульманского мира напоминают автору мрачные руины разрушенных за грехи Содомы и Гоморры («яркая улыбка солнца в однообразии голубого неба делает сцену еще более жуткой» [ibid.]), что возвращает читателя в раннее упоминание мусульманского засилья в Иерусалиме: «Огромный парад мусульман, которые всегда собираются здесь на Пасху, должен был уравновесить пасхальный приток христианских паломников в Иерусалим. Сегодня эта процессия представляет собой угрозу христианам и евреям» [ibid.].

Восприятие рассказчиком окружающего мира меняется, меняется и его настроение: он вспоминает фигуру Моисея, который благодаря своей добродетели стал посредником между Богом и израильтянами, сделав последних свободными, теперь же обретенной свободе угрожает опасность. Герой смотрит вниз, на Иорданскую равнину и Иерихон, называет их потерянным раем; он противопоставлен арабам, которые смотрят вверх, на небо. Но смотрит без грусти, без тоски

по дому, верит, что потерянный рай можно воскresить единственно верным путем труда поселенцев.

Отчужденность подчеркивается критикой увиденного: в тексте появляется описание жителей Вифлеема. Для автора христиане, живущие в городе, – это завоеватели, которые с эгоистичной жестокостью во время крестовых походов вернули свой дом: враждой, убийствами и войной. Согласно авторской позиции, допустимо только «мирное завоевание» трудом на родной земле, воскрешением истории («они завоевали этот город для себя в войнах крестоносцев» [Salten 1926]), автор замечает красоту и силу местных женщин, но в их облике невозможно узнать смиренный чистый лик Марии, они не похожи на встреченных ранее женщин-евреек из поселений.

Критика мусульман приобретает в тексте более насыщенный характер с продолжением путешествия по Палестине. Автор называет их «дикие бороды», в их облике и поведении узнаются животные черты, подобно диким зверям, охраняющим свое логово и убивающим тех, кто вторгается к ним, арабы описываются неподобающе дикими, фанатичными, лишенными человеческих черт фигурами, «в их темных глазах пылают фанатизм и насилие» [Salten 1926], они жадные, лживые, беспричинно гневливые и готовые убивать лишь из подозрения в лишнем движении – градационное и контрастное описание, не характерное больше ни для одного народа в Палестине, которое строится на противопоставлении с портретом жителей еврейских поселений и заканчивается историей беспричинно убитого арабами еврейского мальчика, портрет которого висит наравне с портретом духовного лидера сионистов – Теодором Герцлем (противопоставление: герой, память о нем в вечности – забытые подлые убийцы). Встреча с арабами иллюстрирует главную идею произведения: политика мира и прощения – единственно правильная, которая практикуются евреями в Палестине. Рассказчик во время путешествия нервно реагирует на мусульманское неуважение к святыням, но вежлив, потому что для них он – турист, в нем не опознают иудея, он всячески сохраняет внешний облик европейца, пытается уверить себя в том, что не важно, кто ухаживает за святынями, но тут же проявляет злость и негодование: он не может смириться с тем, что мусульмане конфискуют, заселяют землю иудейских праотцов, возводят свои минареты на месте древних еврейских святынь, не позволяют приближаться к библейским памятникам тех, кто по праву должен владеть ими, и лишь жадность заставляет арабов изредка нарушать этот принцип, пропуская туристов.

Заканчивается поездка потерей чувства одиночества рассказчиком, встречи со случайными людьми сливаются с воспоминаниями, образ предков отражается во всем, что он видит. «Жизненно-философская предпосылка к сионизму Зальтена – это универсальный закон, который основан на еврейской философии ассимиляции рациональными и моральными методами» [Mattl, Schwarz 2006: 175]. Беспристрастность наблюдения позволила Зальтену осознать значимость социального движения за объединение Палестины, переосмыслить утопию человеческих отношений через нравственность, гуманность и предпочтительность общественных интересов личным.

Концепт «дом» у Зальтена содержит оптимистическое понятийное наполнение: это утопическое пространство Эдема, потерянное, но вновь обретенное, дающее надежду на светлое плодотворное будущее. «Дом» осмысливается не только как созидание и спасение пустынных земель Палестины, но и как утопия спасения цивилизации в целом, поскольку труд поселенцев способствует неминуемому пониманию целесообразности единения всех тех, кто живет на «старой земле».

Амбивалентность концепту «дом» придает осознание Палестины как земли бесконечных конфликтов, народы, населяющие территорию, которой предстоит стать общим домом, до сих пор разобщены. Негативный смысл концепта порождает трагическое мироощущение путешественника после наблюдений за идейно пустыми евреями-переселенцами, арабами, христианами – представителями современной Палестины, готовых пройти путь экспансии (для Зальтена означающий неизбежно тупиковый путь) и пропагандирующих культ нетерпимости, насаждения, агрессии.

Список литературы

Архипов Ю. И., Седелник В. Д. История австрийской литературы XX века: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. В. Д. Седелник. М.: ИМЛИ им. Горького РАН, 2009. 623 с.

Арендт Х. Скрытая традиция: Эссе / пер. с нем. и англ. Т. Набатниковой, А. Шибаровой, Н. Мовниной. М.: Текст, 2008. 221 с.

Голованова И. С. История мировой литературы. М.: АСТ, 1997. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/golovanova/literatura-vozhzhdeniya.htm> (дата обращения: 16.12.2021).

Жеребин А. И. Абсолютная реальность: «Молодая Вена» и русская литература. М.: Языки славянской культуры, 2009. 93 с.

Зусман В. Г. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. 2003. Вып. 2. С. 3–29.

Кильбаева П. К., Отелбаева Д. М. Концепт как антропоцентрическая единица // Наука и образование сегодня. 2017. Вып. 4(15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-kak-antropotsentricheskaya-edinita> (дата обращения: 03.02.2022).

Кольцова Ю. Н. О структуре концепта как категории культурологии // Язык и культура. Лингвистика, поэтика, сравнительная культурология, теория перевода / под ред. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 2001. 152 с.

Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / М-во образования Российской Федерации, Волгоград. гос. пед. ун-т, Науч.-исслед. лаб. «Аксиолог. Лингвистика». Волгоград: Перемена, 2001. 493 с.

Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. 2. Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. Таллинн: Александра, 1992. 480 с.

Млечина И. Новый человек // Энциклопедический словарь экспрессионизма / гл. ред. П. М. Топер. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 736 с.

Сейбель Н. Э., Шастина Е. М. Дихотомия «своего» и «чужого» в структуре Восточных заметок Ф. Зальтена, Ф. Верфеля, Э. Канетти // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 3. С. 319–335. doi 10.24224/2227-1295-2022-11-3-319-335

Цветков Ю. Л. Интеграция и самоидентификация венского модернизма // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2020. Вып. 1. С. 42–54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-i-samoidentifikatsiya-venskogo-modernizma> (дата обращения: 03.02.2022).

Цветков Ю. Л. Литература венского модерна. М.; Иваново: МИК, 2003. 432 с.

Dagmar L. Wiener Moderne Stuttgart. J. B. Metzler: Aktualisierte und Überarbeitete Edition (2. Aufl.), 2007. 239 s.

Mattl S., Schwarz W. M. Felix Salten: Schriftsteller, Journalist, Exilant. Wien: Holzhausen Verlag, 2006. 191 s.

Salten F. Neue Menschen Auf Alter Erde, 1926. URL: http://ldn-knigi.lib.ru/JUDAICA/Salt_NMen.htm (дата обращения: 07.12.2021).

Schwarz A. Sie Wiederholen Nur Immer, dass Sie Modern Sein Wollen. Ein Überblick Über Die Neueste Forschungsliteratur Zur Wiener Moderne // Literaturkritik, 2009. URL: <https://literaturkritik.de/id/12636> (дата обращения: 03.02.2022).

References

Arkhipov Yu. I., Sedel'nik V. D. *Istoriya avstriyskoy literatury XX veka* [The History of Austrian Literature of the 20th Century: in 2 vols.]. Ed. by

V. D. Sedel'nik. Moscow, IWL RAS Press, 2009, vol. 1. 623 p. (In Russ.)

Arendt H. *Skrytaya traditsiya: Esse* [Hidden Tradition: Essay]. Transl. from Ger. and Eng. by T. Nabatnikova, A. Shibarova, N. Movnina. Moscow, Tekst Publ., 2008. 221 p. (In Russ.)

Golovanova I. S. *Istoriya mirovoy literatury* [The History of World Literature]. Moscow, AST Publ., 1997. Available at: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/golovanova/literatura-vozhrozhdeniya.htm> (accessed 16 Dec 2021). (In Russ.)

Zherebin A. I. *Absolyutnaya real'nost': 'Molodaya Vena' i russkaya literatura* [Absolute Reality: 'Young Vienna' and Russian Literature]. Moscow, LRC Publishing House, 2009. 93 p. (In Russ.)

Zusman V. G. Kontsept v sisteme gumanitarnogo znaniya [The concept in the system of humanities knowledge]. *Voprosy literatury* [Issues of Literature], 2003, issue 2, pp. 3–29 (In Russ.)

Kilybaeva P. K., Otelbaeva D. M. Kontsept kak antropotsentricheskaya edinita [The concept as an anthropocentric unit]. *Nauka i obrazovanie segodnya* [Science and Education Today], 2017, issue 4 (15). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-kak-antropotsentricheskaya-edinita> (accessed 03 Feb 2022). (In Russ.)

Kol'tsova Yu. N. O strukture kontsepta kak kategorii kul'turologii [On the structure of concept as a category of cultural studies]. *Yazyk i kul'tura. Lingvistika, poetika, sravnitel'naya kul'turologiya, teoriya perevoda* [Language and Culture. Linguistics, Poetics, Comparative Cultural Studies, Translation Theory]. Ed. by N. K. Garbovskiy. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 2001. 152 p. (In Russ.)

Krasavskiy N. A. *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoy i russkoy lingvokul'turakh: monografiya*. [Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures: monograph]. Volgograd, Peremena Publ., 2001. 493 p. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i v trekh tomakh* [Selected Articles in Three Volumes]. Tallinn, Alexandra, 1992, vol. 2. Stat'i po istorii russkoy literatury XVIII - pervoy poloviny XIX veka [Articles on the History of Russian Literature of the 18th – the First Half of the 19th Centuries]. 480 p. (In Russ.)

Mlechina I. Novyy chelovek [New man]. *Entsiklopedicheskiy slovar' ekspressionizma* [Encyclopedic Dictionary of Expressionism]. Ed. by P. M. Toper. Moscow, IWL RAS Press, 2008. 736 p. (In Russ.)

Seibel N. E., Shastina E. M. Dikhotomiya 'svoego' i 'chuzhogo' v strukture Vostochnykh zametok F. Zal'tena, F. Verfelya, E. Kanetti [The dichotomy of 'one's own' and 'alien' in the structure of Eastern notes of F. Salten, F. Werfel, E. Canetti]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2022, vol. 11, issue 3,

pp. 319–335. doi 10.24224/2227-1295-2022-11-3-319-335. (In Russ.)

Tsvetkov Yu. L. Integratsiya i samoidentifikatsiya venskogo modernizma [Integration and self-identification of Viennese modernism]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 'Gumanitarnye nauki'* [Ivanovo State University Bulletin. Series: The Humanities], 2020, issue 1, pp. 42–54. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-i-samoidentifikatsiya-venskogo-modernizma> (accessed 03 Feb 2022). (In Russ.)

Tsvetkov Yu. L. *Literatura venskogo moderna* [Viennese Modern Literature]. Moscow, Ivanovo, MIK Publ., 2003. 432 p. (In Russ.)

Dagmar L. *Wiener Moderne Stuttgart*. Ed. by J. B. Metzler, 2nd rev. and upd. ed., 2007. 239 p. (In Ger.)

Mattl S., Schwarz W. M. *Felix Salten: Schriftsteller, Journalist, Exilant*. Wien, Holzhausen Verlag, 2006. 191 s. (In Ger.)

Salten F. *Neue Menschen auf alter Erde*, 1926. Available at: http://ldn-knigi.lib.ru/JUDAICA/Salt_NMen.htm (accessed 07 Dec 2021). (In Ger.)

Schwarz A. Sie wiederholen nur immer, dass sie modern sein wollen. Ein Überblick über die neueste Forschungsliteratur zur Wiener Moderne. *Literaturkritik*, 2009. Available at: <https://literaturkritik.de/id/12636> (accessed 03 Feb 2022). (In Ger.)

The Concept of 'Home' in the Essays by F. Salten 'New People in the Old Land'

Oxana P. Khalezina

Postgraduate Student in the Department of Literature and Methods of Teaching Literature
South Ural State Humanitarian Pedagogical University

69, prospekt Lenina, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation. Dysphoria12@mail.ru

SPIN-code: 9509-6315

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0118-6914>

ResearcherID: CAJ-4876-2022

Submitted 17 Jun 2022

Revised 04 Sep 2022

Accepted 20 Sep 2022

For citation

Khalezina O. P. Kontsept «dom» v ocherkakh F. Zal'tena «Novye lyudi na staroy zemle» [The Concept of 'Home' in the Essays by F. Salten 'New People in the Old Land']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 126–133 doi 10.17072/2073-6681-2022-4-126-133 (In Russ.)

Abstract. The subject of research is the ethnospecific concept of 'home' in the essays of the Austrian writer of Jewish origin Felix Salten *New People in the Old Land*. The writer's spiritual quest, embodied in the reflections of the narrator-traveler observing the developing Palestine of the early 20th century, is found in many novels and short stories written by him. It was the conviction of the importance of building a new house on the old land that gave rise to Salten's further search for a way to create a 'universal world' on the pages of literary works. The purpose of the article is to identify the place of the concept of 'home' in Salten's concept sphere and to define what it means to the author himself. The research methods rely on the principles of the relational-realistic paradigm of methodology, indicating the features of the concept's implementation in the text. Salten creates a complex ambivalent concept, the content of which reflects doubts and the problem of self-identification of the writer himself. The article shows the connection between the historical changes of the critical borderline period and the artistic system of F. Salten's essays. For Salten the concept of 'home' is, first of all, a utopian space of Eden, the hope of finding a lost paradise. 'Home' is also an object of creation – long patience and hard work in the desert lands of Palestine. At the same time, this is a utopia of saving civilization as a whole because finding a home is closely related to the pacifist idea of human unity.

Key words: concept of 'home'; literature of the early 20th century; Felix Salten; *New People in the Old Land*; Young Vienna; Theodor Herzl; Zionism; utopia.

УДК 821.111
doi 10.17072/2073-6681-2022-4-134-143

«Пугающе жуткая книга о детях...»: особенности поэтики романа Д. Тартт «Маленький друг»

Надежда Сергеевна Шалимова

к. филол. н., доцент кафедры английской филологии

Московский городской педагогический университет

129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4. shalimovans@mgpu.ru

SPIN-код: 1894-7562

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9636-1262>

Статья поступила в редакцию 26.07.2022

Одобрена после рецензирования 26.08.2022

Принята к публикации 15.09.2022

Информация для цитирования

Шалимова Н. С. «Пугающе жуткая книга о детях...»: особенности поэтики романа Д. Тартт «Маленький друг» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 134–143. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-134-143

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию наименее изученного романа Д. Тартт «Маленький друг». Описываются нарративные особенности и жанровые характеристики произведения. Имманентный метод находит воплощение в выделении особенностей повествовательной модели романа: семантики заглавия, специфики сюжетостроения, поэтики хронотопа, разработки темы расового неравенства, использовании приемов интертекстуальности и фотоэксфрасиса. Контекстуальный метод позволяет выявить в произведении черты «южного нуара», а также рассмотреть традиционные и новаторские проявления характеристик *young adult* литературы. Тема взросления в романе писательницы сопряжена с традиционными для жанра *young adult* мотивами потери, переживания смерти, болезни, душевной боли, разочарования и последующего постепенного обретения себя. Роман «Маленький друг» написан от третьего лица, повествование строится линейно, это единственное произведение Д. Тартт, где используется такой способ речевой организации, противоположный ретроспективному исповедальному нарративу романов «Тайная история» и «Щегол». Это позволяет писательнице не только сосредоточиться на внутренней жизни главной героини, но и представить историко-культурный фон, а также создать выразительные психологические портреты других персонажей и их семей. В результате исследования делается вывод о том, что роман Д. Тартт вписывается одновременно в традиции *young adult* литературы, поскольку главной семантической доминантой является тема взросления через преодоление испытаний (одиночество, потеря близких, борьба со злом/осознание иллюзорности своих представлений о нем), и литературы американского юга, контексты которой играют колоссальную роль для Д. Тартт как для писателя и человека.

Ключевые слова: южная литературная традиция; *young adult fiction*; жанровое своеобразие; повествовательная модель; хронотоп; система персонажей.

Роман «Маленький друг» (*The Little Friend*, 2002) Донна Тартт создает в традициях национальной литературы и, с одной стороны, продолжает поиск философских смыслов, служащих основой таких абстрактных концептов, как время, судьба, свобода, одиночество, достоинство (см. подробнее: [Афанасьева, Баранова, Машонина, Чупрына 2019]), а с другой – глубоко разрабатывает социальную, расовую, психологиче-

скую, возрастную проблематику. Эта диалектика воплощается в типе героя, который взрослеет, проходит инициацию. В американской литературе тема становления, поиска своего пути является типичной и находит воплощение в творчестве таких авторов, как Л. М. Олкотт, М. Твен, Дж. Лондон, Т. Драйзер, Ф. С. Фицджеральд, Х. Ли, Т. Капоте, Дж. Д. Сэлинджер, Р. Брэдбери (см. подробнее: [Гиленсон 2013]).

Роман имеет национальный колорит и за счет обращения к «южному мифу»: на это указывает построение образов, система персонажей, хронология [Анцыферова 2015: 166], переживание главной героиней чувства вины по причине, лежащей в прошлом (смерть брата), значение церкви и религии в семье. Отмечается, что «Тартт очень точно удалось передать эту слоистую, манерную, противоречивую, запутанную, бурлящую и полную благовоспитанности мешанину, которую называют Югом» [Willis 2002].

Для системы персонажей романов Д. Тартт характерна этническая и социальная разноплановость: Борис имеет украинские корни, Ида – афроамериканка, Генри представляет аристократическое сословие, семья Рэтлифф – криминально-маргинальное. Стоит отметить, что темы мультикультурализма, памяти и истории, самопознания и самоопределения человека сближают национальные модели английского и американского романа (см., например: [Меркулова 2021; Проскурнин 2013; Джумайло 2014]).

Также можно обратить внимание на широкую географию романов Д. Тартт, два из них («Тайная история», «Щегол») определяются как «северные» и один («Маленький друг») – как «южный». Место действия дебютного романа Д. Тартт «Тайная история» – колледж Хэмпден в Новой Англии, похожий на Беннингтон, в котором училась писательница. В романе «Щегол» хронология большого города показан через скитания главного героя в Нью-Йорке, Лас-Вегасе, Амстердаме. В «Маленьком друге» события перенесены в родные места Д. Тартт: город Гринвуд в штате Миссисипи становится прототипом для Александрии [Conal 2002].

Семантика заглавия

Заглавие романа любопытно с точки зрения возможной отсылки к произведению Л. М. Олкотт «Маленькие женщины»: корреляция присутствует как на уровне буквальной переключки – *The Little Friend / The Little Women*, – так и на уровне сюжетной ситуации, которая лежит в основе: отец семьи покидает дом: в романе Л. М. Олкотт – из-за участия в гражданской войне, в романе Д. Тартт – после обрушившихся на семью несчастий. Если в первом произведении героини становятся опорой друг для друга, то во втором подчеркивается их одиночество. Также заглавие связано с образом Робина, расследование обстоятельств гибели которого становится делом жизни главной героини Гарриет. Одним из итогов, после всех испытаний, опасностей, болезни, становится ее мысль о том, что, возможно, Дэнни, которого она винит в смерти брата, не только не убивал Робина, но и был его

другом. Слова, связанные с заглавием романа, произносит отец Гарриет: «Помнишь его? Маленький друг Робина. Он иногда приходил к нам во двор, они вместе играли. «Друг»? <...> сердце у нее колотилось до того бешено, что она усилием воли сдержалась чтобы не задрожать» [Тартт 2016: 622]¹. Эта реплика отца становится отправной точкой переосмысления Гарриет и собственной истории, и личности Дэнни: «Сомнения одолевали ее все сильнее, а вместе с сомнениями пришел и страх, что она, сама того не зная, совершила что-то ужасное» (622). Так в романе актуализируется важная для Д. Тартт мысль об амбивалентности добра и зла, раскрывающаяся во всех произведениях писательницы.

Система персонажей

Роман открывает описание сюжетобразующего события романа – смерти Робина. «Всю оставшуюся жизнь Шарлотта Клив будет винить себя в смерти сына из-за того, что решила в День матери садиться к столу не в полдень, после церкви, как было заведено у Кливов, а вечером, в шесть» (11). Несмотря на то что ретроспективно читатель знакомится с историей трех поколений Кливов, сюжет романа строится вокруг одного лета в жизни семьи: в начале лета Гарриет узнает от Иды о Дэнни Рэтлиффе и решает провести расследование.

До знакомства с главной героиней читатель погружается в историю семьи и атмосферу дома Кливов: «тишины в доме, воцарившейся атмосферы запустения, апатии, печали», «были нелюдимыми, чудаковатыми, угрюмыми <...> После всех этих событий <...> стали как прокаженные. Друзья начали их избегать. Другие семейные пары больше их никуда не звали, знакомые перестали к ним заходить» (28). По принципу антитезы описываются сестры Клив: старшая сестра Эллисон – домашняя и послушная, любимица бабушек, Гарриет же диковатая, неласковая, странная. Сравним:

Эллисон: «Хозяюшка ты наша <...> Красавица. Ангел наш дорогой <...> Славная девочка. Миленькая. Хорошенькая» / «Младшая же сестра Гарриет не была ни миленькой, ни хорошенькой. Гарриет была умной» (33)².

Параллельно вводится описание семьи Дэнни. Одной из ее особенностей является наличие слабоумного, особенного члена семьи. Для Кертиса характерны наивность, чистота мировосприятия, ранимость, открытое сердце. В романе раскрытию этого образа посвящено несколько выразительных эпизодов: Гарриет из всех Рэтлиффов лучше всех знает именно его, из его уст звучат нетипичные для семьи слова любви: «вцепился в Юджина, уткнулся мокрым лицом

ему в грудь. Люблю, – сказал он приглушенным голосом» (619).

Кертис описывается как беззащитный, трогательный ребенок: «перепуганный, задыхающийся Кертис сидел на стуле в коридоре, прижимая к себе огромную плюшевую игрушку» (618). «Люблю» становится главной фразой Кертиса, речь героя почти лишена связных реплик, он часто повторяет именно эту фразу: Люблю! – воскликнул он и захлопал в ладоши <...> Люблю, – проворковал Кертис (258). Гарриет не испытывает к нему плохих чувств: «Странно, думала Гарриет, что она так и не возненавидела Кертиса после того, как узнала всю правду о его семейке» (275). Героиня жалеет Кертиса и сочувствует ему, отмечая, что «иногда Кертис приходил в школу с жутковатыми синяками... без куртки, без денег на обед, да и без обеда» (276). «Он был, конечно, добряк, но двигался так резко и неуклюже, что вечно пугал людей» (258). Образ Кертиса соотносим с Бэнджи, героем романа У. Фолкнера «Шум и ярость». Благодаря фигуре Кертиса тема добра и зла семьи Рэтлифф усложняется, становится неоднозначной и двойственной.

Семантическое поле романа во многом строится на противопоставлении личностей и историй Гарриет и Дэнни, но ближе к финалу становится ясно, что и относительная благополучность Гарриет, и асоциальность Дэнни одинаково связаны с их одиночеством. Первая встреча Гарриет и Дэнни происходит в середине романа: «Гарриет вздрогнула, вскинула голову и увидела, что перед ней стоит Дэнни Рэтлифф» (330). Описание истории семей Гарриет и Дэнни идет параллельно: описываются жилища, распорядок дня, портреты бабушки Тэт и бабушки Гам. Семье Рэтлиффов, помимо криминальной составляющей, свойственна своеобразная, «южная» религиозность, типичная и для старшего поколения семьи Гарриет. Особую атмосферу создают бабушки Гарриет – старшему поколению посвящена отдельная часть романа: «Хили... немного боялся старушек Гарриет, они были длинноносые, двигались порывисто, по-птичьему и были похожи на ведьм» (251).

Одиночество героев становится исходной точкой удвоения сюжетных ситуаций: Дэнни, сидя у бабушки Гам, мечтает оказаться в другом месте, Гарриет неожиданно спрашивает у Тэт, любит ли она ее и просит разрешения остаться ночевать, на что бабушка старается придумать любую причину для отказа. По возвращении домой девочка получает пощечину от матери, которая, перепутав день и ночь, думает, что дочь пропала. Так подчеркивается атомарность детей и взрослых, их одиночество³.

После ухода Иды и потери Либби «у Гарриет осталась только одна цель в жизни – Дэнни

Рэтлифф», «Само его лицо казалось ей теперь ядовитым, и она теперь брала фотографию осторожно, за самые краешки. Воцарившийся у них дома разлад – его рук дело. Он заслужил смерть» (489). Гарриет понимает, что и сама является объектом ненависти Дэнни: после того, как около похоронного бюро их взгляды встретились, «меж ними промелькнула какая-то роковая ясность, какое-то узнавание» (489). В последней главе романа Гарриет размышляет о том, что «жизнь сломила всех взрослых, которых она знала, всех до единого» (489), поэтому финальная схватка происходит между детьми, Гарриет и Дэнни, которые во всех бедах своих семей винят друг друга: «Удар она нанесет именно сейчас, пока у нее есть на то силы, пока у нее хватит на это нервов, пока ее дух не сломлен, и одно безграничное одиночество будет ей опорой» (490).

Система персонажей романа представляется, с одной стороны, традиционной для романа воспитания, когда все второстепенные персонажи в той или иной степени становятся «учителями» главного героя и раскрывают наиболее полно и многогранно его внутренний мир, а с другой – новаторской, поскольку перед читателем одновременно раскрывается история *другого* персонажа (которого тоже в какой-то степени можно считать главным), его одиночества и взросления.

Основные топосы романа

Действие романа происходит в провинциальном городе, который полнится слухами, а по телефону не нужно представляться, поскольку все так хорошо знакомы друг с другом, что узнают по голосу. Д. Тартт наследует этот топос у Х. Ли, как и собирательный образ горожан, также похожий на «мэйкобцев». Город является замкнутым топосом, Гарриет не хочет покидать Александрию: «Когда приходили бланки для регистрации в летнем лагере, она их рвала и прятала обрывки в мусорной куче» (63).

Город показан как заброшенное, запустелое, покинутое место: «Шелестели в запустелых дворах разросшиеся сорняки, на калитках висели таблички: “ПРОДАЕТСЯ” и “ВХОД ВОСПРЕЩЕН”» (355). Гарриет покидает это место лишь однажды, когда отправляется в лагерь, который, вопреки ее нежеланию там находиться, кажется единственным спасением. По приезде она сразу понимает, что «совершила ужасную ошибку» (395): из-за отъезда не попрощалась с Идой и вследствие автокатастрофы потеряла Либби.

Хронотоп дома, родового гнезда, который, по словам адвоката Клива, разрушили «ниггеры», соотносится с архетипическим образом дома в творчестве М. Митчелл, У. Фолкнера, исследователи называют такое изображение «одновремен-

но и аутентичным и вторичным» [Hare 2002]. В произведении присутствуют жанровые черты семейной саги, сюжет разворачивается во многом как «история гибели одного семейства», она раскрывается за счет обращения к хронотопу дома, который представлен как кризисный. «Большой дом, которым Кливы владели с 1809 года... пришлось продать чтобы расплатиться с долгами судьи... Дом назывался “Напастью”. Теперь от дома остались только две дымовые трубы да замшелая дорожка» (47). Дом Гарриет, где все заполнили бесполезные вещи, где вечно сонно и пусто, после ухода Иды окончательно предается разрушению и стагнации. Любопытно сравнить его с трейлером, в котором живет Дэнни. В трейлере хозяйством заправляет бабушка Гам, там «вонючие кофейные жестянки с прогорклым маслом и свиным жиром», которые убирает Дэнни, когда она попадает в больницу: «Уборка подняла Дэнни настроение, даже Фариш отметил, до чего у них стало чисто» (406). Семейная история – базовый сюжет многих американских романов XXI в., часто он сопряжен с темой катастрофы, поскольку такая драматизация позволяет показать, что «сознание современного западного человека начинает утрачивать смысл в пространстве благоустроенного дома» [Татаринов 2015: 396].

В романе сообщается, что дом Кливов разрушается из-за запустения, а вовсе не от внешних вмешательств: «почти семьдесят лет судья его не ремонтировал, как и сорок лет до того – его мать <...> В доме уже прогнили все половицы, а фундамент был начисто изъеден термитами» (46). Тема запустения экстраполируется и на дом, в котором живет Гарриет в романном настоящем: после ухода Иды за чистотой в доме никто не следит, там никогда нет еды, всюду ненужные вещи: «...из-за чего переживать стоило, так это из-за того, какое запустение царило дома у дочери <...> когда вчера увидела, что творится у них дома, была потрясена до глубины души. Одно слово – свинарник...» (600). И Гарриет, и Дэнни дома словно нет места, они чувствуют себя одиноко.

Важным топосом кульминации романа становится **водонапорная башня**, которую Гарриет описывает в традиционном для своего мировосприятия литературном ключе, «огромный круглый бак с остроконечной крышей, похожей на шапку Железного Дровосека из “Волшебника страны Оз”». (492). Покидая после устрашающей встречи башню, оба героя сталкиваются с деталями вещного мира, которые играют символическую роль и для Дэнни, и для Гарриет: она находит перчатки, подаренные Идой, он видит рядом с мертвой змеей собственную фотографию, которую обронила, убегая, Гарриет. Гарриет зани-

мает сознание и мысли Дэнни, как и он ее: «Проникла в его сны... преследовала его, охотилась за ним, всю голову ему задурила» (515). С этого момента начинается преследование Гарриет, ее побег от семьи Рэтклиф подобен бегу Ральфа, героя романа «Повелитель мух» У. Голдинга, который спасается от преследования Джека на острове.

Когда Дэнни понимает, что Гарриет – сестра Робина, он вспоминает своего друга, воспоминания передаются трогательно, исповедально, через призму детского, наивного восприятия ребенка, он вспоминает день рождения Робина, его дом, всех родственников. Перед читателем возникает другой Дэнни, одинокий, нуждающийся в любви, добрый ребенок. Это впечатление усиливается после знакомства со снами Дэнни, ретроспективно возникают все злосчастные события его детства, его скитания и неблагополучие: «обломки разных лет его жизни... Дэнни было снова тринадцать, и он лежал на койке в первую свою ночь в колонии для несовершеннолетних, и в то же время ему было пять, и он ходил в первый класс, ему было девять, и мать лежала в больнице, он страшно по ней скучал и боялся» (535).

Тема расового неравенства

Одной из важных тем романа является тема расового неравенства, наследованная Д. Тартт у Харпер Ли, Марка Твена, Гарриет Бичер-Стоу (неслучайно главную героиню романа зовут Гарриет). Объединяющими чертами произведений Д. Тартт и Г. Бичер-Стоу являются тема любви и душевной привязанности, которые рушатся из-за предрассудков (Глазастик и Кэлпурния, Гарриет и Ида, в обоих случаях слуги заменяют девочкам маму), и сюжет собственного расследования детей.

В американской литературе парадигма расовой дискриминации часто является сюжетообразующей [Гиленсон 2003: 6], в современной литературе она находит воплощение, например, в романе «Прислуга» К. Стокетт. Во многом это объясняется тем, что штаты Миссисипи и Алабама относятся к топосу так называемого глубокого Юга (The Deep South), не только наиболее консервативной части Америки, но и поляризованной по расовому признаку: расовая сегрегация существовала в Южных штатах до 1960-х гг., для них характерны консерватизм, ортодоксальность.

Завязка романа и отправная точка развития сюжета – рассказ Иды о стрельбе белых мужчин в «старую негритянку с веснушчатými щеками и рядом седых косичек» (146). Сама Ида, также пострадавшая во время пожара, устроенного в церкви семьей Рэтклифф, показывает девочке глубокий ожог на ноге: «прижгло, будь здоров... болел он так, что я полтора месяца глаз не со-

мкнула» (152). Именно эта героиня – бесконечно любимый и дорогой Гарриет человек: «Ида была незыблемым центром, вокруг которого вертелся мир Гарриет: обожаемая незаменимая ворчунья с мягкими ручищами, громадными влажными глазами навывкате и такой улыбкой, что Гарриет казалось: до Иды в мире никто не улыбался» (161). Она рассказывает свою историю, после которой Гарриет окончательно решает мстить Рэтлиффам: «Кирпичами швырялись да вслед бедной девочке улюлюкали, мол, ниггерша да убирайся в свои джунгли» (149). С образом Иды связаны народные песни, колыбельные, сказки, которые так любит Гарриет⁴. Искренняя любовь к Иде дополняет и углубляет психологический портрет Гарриет, как и то, насколько она любит своих бабушек и тянется к ним, хотя часто встречает равнодушие. Отношения Гарриет и Иды являются одной из ключевых сюжетных линий романа, их итогом становится драматичное расставание в главе «Красные перчатки».

Любовь и нежность, которые героиня испытывает к темнокожей служанке, обречены, так как Шарлотта Клив, отстраненно пребывая в своем мире, где день путается с ночью, а лучшим обедом является мороженое, совершает решительный необоснованный поступок: увольняет Иду. Ощущая одиночество и потерянную, Гарриет жалуется еще одному любимому и дорогому человеку – бабушке Либби, которая подводит итог, во многом служащий квинтэссенцией всего романа: «Как же плохо быть ребенком, – просто сказал она, – когда все за тебя решают взрослые» (370).

Тема взросления

Одним из смысловых центров романа является уже обозначенная тема взросления, типичная для творчества Д. Гартт (см. подробнее [Фомина 2017; Heineman 2015]). Гарриет «не нравились детские книжки, в которых дети выросли, потому что это самое “взросление” (что в книжках, что в реальной жизни) всегда означало, что герои самым непонятным образом скучнели прямо на глазах; ни с того ни с чего мальчики и девочки ради какой-то глупой любви забрасывали все приключения, женились, обзаводились семьями и начинали себя вести как тупые коровы» (162).

В лагере, где все противоречит привычному образу жизни Гарриет, не соответствует ее ценностям, она осознает свое взросление: «впервые в жизни записали в “подростки”, которые, судя по выданной ей литературе, были совершенно безмозглыми существами – сплошные выпуклости и выделения» (415). Проходя путь инициации / расследования смерти Робина, героиня выдерживает сильнейшие испытания, она теряет

Иду и Либби, переживает смерть и одиночество: «Ида уехала, Либби умерла, и все теперь было ужасно и неправильно» (436).

Лишившись самого дорогого человека, Иды, Гарриет едва не лишается Хили, своего единственного друга: «Гарриет казалось, что даже Хили она потеряла или вот-вот потеряет, будто и он в ее жизни появился только мимоходом, как лето или как светлячки» (389). Так, ее взросление сопряжено с традиционными для жанра *young adult* литературы мотивами потери, переживания смерти, болезни, душевной боли, разочарования и последующего постепенного обретения себя [Шалимова 2022: 120].

Тема расового неравенства раскрывается одновременно в контексте «южной» традиции и жанрового канона *young adult* литературы (см. подробнее [Cart 2016]): историко-культурный контекст и тема взросления как постижения несправедливости, утраты, одиночества оказываются неразрывно связанными.

Литературность мировосприятия Гарриет

Главная героиня романа много читает, является постоянным посетителем библиотеки, в одиноком доме ее верными друзьями становятся книги. Для мировосприятия Гарриет характерна книжность, литературность, она ведет свое расследование как приключение, навеянное атмосферой книг Киплинга, Стивенсона. Из братьев Рэтлифф, которые «все как один – здоровяки, все загорелые, потные, все в татуировках», она выделяет «бородача с космами... точь-в-точь слепой Пью из “Острова сокровищ”» (329).

Одной из главных книг в круге чтения Гарриет является «Книга джунглей», идею использовать яд кобры девочка берет как раз из книг Р. Киплинга: «Вонь под мормонским домом, блестящие гвозди в разноцветных ящиках, вытянутые тени в ярко освещенном дверном проеме – все это, да еще много чего просочилось в ее сон, причудливо перемешалось с причудливыми черно-белыми картинками из дешевого издания “Рикки-Тиви-Тави”» (339).

В тяжелый момент прощания с Либби Гарриет тоже вспоминает литературу: «Отсюда можно сбежать. Мысленно. Что там Питер Пэн говорил Вэнди? Закрой глаза и вспомни что-нибудь славное» (443).

В эпизодах похорон Либби способность всеведущего нарратора проникать в сознание как главных, так и второстепенных героев также показана наиболее отчетливо: сначала представлена точка зрения Гарриет, ее горе, многократно усиливающее лейтмотив одиночества в мире взрослых, затем библиотекаря миссис Фонтейн, внешнего наблюдателя, и после – Эди, включен-

ного взрослого, также переживающего глубокую потерю, но еще обеспокоенного, в отличие от Гарриет, внешней, бытовой стороной: «накануне вечером она... металась по дому с совком... взбивала подушки, протирала зеркала, двигала мебель, перетряхивала ковры и намывала полы» (455).

В интертекстуальном поле романа появляются упоминания кинематографа, например, дважды встречается фильм «Из России с любовью» – в начале расследования детей его ассоциативно упоминает Хили и в конце романа вновь возвращается к нему, на просьбу Гарриет придумать что-нибудь «еще поддетективнее» героиня отвечает: «Можно придумать, как в том фильме, “Из России с любовью”. Ну, там, где был чемодан... который стреляет пулями и слезоточивым газом» (614). Так, желание продумать криминально-детективную составляющую «чтобы было, как в кино» сопряжено с «русской темой», которая будет развернуто представлена в романе «Щегол».

Еще одним примером использования приема интертекстуальности является упоминание финальной книги, которую читает Гарриет, ее в больницу приносит Тэтти: «на тумбочке лежала толстая книжка в голубой обложке – дневник капитана Скотта. От одного ее вида у Гарриет стало легче на сердце, но вскоре появилось неприятное чувство, будто книга обращается к ней, к Гарриет, напрямую, и ей стало не по себе» (621).

В конце романа, подводя итоги, ощущая душевное смятение, потерянности, неуверенность в правильности выводов о вине Дэнни и своих поступков по отношению к нему, Гарриет говорит о том, что «тайное послание капитана Скотта все-таки дошло до нее, и в нем говорилось, что победа зачастую ничем не отличается от поражения» (627). Так, литературоцентризм сопровождает рефлексию Гарриет на протяжении всего произведения, и именно литература помогает осмыслению пройденного пути в финале.

Фотоэкфрасис

Важную роль в поэтике романа играет обращение к фотографии⁵. На фотографиях запечатлены важные эпизоды жизни семьи, они обладают особым нарративом, который возможен лишь при наличии взгляда персонажа, пытающегося разгадать не только «кадровую», но и закадровую тайну [Полуэктова 2021: 103]. Этим персонажем становится Гарриет, которая через фотографии старается более глубоко и многосторонне узнать прошлое своей семьи и историю Робина, понять его личность. «Гарриет целыми днями могла разглядывать старые снимки в фотоальбоме...» (49).

Снимки с Робинем особенно дороги, сакральны для Гарриет: «Больше всего Гарриет любила

фотографии с братом... их хранили отдельно, на полке в чулане у Эди, в коробке-сердечке из-под шоколадных конфет... Через них Гарриет приоткрывалась дверка в сказочный мир – магический, цельный, утраченный навеки» (50).

Фотографии становятся для Гарриет идеальным миром, миром безоблачных воспоминаний, в который ей хочется возвращаться снова и снова: «Фотографии завораживали Гарриет. Больше всего на свете ей хотелось ускользнуть из этого мира в их прохладную, синеватую прозрачность, где был жив ее брат, и стоял красивый дом, и все всегда были счастливы» (51). Благодаря фотографии героиня узнает историю своего рождения, прихода в этот мир: «Гарриет родилась в канун Рождества, когда на дворе бушевала самая снежная за всю историю Миссисипи вьюга. В коробке-сердечке нашелся снимок и этого снегопада... ее только-только, в белоснежный сочельник привезли домой из больницы» (52).

Именно разглядывая фотографии, Гарриет узнает Робина и познает себя: «Была у Гарриет в коробке-сердечке и самая любимая фотография, которую она разглядывала снова и снова при свете фонарика: на ней Робин и Эллисон вместе с Гарриет сидят в гостиной “Напасти” под елкой. Ничто на снимке не указывало на то, что их ждет череда несчастий... Тогда, конечно, этого никто не знал: на дворе было Рождество, в семье было прибавление, все были счастливы и думали, что это счастье будет длиться вечно» (53).

Фотографии не только передают семейное тепло, безмятежное счастье, но и служат предвестниками беды, предвосхищают ее: «Свет на фото был дробленный, сентиментальный, пылающий предвестием беды. К следующему Рождеству помрет даже Прыгунок» (53). Фотографии играют в романе характерологическую роль, служат важным приемом создания образа Робина, помогают дешифровке Гарриет его личности (на некоторых снимках Робин «как живой»), а также помогают лучше понять Эллисон, которая хоронит свою фотографию вместе с умершим котом. «Эллисон, всхлипывая, зачерпнула огромную горсть земли и швырнула ее в могилу – прямо на свое улыбающееся лицо» (69). Символически этот эпизод соотносится с судьбой всей семьи после смерти Робина, поскольку она лишена жизни, любви, радости.

Организация повествования

Метафоричность и глубину роману придают названия глав: «Мертвый кот» повествует о смерти кота Вини, это событие становится трагедией Эллисон, лишает ее внутренней жизни. В «Черном дрозде» черту переходит Гарриет, это своеобразная инициация героини, когда в ее ру-

как погибает раненая птица (впоследствии образ птицы становится сюжетообразующим в романе «Щегол»). В главе «Бильярдная» сталкиваются все герои и сходятся сюжетные линии Дэнни и Гарриет, которые прежде шли параллельно. За ней следует «Миссия» – кульминационная точка романа, которая готовит развязку. Новое испытание главной героини и следующая ступень взросления – глава «Красные перчатки», в центре которой события, связанные с мотивом одиночества и усиливающие его: расставание с Идой, решение ехать в лагерь. Наиболее интригующая часть романа – «Похороны», она реализует игровой принцип: читателю кажется, что речь пойдет о смерти кого-то из членов семьи Рэтглиф, он, как и Гарриет, не подозревает, что впереди еще одна трагедия: автокатастрофа и гибель Либи.

Глава «Похороны» трагически рифмуется с первой главой романа «Мертвый кот», прямое соотношение этих событий, схожая рецепция детьми прямо артикулируется Эди: «До сих пор вон сидят на крыльце и надрываются, точь-в-точь как по мертвому коту, никакой разницы, с горечью думала Эди» (456). В этой же интенсивной с точки зрения нарративного устройства главе происходит удвоение сюжетной ситуации несправедливого отношения к Иде: служанку Либби Одеан, много лет посвятившую Либби, не уведомили о ее гибели и не пригласили на похороны «Пятьдесят пять лет я проработала у мисс Либ, а мне никто и словечком не обмолвился» (463). Рифмуется и гордое, отстраненное поведение Иды и Одеан: «Одеан, не меняясь в лице, отвернулась и ушла куда-то за горизонт» (464).

Одной из нарративных стратегий романов Тартт становится игра с точками зрения. Мета-нарратор использует одни и те же синтаксические формы и для выражения своих суждений, и для проникновения в сознание героев, одна точка зрения плавно переходит в другую [Шмид 2003: 109]⁶. Роман «Маленький друг» написан от третьего лица, но правом повествования наделяются и Гарриет, и Дэнни, и даже Хили, сознание персонажей раскрывается глубоко и многомерно.

Например, в главе «Миссия», когда Гарриет и Хили едва не оказываются схваченными, через повествование от третьего лица вдруг слышится внутренний голос мальчика: «Он уперся головой в стену, повозил ей туда-сюда. Ну почему он такой тупой?» (322). Этот риторический вопрос словно обращен к самому себе. Затем на первый план выходит точка зрения Гарриет: «От ужаса она боялась пошевелиться и лежала на боку, уставившись в крошечную тьму. Долго ей придется тут лежать?» (323). В уже упомянутой главе «Красные перчатки» Гарриет переживает первую личную трагедию – уход Иды, наррация

передается ей: «перчатки найдутся, не думай о них сейчас, подумай о чем-нибудь другом...» (375). В переломные моменты Гарриет способна занимать метапозицию: «Я окружена врагами» – напомнила себе Гарриет. И тут же: «Да, она ненавидит лагерь на озере Селби, но сейчас для нее безопаснее места и не придумаешь» (397) (в абзаце выделено мной. – Н. Ш.)

Категория времени в романе носит ретроспективный характер: главное событие произошло в прошлом и сознание главных героев обращено к нему: «Гарриет хотелось бежать только назад, потому что сейчас ей хотелось только одного – убежать в прошлое» (379). После того, как они с Хили сбросили кобру, Гарриет фиксирует: «Они с Хили прицелились и угодили даже не в машину, а в точку бифуркации: время стало зеркалом заднего вида, в котором мелькнуло и исчезло прошлое» (379), в то же время нарратору открыто будущее: «Гарриет потом еще вспомнит этот день» (389).

Подводя итоги, можно отметить следующее: опираясь на жанровые и нарративные константы «южного» романа, Д. Тартт разрабатывает такие его черты, как опора на топос (провинциальный город, унаследованный от У. Фолкнера и Х. Ли), бунт против системы (собственное расследование Гарриет), связь с прошлым (большое внимание в романе уделяется семейной летописи, истории бабушек). Провинциальный город, замкнутый в своих рамках, становится выразительным фоном для взросления героини. Основными локусами можно назвать дом и башню, именно с ними связаны ключевые события романа.

Система персонажей романа представляется и традиционной для истории становления, когда второстепенные герои в той или иной степени становятся «учителями» главного и раскрывают наиболее полно и многогранно его внутренний мир, и новаторской, поскольку перед читателем одновременно раскрывается история *другого*, его одиночества и взросления. Важную роль в поэтике романа играет глубокая проработка темы взросления: к финалу романа герой-антагонист раскрывается настолько многогранно, что становится, скорее, двойником главной героини, он показан таким же одиноким, непонятым, чуждым собственной семье. Именно это подчеркивает вынесенная в заглавие статьи авторская цитата [Viner 2002]: тема взросления сопряжена с традиционными для жанра *young adult* литературы мотивами потери, переживания смерти, болезни, душевной боли, разочарования и последующего постепенного обретения себя. Тема расового неравенства раскрывается одновременно в контексте «южной» традиции и жанрового канона *young adult* литературы: историко-культурный контекст и тема взросления через постижение

несправедливости, утраты, одиночества оказываются неразрывно связанными.

Поэтику романов Д. Тартт обогащает интертекстуальность и интермедальность: произведения изобилуют обращениями к кинематографу, живописи, музыке, фотографии, в художественном повествовании присутствуют фрагменты газетных статей, объявлений, фильмов, книг, которые читают герои. Фотографии играют в романе характерологическую роль, служат важным приемом создания образа Робина, помогают «разгадыванию» Гарриет его личности, а также характеризуют Эллисон, которая хоронит свою фотографию вместе с умершим котом и так метафорически прощается с собственной жизнью (ключевой мотив, сопряженный с этим образом, – мотив сна).

Роман «Маленький друг» написан от третьего лица, повествование строится линейно, это единственное произведение Д. Тартт, где используется такой способ речевой организации, противоположный ретроспективному исповедальному нарративу романов «Тайная история» и «Щегол». Данный способ нарративного устройства позволяет писательнице сосредоточиться не только на внутренней жизни героини, но и представить историко-культурный фон, а также создать выразительные психологические портреты других героев и их семей (мир домов Дэнни, Хили, бабушек Гарриет). Таким образом, роман вписан одновременно в традиции *young adult* литературы, поскольку главной семантической доминантой является тема *взросления* через преодоление испытаний (одиночество, потеря близких, борьба со злом/осознание иллюзорности своих представлений о нем) и литературы американского юга, контексты которой играют колоссальную роль для Д. Тартт как для писателя и человека.

Примечания

¹ В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием страниц в скобках.

² Такое противопоставление схоже с описанием Веры и Марфеньки в романе И. А. Гончарова «Обрыв».

³ В этом видится параллель с образами детей из цикла «Девять рассказов» Дж. Д. Сэлинджера, которые тоже не находят понимания и поддержки в мире взрослых.

⁴ Симптоматично, что в наиболее драматичные моменты повествования в романе «Щегол» песни поет для главного героя Тео его друг Борис, успокаивая и поддерживая.

⁵ Экфрасис играет сюжетообразующую роль в романе «Тайная история» (см. подробнее: [Черноземова 2017]).

⁶ Ненадежная наррация в художественном мире Д. Тартт становится важным приемом в

выстраивании образа Одри Декер («Щегол»): читатель видит героиню исключительно через призму сознания Тео. Это не просто взгляд Тео – любящего сына, это оптика Тео, который потерял мать. Так происходит с образом Банни («Тайная история»), Робина, герои идеализируются: об уходе Банни скорбит весь колледж, он наделяется чертами, которых никогда не имел, Робин буквально причисляется к лику святых.

Список источников

Тартт Д. Маленький друг / пер.с англ. А. Завозовой. М.: АСТ, 2016. 640 с.

Список литературы

Анцыферова О. Ю. «Южный миф» и роман Донны Тартт «Маленький друг» // Филология и Культура. 2015. № 2 (40). С. 165–170.

Афанасьева О. В. и др. Американская культурно-языковая картина мира XIX века: время, свобода, судьба, одиночество, достоинство / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, В. С. Машошина, О. Г. Чупрына. М.: Диона, 2019. 112 с.

Гиленсон Б. А. История литературы США. М.: Академия, 2003. 704 с.

Джумайло О. А. Английский исповедально-философский роман 1980–2000 гг.: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 395 с.

Меркулова М. Г. Теория английскости в контексте исследования творчества писателей-мультикультураллистов в Великобритании // Язык и литература в проблематике современных гуманитарных наук: сб. науч. тр. по лингвистике и литературоведению / отв. ред. Л. Р. Зурабова. М.: Принтика, 2021. С. 108–114.

Полуэктова Т. А. Фототекстуальность как категория поэтики английского романа: жанровая репрезентативность // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 4. С. 100–110. doi 10.17072/2073-6681-2021-4-100-110

Проскурнин Б. М. О некоторых тенденциях развития современной английской литературы (судьбы романа в Англии 1980–2000-х гг.) // Мировая литература в контексте культуры. 2013. № 2(8). С. 38–51.

Татаринов А. В. Мировоззренческие стратегии в современном американском романе // Российский гуманитарный журнал. 2015. № 5. С. 395–406.

Шалимова Н. С. Романы Д. Тартт в контексте феномена «young adult literature»: поэтика и опора на наследие Ф. М. Достоевского // Известия Уральского федерального университета. 2022. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. Т. 28. № 1. С. 117–128. doi 10.15826/izv1.2022.28.1.012

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Фомина Е. М. «Щегол» Д. Тартт как роман воспитания // Новый филологический вестник. 2017. № 4(43). С. 261–271.

Черноземова Е. Н. Функция экфрасических обращений в романе Донны Тартт «Тайная история» [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2016. № 4 (июль – август). С. 57–69. URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2016/4/Chernozemova_Tartt-Secret-History/ (дата обращения: 05.05.2022).

Cart M. Young adult literature: From romance to realism. Chicago: Neal Schuman Publ. 2016. 242 p.

Hare D. Great Expectations. The Little Friend by Donna Tartt // The Guardian. Sunday. 2002. 27 October. URL: <http://www.theguardian.com/books/2002/oct/27/fiction.features> (дата обращения: 12.05.2022).

Conal N. Author Donna Tartt Discusses her Literary Career and her Latest Novel, The Little Friend // Talk of the Nation. 2002. URL: <https://www.npr.org/programs/talk-of-the-nation> (дата обращения: 05.07.2022).

Heineman H. David Copperfield and The Goldfinch: The Coming of Age Novel in Two Centuries // Midwest Quarterly. 2015. Vol. 57. Iss. 1. P. 23–36.

Viner K. A Talent to Tantalize // The Guardian. 2002. Saturday 19 October. URL: <https://www.theguardian.com/books/2002/oct/19/fiction.features> (дата обращения: 03.07.2022)

Willis D. “The Little Friend”: Tartt Gets the South // The Baltimore Sun. 2002. November 3. URL: http://articles.baltimoresun.com/2002-11-03/entertainment/0211040349_1_donna-tartt-harrietcompelling-prose (дата обращения: 12.06.2022).

References

Antsyferova O. Yu. ‘Yuzhnyy mif’ i roman Donny Tartt ‘Malen’kiy drug’ [‘Southern myth’ and the novel ‘The Little Friend’ by D. Tartt]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2015, issue 2(40), pp. 165–170. (In Russ.)

Afnas'eva O. V. et al. *Amerikanskaya kul'turno-yazykovaya kartina mira 19 veka: vremya, svoboda, sud'ba, odinochestvo, dostoinstvo* [American Cultural and Linguistic Picture of the World of the 19th Century: Time, Freedom, Fate, Loneliness, Dignity]. O. V. Afnas'eva, K. M. Baranova, V. S. Mashoshina, O. G. Chupryna. Moscow, Diona Publ., 2019. 112 p. (In Russ.)

Gilenson B. A. *Istoriya literatury SShA* [Literary History of the USA]. Moscow, Akademiya Publ., 2003. 704 p. (In Russ.)

Dzhumaylo O. A. *Angliyskiy ispovedal'no-filofski roman 1980–2000 gg. Dis. d-ra filol. nauk* [The English confessional and philosophical novel of the 1980s–2000s. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2014. 395 p. (In Russ.)

Merkulova M. G. Teoriya angliyskosti v kontekste issledovaniya tvorchestva pisateley-mul'tikulturalistov v Velikobritanii [The theory of Englishness in the context of studying the oeuvre of multiculturalist writers in the UK]. *Yazyk i literatura v problematike sovremennykh gumanitarnykh nauk: Sbornik nauchnykh trudov po lingvistike i literaturovedeniyu* [Language and Literature as Studied in Modern Humanities: Collection of scientific works on linguistics and literary studies]. Ed. by L. R. Zurabova. Moscow, Printika Publ., 2021, pp. 108–114. (In Russ.)

Poluektova T. A. Fototekstual'nost' kak kategoriya poetiki romana: zhanrovaya reprezentativnost' [Phototextuality as a poetological category of the English novel: Stating the problem]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 4, pp. 100–110. doi 10.17072/2073-6681-2021-4-100-110. (In Russ.)

Proskurnin B. M. O nekotorykh tendentsiyakh razvitiya sovremennoy angliyskoy literatury (sud'by romana v Anglii 1980-2000-kh gg.) [On some principal tendencies of contemporary English literature development (dynamics of novel in England of the 1980s–2000s)]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture], 2013, issue 2(8), pp. 38–50. (In Russ.)

Tatarinov A. V. Mirovozzrencheskie strategii v sovremennom amerikanskom romane [World outlook strategy in the modern American novel]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Liberal Arts in Russia], 2015, issue 5, pp. 395–406. (In Russ.)

Shalimova N. S. Romany D. Tartt v kontekste fenomena ‘young adult literature’: poetika i opora na nasledie F. M. Dostoevskogo [The novels of D. Tartt in the context of the phenomenon of ‘young adult literature’: Poetics and references to F. M. Dostoevsky]. *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta*. [Izvestia. Ural Federal University Journal], 2022, vol. 28, issue 1, pp. 117–128. doi 10.15826/izv1.2022.28.1.012. (In Russ.)

Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, LRC Publishing House, 2003. 312 p. (In Russ.)

Fomina E. M. ‘Shchegol’ D. Tartt kak roman vospitaniya [‘The Goldfinch’ by D. Tartt as Bildungsroman]. *Novyy filologicheskiy vestnik* [The New Philological Bulletin], 2017, issue 4(43), pp. 261–271. (In Russ.)

Chernozemova E. N. Funktsiya ekfrasicheskikh obrashcheniy v romane Donny Tartt ‘Taynaya istoriya’ [The function of ekphrastic references in Donna Tartt’s novel ‘The Secret History’]. *Informatsionnyy gumanitarnyy portal ‘Znanie. Ponimanie. Umenie’* [Informational portal ‘Knowledge. Understanding. Skill’ for the humanities], 2016, issue 4 (July – August), pp. 57–69. Available at: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2016/4/Chernozemova_Tartt-Secret-History/ (accessed 5 May 2022). (In Russ.)

Cart M. *Young Adult Literature: From Romance to Realism*. Chicago, Neal Schuman Publ. 2016. 242 p. (In Eng.)

Hare D. Great Expectations. The Little Friend by Donna Tartt. *The Guardian*. Sunday. 2002. 27 Oct. Available at: <http://www.theguardian.com/books/2002/oct/27/fiction.features> (accessed 12 May 2022). (In Eng.)

Conal N. Author Donna Tartt discusses her literary career and her latest novel, *The Little Friend*. *Talk of the Nation*. 2002. Available at: <https://www.npr.org/programs/talk-of-the-nation> (accessed 5 Jul 2022). (In Eng.)

Heineman H. David Copperfield and The Goldfinch: The coming of age novel in two centuries. *Midwest Quarterly*, 2015, vol. 57, issue 1, pp. 23–36. (In Eng.)

Viner K. A Talent to Tantalize. *The Guardian*. 2002. 19 Oct. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2002/oct/19/fiction.features> (accessed 03 Jul 2022). (In Eng.)

Willis D. 'The Little Friend': Tartt gets the South. *The Baltimore Sun*. 2002. 3 Nov. Available at: http://articles.baltimoresun.com/2002-11-03/entertainment/0211040349_1_donna-tartt-harrietcompelling-prose (accessed 12 Jun 2022). (In Eng.)

'A frightening, scary book about children...': the Poetics of the Novel 'The Little Friend' by D. Tartt

Nadezhda S. Shalimova

Associate Professor in the Department of English Philology

Moscow City University

4, 2-oy Sel'skokhozyaystvennyy proezd, Moscow, 129226, Russian Federation. shalimovans@mgpu.ru

SPIN-code: 1894-7562

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9636-1262>

Submitted 26 Jul 2022

Revised 26 Aug 2022

Accepted 15 Sep 2022

For citation

Shalimova N. S. «Pugayusche zhutkaya kniga o detyakh...»: osobennosti poetiki romana D. Tartt «Malen'kiy drug» ['A frightening, scary book about children...': the Poetics of the Novel 'The Little Friend' by D. Tartt]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 134–143. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-134-143 (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to comprehensive research on the novel *The Little Friend* by D. Tartt. It investigates the narrative features and genre characteristics of the literary work. The immanent method was used in research to study the narrative model: the symbolic meaning of the title, the specifics of the settings and plot structure, means of characterization, the theme of racial inequality, intertextuality, and photographic ekphrasis in the novel. The contextual method allowed us to identify the features of the 'southern noir' in the novel, as well as to consider the traditional and innovative manifestations of the characteristics of young adult literature. The theme of growing up in the novel is associated with traditional motives of loss, experiencing death, illness, mental pain, disappointment, and self-attainment. *The Little Friend* is third-person narration, this is the only work by D. Tartt where it is used, opposite to the retrospective confessional narration of the novels *The Secret History* and *The Goldfinch*. The story is told by the omniscient author who enters the mind of his character. It gives the writer the possibility to focus not only on the inner world of the main characters but also to present the historical and cultural background, as well as to create expressive psychological portraits of the minor characters and their families. The tone of the novel is quite conversational; the narrator is very exact in describing the characters and places. The paper concludes that the novel simultaneously contains the features of young adult fiction – the theme of growing up through overcoming trials (loneliness, loss, fighting the evil / awareness of the illusory nature of ideas about it), and the characteristics of the literature of the American South, the contexts of which play a crucial role for D. Tartt as a writer and a person.

Key words: southern literary tradition; young adult fiction; genre, narrative model; chronotope; the system of characters.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» (ISSN: 2073-6681; eISSN: 2658-6711) зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литератур; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 28.12.2018 – 10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы), 10.01.10 – Журналистика, 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи), 10.02.03 – Славянские языки, 10.02.04 – Германские языки, 10.02.19 – Теория языка, 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика; с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология.

Полнотекстовая версия журнала выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикации в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлекцией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редколлекции даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлекцией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в полемику и переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных. Зам. гл. редактора – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутимова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Варвара Андреевна Бячкова.

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (тел. (342)2396795), ауд. 172 (тел. (342)2396290).

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 14. Выпуск 4 / 2022

Редакторы *Е. И. Герман, О. И. Кирьянова*
Корректор *Е. Г. Иванова*
Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 22.12.2022. Дата выхода в свет 26.12.2022
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 16,86. Тираж 500 экз. Заказ 188

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008
<https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/i41008/>

Распространяется бесплатно и по подписке